

ISSN 0131-7377

СЕМЬЯ И ШКОЛА

ЖУРНАЛ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

11 1990

Ежемесячный журнал
для родителей
Издаётся с мая 1946 года

Главный редактор
В. Ф. СМЕРНОВ

Редакционная коллегия:

М. В. АНТРОПОВА,
Т. М. АФАНАСЬЕВА,
И. В. ДУБРОВИНА,
Ю. И. ЕРМОЛАЕВ,
И. Д. ЗВЕРЕВ,
В. А. КАРАКОВСКИЙ,
Г. А. КОВАЛЕВ,
Р. А. КУРБАТОВА,
В. Л. ЛЕВИ,
О. Н. МАМОНТОВА

(зам. главного редактора),
Ф. М. МОРОЗОВ,
В. А. ПОЛЯКОВ,
В. А. РЫБАКОВ
(редактор отдела психологии),
Г. Н. СЕРДЮКОВСКАЯ,
Л. Н. ТИМОФЕЕВА,
В. И. ЧЕРЕДНИЧЕНКО,
Б. Т. ШУМИЛИН

Редакторы отделов:

Н. АВТАМОНОВА
(семейного воспитания),
С. ВОЛЬШОНОК
(писем),
Л. ОСИПОВА
(эстетического воспитания),
С. ПАРСАДАНЯН
(семейного быта и досуга),
С. СИВОКОНЬ
(литературы и критики),
Е. СМОЛКО (школ)

Редакторы:

Г. БЕЛИКОВА,
Т. БУКАШКИНА,
Ж. БЫКОВА

Зав. редакцией
Т. ПЕТРОВСКАЯ

Художественный редактор
Л. ШУВАЛОВА

Технический редактор
Н. БЕЛЯКОВА

Макет и оформление
художника Р. ТАБАЧНИКОВА

✉ Адрес редакции:
129278, Москва,
улица Павла Корчагина, 7

☎ Телефоны редакции:
283-86-14, 283-80-09

© «Педагогика»
«Семья и школа», 1990

В НОМЕРЕ:

ШКОЛА — ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ	5	А. Леонтьев, А. Загорский. Как мы учились
АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ШКОЛА	9	И. Брохман. Что такое вальдорфская педагогика
ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА	12	З. Светова. Икона — «окно» в Царствие Божие
КЛУБ МНОГОДЕТНОЙ СЕМЬИ	14	
КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМУ	20	В. Анисимов. Школа повиновения
ПОДРОСТОК И ОБЩЕСТВО	23	Ф. Ипполитов. Правовое воспитание: с чего начать?
ГЛАЗАМИ ПСИХОЛОГА	26	А. Осницкий. «Ты зачем без спросу зашел в шкаф?!»
ИНТИМНЫЙ МИР СЕМЬИ	32	А. Егидес. Всё это надо знать
	35	С. Долецкий. Принадлежать друг другу
РЕКЛАМА	37	
ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ	38	Е. Билькис. Школа искусств сегодня и в перспективе
БЫЛОЕ	41	Р. Багаутдинов. Письмо министру
ПОЧТИ НЕВЫДУМАННАЯ ИСТОРИЯ	43	Ю. Айхенвальд. Ангел, Сталин и я, третий лишний
КНИГИ И СУДЬБЫ	47	С. Сивоконь. Письма из Лозанны
КНИГИ	50	
БРАТЬЯ НАШИ МЕНЬШИЕ	51	Н. Романова. Дайте кошке слово
СЕМЕЙНЫЙ ДОСУГ	54	
ДОМАШНИЙ МУЗЕЙ	60	Л. Осипова. О картине Василия Максимова «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу»
ДЛЯ МАЛЫШЕЙ	62	

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Вот и наш журнал настигла беда, уготованная плановой социалистической экономикой. Нет бумаги на обложку этого номера, не уверены, что будет и на следующий. Мы вынуждены были отдать под обложку страницы, предназначенные для текста.

Мало того, что журнал «похудел» на целых восемь полос, он лишился еще и цвета, многокрасочности.

Мы надеемся, что руководители Госкомпечати СССР, которые распределяют бумагу, и издательство «Педагогика», которое бумагой «Семья и школу» должно обеспечивать, восстановят справедливость, решат бумажную проблему в пользу журнала, а значит, и вас, нашего читателя.

Сдано в набор 07.09.90. Подписано в печать 09.10.90. Формат 84×108^{1/16}. Бумага «Котлас». Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,14. Усл. кр.-отт. 12,6. Уч.-изд. л. 12,76. Тираж 2 900 360 экз. Заказ 1857. Цена 30 коп.

Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР и Государственного комитета СССР по печати
119043, Москва, Смоленский бульвар, 4

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати 142300, г. Чехов Московской области

*Авторская
почерк*

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

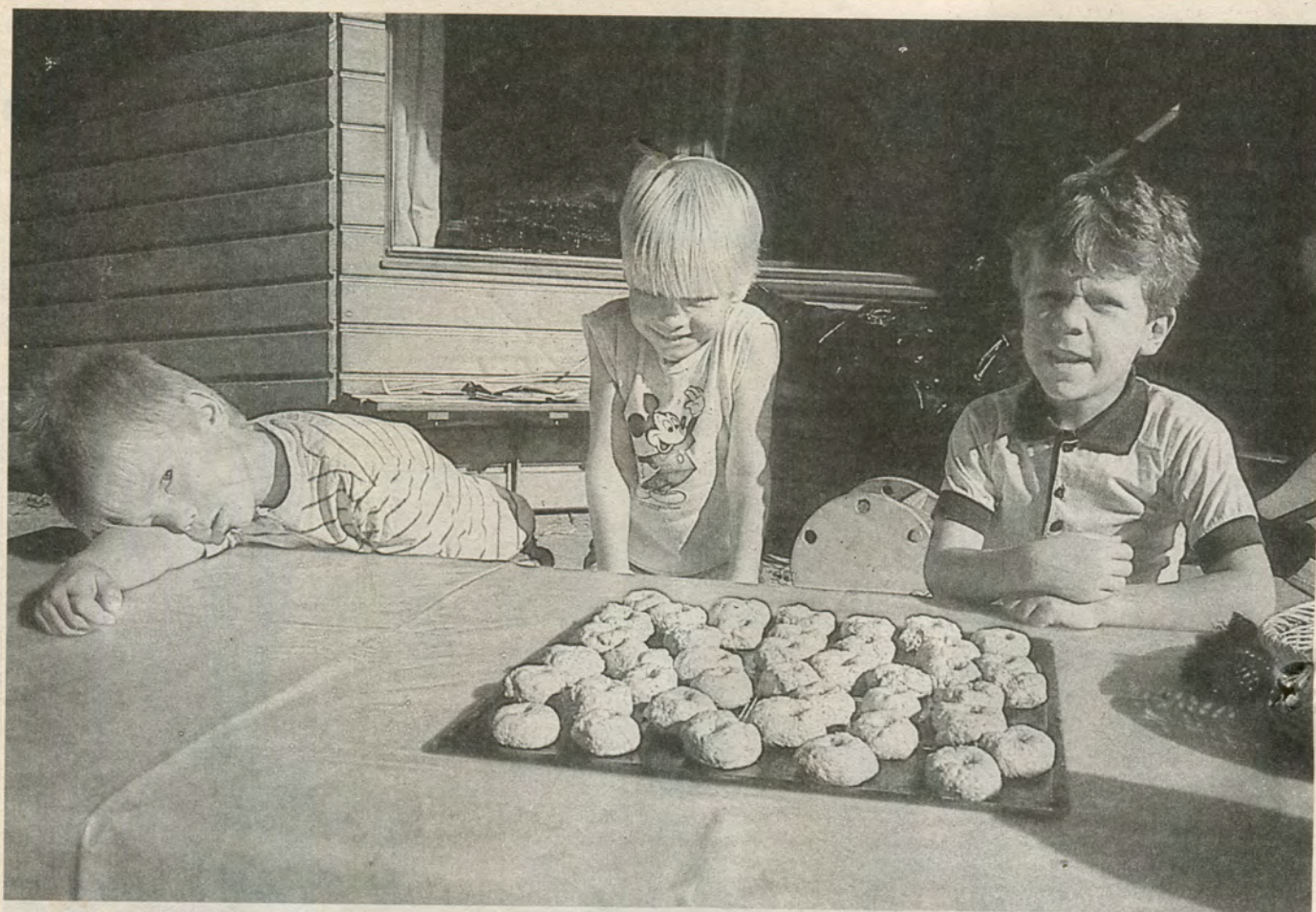
Фотографии нынешней подборки «Авторского почерка» принадлежат — противу установившегося уже обычая — не одному автору. В данном случае можно говорить об авторском почерке читателя: слово предоставлено фотографам «с мест» — любителям и профессионалам. Мы надеемся, что пристрастный, одновременно любящий и негодующий, взгляд фотографа из глубинки представит достаточно широкий и точный срез того, что именуют провинцией.

Что же она такое? Если приглядеться, мы обнаружим с умилением и удивле-

нием, что она — страна нашего детства. В этой стране деревья были большими, а зеленые дворики позади покосившихся деревянных домов — настоящими джунглями.

Сами же домики со скрипучими полами и оранжевыми абажурами над круглыми обеденными столами были воплощением семейного тепла и уюта. А пыльные и кривоватые улочки были родней родного — вся жизнь ребячья с утра и до темна кипела на них, и никто не боялся «тлетворного влияния улицы».

Продолжение читайте на стр. 30

Ингер БРОХМАН
Дания

ЧТО ТАКОЕ ВАЛЬДОРФСКАЯ ПЕДАГОГИКА

Начало публикации в № 10 за 1990 год

Детский сад

В последнее время все чаще говорят о необходимости интенсифицировать интеллектуальное развитие маленьких детей. При этом многие полагают даже, что приступать к нему лучше всего еще до появления малыша на свет. Кое-где эксперименты такого рода уже осуществляются.

Когда впервые слышишь об этом, верится с трудом. Однако в американском телесериале «Университет зародышей», демонстрировавшемся в Дании в 1988 году, действительно, видишь попытку воздействовать на еще не рожденного ре-

бенка. Взрослые, окружающие будущего ребенка и его маму, и сама женщина постоянно обращаются к нему с разъяснениями того, что они делают.

Нельзя вообразить ничего более противоречащего педагогическим принципам Штейнера, нежели подобные эксперименты.

Он считал, что воспитание не должно быть односторонним, скажем, направленным только на интеллектуальное развитие. Лишь в том случае можно вырастить из ребенка полноценного человека, когда при оптимальном развитии интеллекта шло бы гармоничное развитие его художественных, нравственных и социальных способностей.

Штейнер неизменно исходил из того, как сам ребенок реагирует на окружающий его мир. Само поведение ребенка должно подсказывать взрослым, как воспитывать его в разные периоды его детства.

Ритм в жизни ребенка

Новорожденному неведомо, что такое ритм. Его дыхание вначале довольно неритмично. Все матери новорожденных хорошо знают ситуацию, когда, проснувшись ночью, не можешь услышать дыха-

Окончание на стр. 9

Беседы о школе, публикацию которых мы начинаем в этом номере журнала, в сущности, не статьи, а живой подлинный диалог известного советского психолога А. А. Леонтьева и учителя одной из московских школ А. П. Загорского.

Когда весь этот длившийся не один день разговор был перенесен на бумагу, родилась книга, которую сейчас готовит к печати издательство «Педагогика».

КАК МЫ УЧИЛИСЬ

Алексей Леонтьев. Начну с цитаты, которую я обязательно привожу, когда читаю лекцию учителям или преподавателям вузов.

«Чтобы легче жилось с людьми, чтобы складывались с ними близкие, теплые отношения, надо уметь внимательно относиться к людям, уметь становиться на их место, влезать в их шкуру, уметь отыскивать во всяком человеке искру божью... Что делает в этом отношении современная школа? Она искусственно отрывает учеников от людей. Все время поглощает у них школа, приготовление уроков; на общение с людьми вне школы времени почти нет... Учитель учит, ученики учатся, учитель приказывает, ученики слушаются, и это воздвигает между ними стену... Разве, за весьма редкими исключениями, станет говорить ученик с учителем о своих задушевных мыслях, о своих сомнениях, станет искать у него нравственной поддержки? В худшем случае учитель и ученики — два враждующих лагеря. А товарищи?.. В современной школе все направлено на то, чтобы разъединить учеников, а не сближать их. Отметки, соревнование — все это ведет к развитию зависти, тщеславия. Все направлено к тому, чтобы отделить ученика от товарищей...»

Школа будущего должна всячески развивать в детях чувство солидарности...

Но мало одного стремления быть полезным людям. Надо уметь это делать. Современная школа отучает детей быть полезными. Ребенок стремится тотчас же применить свои знания, а школа искусственно удерживает его от этого. Она держит его на никому ненужных диктовках, задачах, утешая его тем, что в будущем, когда он окончит школу, получит аттестат, он будет полезен родителям и обществу...

Всё это я зачитываю под одобрительный гул в зале. Кто это сказал? Надежда Константиновна Крупская написала это в тысяча девятьсот... как вы думаете каком? — десятом году! Это значит, что за 80 лет характер того, что Крупская называла «современной школой», ничуть не изменился, хотя, казалось бы, прошло столько самых разных реформ. Существовала Единая Трудовая Школа. Кстати, именно Крупская была одним из ее важнейших теоретиков и главных организаторов. В начале 30-х годов вышла целая серия специальных постановлений, посвященных школе. Потом, еще в самом начале войны и после неё, была очередная реформа, когда школа, во-первых, из совместной сделалась раздельной, а во-вторых, на детей надели форму. Кстати, если разделение школ, так сказать, по половому признаку выдержало не более десяти лет, форма благополучно дожила до сегодняшнего дня. Я учился с 1943 по 1953 год, а вы, Андрей Петрович?

Андрей Загорский. С 1963-го по 1973-й.

А. Л. Очень хорошо получилось. Мы с вами как бы представляем два очень интересных временных отрезка: типичное время сталинщины и типичное время застоя. Так вот, мало кто сейчас, покупая своим детям школьную форму, особенно девочкам, вспоминает, что эта форма, как и многое другое, скопирована с максимальной точностью с гимназической формы как раз того времени, о котором писала Надежда Константиновна Крупская.

Давайте, Андрей Петрович, вспомним, как учились мы с вами. Интересно посмотреть, что оказалось нового в том,

как учили вас, по сравнению с тем, как было, когда учили нас.

А. З. Если говорить о внешней стороне, я учился тогда, когда уже делались попытки отойти от гимназической формы, по крайней мере для мальчиков. Это была как раз новая школа, дитя тех лет, — специальная английская, вызывающая так много нареканий сейчас. Наша считалась очень сильной и хорошей, и на одно название, как мотыльки на свет, родители вели своих детей, пытаясь всеми правдами и неправдами их туда определить. Моим родителям пришлось приложить немалые усилия, чтобы устроить меня именно в эту школу, куда мне нужно было идти 35 секунд, а не в другую моего микрорайона, куда нужно было идти, пересекая две улицы.

А. Л. Я вас перебую, Андрей Петрович. Приказом председателя Гособразования СССР Г. А. Ягодина систему микрорайонной школы если и не совсем разрушили, то, по крайней мере, расшатали. Этот шаг я бы сравнил с крестьянской реформой 1861 года.

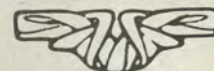
А. З. Вот тут я вас огорчу. Может быть, система эта и расшаталась, но тем не менее она еще есть и, судя по всему, пока сохранится. Живем-то мы еще в дореформенном государстве.

А. Л. Что же это получается? Две школы: А и Б. В первой объединилось, допустим, все самое плохое: дурак директор, непрофессиональные в воспитательном и предметном смысле учителя, грязь, курение, наркомания, токсикомания — в общем, все прелести, о которых мы сейчас так много читаем. И совсем рядом, через улицу или в том же дворе, школа Б, та самая, какой школа должна быть, с умным директором, профессиональными и опытными учителями и т. д. Если был бы, как сейчас говорят, свободный рынок, то есть родители могли бы отдать своего ребенка по выбору в одну из двух школ, не было бы никаких проблем. Все, естественно, отдали бы в нормальную школу Б.

А. З. Но так, к сожалению, не происходит. И обе школы продолжают благополучно сосуществовать.

А. Л. Это-то и самое страшное! Потому что плохие школы, колхозы или предприятия, которые не умеют или не хотят работать, должны бы отмереть, а те, что хорошо работают, выжить. Но у нас такая система, что нерентабельное, плохо организованное предприятие десятилетиями подпитывается государством за счет хороших; плохо и хорошо работающие — материально и морально равны. И та же ситуация в школе. Она, как в зеркале, отражает нашу административно-командную систему.

А. З. Если продолжить аналогию с состоянием дел вообще в стране, то надо сказать, все недостатки нашей экономики присущи и школе. И это естественно. Во-первых, в условиях дефицита, который существует и в системе образования, — когда у нас не хватает зданий, не хватает учителей, не хватает классов, школа А, как вы ее называли, будет еще, наверное, долгое время существовать. Ведь и наш «покупатель» вынужден брать то, что ему предлагают, а не то, что он хочет. И второе. Наша промышленность гнала столько лет вал, и в образовании происходило то же самое. Какие требования предъявляются обществом к школе, такую «продукцию» она и выдает: если требуется вал, то общество его и получает.

Нужно в корне менять требования к выпускнику школы, к ее «продукту», который она поставляет на «рынок». Иначе так и будет продолжаться — вал, вал, вал... Серый поток безынициативных людей.

А. Л. Это то, что я называю «принципом мясорубки»: с одного конца заложили мясо, покрутили ручку, а с другого конца выходит фарш...

А. З. Я попал именно в такую микрорайонную школу... И воспоминаниям об этой школе невольно хочется предпослать слова из детской песенки с пластинки «Алиса в стране чудес». Там один из персонажей задает риторический вопрос: «Что остается от сказки потом, после того, как ее рассказали?» К своему ужасу, я начинаю обнаруживать, что от моей школы осталось очень мало. Я считался, как говорится, гуманитарным ребенком и не вынес из школы никаких — ни практических, ни теоретических — знаний по физике, химии, биологии. Я начинаю вспоминать своих учителей и с благодарностью думаю только о своей самой первой учительнице Аиде Николаевне Арефьевой. Трудно, невозможно понять, что она с нами делала, как это происходило, с точки зрения, скажем, методики или теории воспитания, но это был человек, которому удалось, как мне кажется, то, что мало кому из учителей, к сожалению, удастся. Она сделала нас нужными и интересными друг другу. И, главное, ей самой было с нами интересно, мы это чувствовали. Какие условия рожают таких учителей — не постигаю. Нельзя сказать, что то время очень уж благоприятствовало...

А. Л. Мне повезло больше, хоть школа и не называлась специальной. Но она была одной из тех двух (по понятным причинам двух: одна — мужская, другая — женская), где учились дети высокопоставленных лиц (сразу же хочу сказать, что я таковым не был, мои родители постов не занимали). И поэтому, видимо, у нашего директора Ивана Кузьмича Новикова была возможность собрать у себя в школе учителей более высокого ранга, чем в обычной школе. Многие работали здесь десятилетиями. Это были старые гимназические учителя или те, кто начал работать в 20-е годы. Из них я помню многих. Из тогдашних молодых не помню никого — одно сплошное, серое, туманное пятно. Интересный феномен, не правда ли?

А. З. Да, интересный. Имена вспомнить, конечно, можно. Другое дело — личность: нечего привязать к имени, кроме, скажем, скуки уроков литературы — образы, образы, образы... Или: герои-комсомольцы на БАМе, герои-комсомольцы в гражданской войне. Можно вспомнить скучнейшие классные собрания... Вообще слово «собрание» нужно писать с большой буквы, вспоминая те времена.

А. Л. Или «Урок» — или «Собрание»?

А. З. У нас иных форм не было. Помню с Аидой Николаевной мы очень много ходили в театры, в музеи. Я потом, в более старших классах, очень любил ходить в Исторический или в Политехнический. Просто брал пять копеек у мамы на метро — и ехал в музей. Никто меня не заставлял этого делать. А заряд дала всё-таки Аида Николаевна.

А. Л. Я хочу немножечко охладить вашу горячность. Дело в том, что, насколько помню, театр, детский театр моих лет, и музей моих школьных лет тоже были или «Уроком», или «Собранием». Например, была такая пьеса — «Снежок» о том, как в Соединенных Штатах Америки травят детей-негров. Иначе как «Собранием» с большой буквы этот очень популярный в то время спектакль назвать не могу.

А. З. Да, но всё-таки многое зависит от того, куда и кто ведет. Нам очень повезло. Дело в том, что нашим образованием много занимались родители. Большинство из них были так называемыми представителями средней интеллигенции. Все они много занимались не только детьми, которые приходили в гости к их сыновьям и дочерям, но всем классом. Мама мальчика, работавшая в Академии художеств, водила нас на выставки. Благодаря однокласснику, внуку художника, мы побывали, наверное, во всех окрестных художественных мастерских, а их было много на Масловке. Вадим Николаевич Тихомиров, биолог, водил нас к себе в университетский ботанический сад, директором которого он и сейчас остается. Помню, как приходили к нам домой мои одноклассники, увлекавшиеся химией, к моей матери, ученому-биохимику.

Наверное, мы получали у родителей своих друзей то, чего не получали в школе. Нас выслушивали, мы чув-

ствовали, что интересны и нужны. Не думаю, что это было каким-то особым, расчетливым педагогическим приемом родителей. Просто интеллигентные люди, видимо, понимали лучше, чем мы, что в той школе, которую мы посещали, мы многого не получаем, и старались это восполнить.

А. Л. Андрей Петрович, вы сейчас преподаете в школе. Тоже спецшколе. А сейчас есть такая привычка у родителей? И если нет, почему?

А. З. Сейчас этого нет. Можно, конечно, говорить: другое поколение пап и мам, другое поколение детей, другое время. Я боюсь, конечно, обобщать, люди разные, но, как мне кажется, в массе у родителей нет времени на собственных детей.

А. Л. А может быть, не только времени, а чего-то еще? **А. З.** Может быть, и желания. Думаю, это идет с тех времен, когда они сами учились в школе, когда они в ней чего-то недополучали. Ведь современный «усредненный» родитель учился в 60-е годы. Они — «дети оттепели», им сейчас примерно по 40 лет. Это поколение, которое можно назвать потерянным: пережили тот момент, когда, начав за здоровье, начав с первых попыток перестройки, мы попали в застой. Такое странное поколение взрослых и странных их дети. Мне кажется, каких-то нравственных опор и интеллектуальных ориентиров нет ни у старших, ни у младших. Родители не знают, чего хотят от своих детей, дети не знают, чего хотелось бы от жизни. Я понимаю, это задача современных учителей — что-то детям дать, но... О сегодняшней школе наш разговор еще впереди.

А. Л. Согласен, ведь мы еще не закончили разговор о своих школьных годах. Что еще у вас осталось от них?

А. З. Обида... Когда мне было четырнадцать лет, мы вступали в комсомол, теперь каждый может увидеть в фильме «ЧП районного масштаба», как принимали в комсомол в застойные годы — процедура унижительная. У нас проводилось множество собраний, мы учили Устав, а затем в коридоре райкома, прождав часа три, получили пачку комсомольских билетов, и каждый искал в этой пачке свой. И это все при том, что мы не были наивными детьми; наш лидер Леонид Ильич уже находился в том состоянии, когда даже дети замечали неладное. Мы жили анекдотами, мы жили «голосами», слушание которых лишь недавно разрешено. Мы читали многое из того, что публикуется только сейчас. Такие уроки давала нам жизнь. В школе же, как мне кажется, основным уроком был урок лицемерия. Причем исходил он не от старых учителей, — старых по нашим меркам, как, скажем, преподаватель истории, которая была, говоря современным языком, ярой сталинисткой. Но она была убеждена в своей правоте, говорила то, что думала. Но приходил кто-то помоложе и писал на доске тему сочинения: «Героизм комсомольцев на БАМе». Нет, БАМ еще не звучал. Значит, еще какой-нибудь героизм. И при этом он смотрел в класс, пожимая плечами, как бы говоря: «Ну, мы-то с вами умные люди, мы-то понимаем, что это просто надо». Вот это нас и развращало больше всего. Либо педагог должен был говорить правду, либо проповедовать официальные ценности. Хотя с легкостью обвинять в лицемерии работавших в те годы в школе мы права не имеем. Что бывало за правду, мы знаем. Вспомним Сахарова или Солженицына...

Вот мы и оказались между такими учителями: между умными, но не договаривающими, и официальными «проповедниками». Тогда-то мне кажется, мое поколение потеряло активность, стало апатичным. Идет перестройка, а что-то я не вижу тридцатилетних среди активных людей. Это поколение уже успело нарожать детей и, наверное, живет по принципу «он знал, что вернется Земля, но у него была семья». Те, кто больше всего озабочены изменениями положения в стране, работают ради этого изменения. Но они либо моложе, либо старше нас.

А. Л. Я слушал вас с большим интересом. Думаю, разница наших воспоминаний о школе — это разница наших поколений,

Альбом
Детям
и не только

разница двух эпох развития общества. Потому что самое главное, что осталось в памяти от моих школьных лет, это авторитарность. Делай, как тебе приказано! На перемене ходи попарно кругами по коридору, не дай тебе бог выбиться из этого ранжира. Причесываться или, вернее, стричься — всем одинаково.

А. З. Да, в наше время такое проходило уже со скрипом...
А. Л. Иван Кузьмич Новиков, о котором я уже упоминал, был весьма незаурядным человеком, но и типичным олицетворением командной системы в школе. От него веяло на несколько метров начальственным холодком. Сейчас, вспоминая об этом, думаю: насколько ему, наверное, трудно жилось! Интеллигентный, умный, творческий, как я сейчас понимаю, человек, который вынужден был играть маленького вождя в школьном масштабе.

А. З. В наше время он выглядел бы уже карикатурой.
А. Л. У нас он не был карикатурой, скорее, истинным Администратором с большой буквы. И действительно казался командиром. И вместе с тем на фоне вот такой духовной, даже поведенческой авторитарности в нашей школе прорастали ростки творчества. И вот это самое удивительное.

Мы привыкли думать стереотипами: командная система никакому творчеству хода не дает. А у нас было творчество. Начиная с пятого класса каждый школьник должен был написать за учебный год так называемое годовое сочинение. Темы давались списком, а можно было придумать и самому. Я помню до сих пор два своих сочинения, одно называлось «Орден иезуитов». До сих пор помню книги, которые я раздобыл, у нас поощрялось привлечение дополнительной литературы... Кстати, и библиотека была в школе неплохая. А второе домашнее сочинение — ни больше ни меньше как закончить повесть Пушкина «Дубровский». Но для этого тоже надо было читать!

Еще наблюдение: при общей странной зарегулированности, наши собрания были по сегодняшним меркам страшнее, чем ваши. Вы собирались уже с неверием, а мы, по крайней мере большинство из нас, — с убеждением. Вот парадокс того времени: в нашем классе выпускалась своя собственная сатирическая газета. И наша школьная администрация поддерживала самостоятельность этой газеты. Ее придумал одноклассник Юра Мейстер, он был главный художник. Я стал корреспондентом, и мы фактически вдвоем, иногда привлекая других, эту газету выпускали.

Но хорошее в нашей школе могло существовать только на фоне административно-командного порядка, на фоне системы ритуалов, обязательных мероприятий, на фоне страшных учебников. Это уже потом я поразился, насколько плохими были тогда почти все учебники по гуманитарным дисциплинам. Хотя, пожалуй, я не прав. Потому что, по крайней мере один учебник — учебник родного языка, написанный С. Г. Бархударовым и С. И. Крючковым, можно назвать хорошим. На мой взгляд — это последний по-настоящему хороший учебник русского языка в школе.

И последнее, что я могу вспомнить из своих школьных лет, — полное отсутствие какого бы то ни было чувства товарищества; вернее, наличие группового чувства, но полное отсутствие солидарности, порождаемой единой работой. Может быть, здесь я — исключение, но не думаю.

А. З. Я бы с вами согласился. Мы считали себя дружным классом, но между нами не существовало по-настоящему содержательного общения. Школа нашего единства не порождала. Мы были дружны общими проказами, идеями и делами, далекими от школы, интересами, со школой никак не связанными. Наша первая учительница сделала нас нужными друг другу вне школы, на наших встречах после уроков. Она не боялась к себе весь класс пригласить домой. Она могла рискнуть на свои деньги купить билеты и всех нас увести в театр. Это было воспитание вне школы, хотя и воспитание личности учителя.

А. Л. Андрей Петрович, как, по вашей оценке, обстояло дело в вашей школе с развитием личности ребенка?

А. З. Тут ответ совершенно однозначный. Никак. Всячески пресекалось проявление индивидуальности. Я вспоминаю своего друга, очень необычного, Мишу Шиповского, необыкновенно, разносторонне одаренного парня с очень непрстой, правдой, судьбой. Он был, что называется, трудным ребенком, но к этой его трудности руку приложили по большей части учителя. Он однажды написал работу в стихах, пытаясь дока-

зать, что Пьер Безухов и Андрей Болконский друзьями быть не могли и не были. Снабдил это сочинение своими рисунками (он еще и необыкновенно способный художник). За сочинение получил двойку, выговор; вызвали в школу мать. Очень типичный случай. Наше поколение тихое теперь, конечно, потому, что рекомендация «не высовываться» — урок «невывисывания» был очень жестко в школе преподан. По принципу Козьмы Прутков: если у тебя есть фонтан, заткни его. И, к сожалению, фонтан отдыхает очень долго.

А. Л. А как с учебниками?

А. З. И учебники развитию индивидуальности не способствовали. Подумайте: к каждой статье учебника прилагался обязательный набор вопросов, на которые нам следовало отвечать — и никуда в сторону! Так было намного проще и учителям, и ученикам, не ориентированным на самостоятельную работу или поиск. Я, как человек, увлекающийся историей, получал много шишек на уроках только за то, что учительница по истории считала: я все время высываюсь, образованность свою хочу показать (я всегда читал другие книжки, не учебники). Не приветствовалась никоим образом параллель между историей и литературой. История — это была история, литература — это была литература. Я думаю, это опять-таки тенденция развития общества — с «узким» специалистом проще обращаться и бороться.

А. Л. Думаю, вы правы. И все-таки я вспоминаю наш класс, школу наших лет как множество оригинальных личностей...

А. З. Но, может, это происходило вне школы? Я же не могу сказать, что мои одноклассники — серые, неинтересные люди, напротив.

А. Л. Нет, я имею в виду именно школу. Потому что, как правило, не общался со своими соучениками вне школы. Я был тем, кого в нынешней социальной психологии называют изгоем, то есть находился вне социально-психологической структуры класса. Но самое интересное, в классе не было и безусловных лидеров. Было болото, каждый сам по себе. Что же касается развития личности, того, по каким учебникам и как нас учили, здесь, пожалуй, то же самое, что и у вас. Мне кажется, разница лишь в том, что наши учителя стремились серости как-то противостоять. Отсюда — творческое начало, о котором я говорил. Я это сейчас рассматриваю как попытку подлинных педагогов противостоять напору общеобязательности, единого ранжира и диктуемого сверху образа мыслей. Боюсь, в ваше время таких учителей у нас не осталось или их было мало. Ваши учителя сами выросли в той школе, которой диктовали единообразие, обязательное единомыслие, пассивные мысли, унификацию личности. В этом, мне кажется, разница между вашим и нашим поколениями школьников.

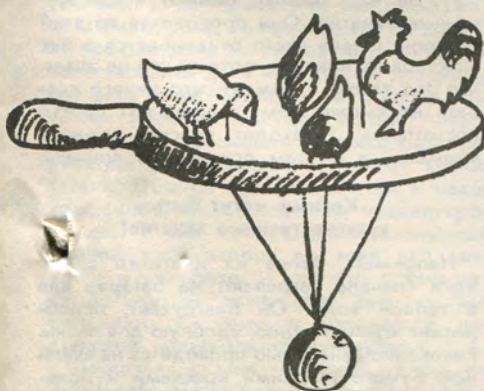
А потом была отмена разделения школ по полу, после этого — реформа 1961 года. Не знаю, почувствовала ли её школа. И уж совсем недавно началась разрекламированная типичная, показушная реформа 1983 года, кончившаяся ничем. Когда наше теперешнее руководство, партийное и государственное, вежливо говорит, что эта реформа буксовала, то, скажем откровенно, там просто нечему было буксовать. Одни слова, а действия оказались непродуманные, мягко выражаясь. Например, именно в «заслугу» этой реформе можно поставить тотальное привлечение шестилеток в первый класс, ничем не подкрепленное, кроме чисто волевого начала.

Пожалуй, только с 1988 года началась подлинная реформа.
А. З. Действительно, стало о чем говорить. Но уже поставленные проблемы не решаются, в том числе и проблема воспитания личности в школе, и проблема распространения и передачи передового педагогического опыта, и, как мне кажется, одна из самых важных — проблема подготовки новых учителей, совершенно по-новому мыслящих, с другой философией, с другим подходом к обучению в школе. К сожалению, сейчас появляются очень опасные тенденции усиления консервативных сил непосредственно в школе. Если с идеями и попытками что-то изменить было относительно просто выступать до учительского съезда, становится все затруднительнее это делать сейчас. Боюсь, как бы не возобладала прежняя тенденция формализации всего, чем живет школа.

А. Л. Как известно, существует три типа людей. Одни говорят, что все хорошо, — это, конечно, оптимисты. Другие говорят, что все плохо, — это пессимисты. А третьи называются меллиористы, они говорят: «Сейчас все плохо, но будет лучше». Давайте будем меллиористами!

ЧТО ТАКОЕ ВАЛЬДОРФСКАЯ ПЕДАГОГИКА

Продолжение. Начало на стр. 2.

ние ребенка. Постепенно ритм дыхания становится все более четким.

Новый ритм в жизни ребенка начинается с того мгновения, когда он берет материнскую грудь: период сытости и период голода. Поев, он засыпает. Это третий основополагающий ритм в жизни человека — ритм сна и бодрствования. Многие родители в первые месяцы жизни ребенка пребывают в сомнении — не путает ли он день с ночью, но потом успокаиваются. Ребенок медленно приспосабливается к земному ритму: смена времен года тоже становится частью жизни малыша.

Здесь нет никакого открытия, эти наблюдения доступны каждому. Но, исходя из них, Штейнер вывел один из основных принципов воспитания до семи лет: жизнь ребенка должна строиться на основе чередований и ритмов. Нужно скрупулезно следить за тем, чтобы он ложился и вставал в одно и то же время, чтобы неукоснительно соблюда-

лось время кормления. И все остальное, происходящее с ребенком, должно совершаться в неизменном ритме, который ежедневно повторяется в одно и то же время, например чередование занятий с воспитателем («вдох») и времени, когда дети предоставлены самим себе («выдох»).

Но эти ритмы не должны абсолютизироваться — для всех и на все времена. Все зависит от того, где находится детский сад — в городе или в деревне, какова численность детей в группе, кто в ней преобладает — мальчики или девочки. Ритм жизни определяет воспитатель. Нужно выбрать такой ритм жизни, который в максимальной степени подходит именно этой группе. И его следует сохранять длительное время.

Разумеется, и домашнюю жизнь ребенка надо строить, выдерживая ритмы.

Почему это важно? Оптимальный ритм вселяет в ребенка чувство уверенности. Маленькие дети не приспособлены воспринимать ежедневно чрезмерно большое количество впечатлений. Им нужна радость узнавания; но узнавание это накладывается на старый, выверенный ритм: они будут разучивать песни в одно и то же время, гулять в одних и тех же местах, карабкаться на одни и те же деревья. Несколько дней подряд рассказывается одна и та же сказка, поют вместе со знакомыми уже новые песни — одни и те же.

Ритм не идентичен понятию режим. Он определяет более сложные взаимоотношения человека с окружающим миром.

Ребенок стремится подражать

В фильме, созданном лет десять тому назад американскими исследователями, можно увидеть, как движет губами новорожденный, копируя движения губ матери, которая, наклонясь над ним, произносит: «Прелесть ты моя!» (звук повторить он не в состоянии, а лишь имитирует движения губ). Впоследствии ребенок повторяет слова, которые слышит. Он начинает говорить на том языке, на котором говорят окружающие. И поэтому первый период жизни ребенка Р. Штейнер определил как «Подражание и пример». Внушения в этом возрасте бесполезны. Если из одного угла комнаты вы кричите детям, играющим в другом углу: «Ведите себя тише!» — они не успокоятся, а тоже будут кричать. У спокойного человека такими же спокойными будут и дети. Ведите себя спокойно и непринужденно — так же будут себя вести и дети. Конечно, многое зависит от наследственности, но малыш прежде всего несет в себе свою собственную сущность.

Ребенок учится посредством подражания. Поэтому очень легко научить его таким обыденным делам, как приготовление пищи, мытье посуды, работа в саду, консервирование, варка варенья, уборка помещения, и другим занятиям — в самом раннем возрасте и дома, и в детском саду.

Разумеется, крайне важно, что за человеком воспитатель. Штейнер любил повторять: «Суть воспитания состоит в первую очередь в воспитании самого воспитателя». При посещении вальдорфских детских садов сразу же бросается в глаза их резкое отличие — при кажущемся сходстве — от других детских садов. Работа здесь — не служба, не средство заработать деньги, а способ существования. Она не может превратиться в рутину, поскольку связана со стремлением понять каждого ребенка, разобраться в его темпераменте, характере, возможностях. Приходится ежедневно обращаться к основам педагогики, психологии, а проникновение в эти основы углубляется вместе с собственными развитием и самовоспитанием. К тому же многое нужно уметь делать собственными руками, например шить куклы, играть на музыкальных инструментах, быть кукловодом в кукольном театре и многое другое. Воспитатель должен любить свою работу — дети это чувствуют сразу. Условие это главное и непрелюбимое. В каждом ребенке воспитателю надлежит разглядеть его будущее. А это требует не только образованности, но и культуры, широты кругозора, мудрости. Общение с некоторыми воспитателями вальдорфских детских садов доставляет удовольствие не меньшее, чем общение с докторами наук. Они — интеллектуальная элита страны.

Как устроен вальдорфский сад

Как и вальдорфские школы, детские сады открываются по инициативе родителей, и ими же в значительной мере оплачивается их содержание. Менее состоятельные родители вносят меньшую плату, чем более состоятельные, которые выступают как бы спонсорами. Нет отбора детей по способностям — это в корне противоречит принципам педагогики Р. Штейнера. Более того, сюда приводят своих детей как раз те родители, которых беспокоит либо заторможенность и некоторое отставание в развитии своих отпрысков, либо, наоборот, их чрезмерная расторможенность. Педагоги внимательно работают со всеми, не выделяя одаренных, не укоряя и тех, у кого что-то не получается в рисунке, лепке, не подчеркивая странности их поведения — замедленной реакции или, напротив, некоторой гиперреактивности. К каждому ребенку проявляется дифференцированный подход, но настолько деликатно, что никто этого не замечает. Процесс благотворного превращения того или иного ребенка протекает неспешно, порой завершается уже в школе. Были случаи, когда такие метаморфозы наблюдались даже в седьмом классе.

Занятия в детском саду проводятся с группой из 12—20 детей. Важно подчеркнуть, что детские сады Р. Штейнера — преимущественно «полудневки», потому что именно такая продолжительность пребывания больше всего подходит детям. Это не всегда устраивает родителей? Что ж, мы создаем детские сады не как «приюты», куда родители

сдают детей, пока сами заняты, а как своего рода «педагогические институты». Поэтому детей здесь оставляют именно на полдня (на четыре — максимум пять часов) — более длительное пребывание ребенка в обществе других детей и в отрыве от мамы чрезмерно его утомляет.

К сожалению, развитие современного общества, в котором даже женщины, имеющие малышей, начали участвовать в общественной жизни, привело к тому, что и у нас в Дании приходится продлевать время пребывания детей в детском саду.

В детский сад принимаются дети от трех до семи лет; группы разновозрастные. Мы считаем важным, чтобы уже в раннем детстве ребенок осознал свой собственный мир, где центр всего — семья, а в центре семьи — мать (или отец). Вот почему надо ограничивать время пребывания в детском саду, как бы хорош он ни был. Существование собственного мира вселяет в ребенка уверенность в себе, которую в дальнейшей его жизни ничто не заменит.

Р. Штейнер придавал большое значение среде, в которой обитает ребенок. Он много писал об архитектуре, подчеркивал, что критерии прекрасного должны основываться на природных формах. В природе не встречаются прямые углы, рожденные человеческим разумом. Поэтому штейнеровские детские сады строятся из природных материалов, архитектура их проста и оригинальна. В интерьере — стремление избежать прямых и острых углов. Двери в форме воротцев, стены иногда (в праздники) декорированы простыми тканями неброской окраски. Кстати, и стены, и ткани красятся особыми красками, изготовленными из природных красителей. Украшения в комнатах — ветки, минералы, валежник, принесенные из леса. Все это способствует созданию атмосферы, действующей на ребенка умиротворяюще. В обстановке не должно быть ничего кричащего, вульгарного; вместе с тем она не должна быть убогой. Должен напрочь отсутствовать дух казенного заведения. Во время

обеда пища подается в красивой посуде. Дети берутся за руки и поют благодарственную песенку. Некоторые простые блюда помогают готовить сами дети: чистят яблоки или апельсины, мелют на ручных мельницах зерно, колют орехи. Воспитатель не стремится к тому, чтобы все было сделано превосходно и получен должный результат, для него важен сам процесс.

Чередование занятий и игр

Занятия и игры постоянно сменяют друг друга. Основная идея в том, чтобы чередовались организованное и самостоятельное времяпрепровождение.

В свободной игре дети предоставлены самим себе, но готовят игру взрослые, создавая обстановку, стимулирующую фантазию ребенка. Иногда в форме свободного времяпрепровождения проводятся такие виды работ, как уборка помещения, приготовление пищи, починка игрушек. Взрослый присматривает за тем, чтобы все было при деле, помогает в случае необходимости переодеться или что-то доделать, достроить.

В игре участвуют игрушки. Вальдорфские игрушки особенные. Тряпичные и, как правило, самодельные куклы обычно неприязнательны. Другие игрушки тоже очень просты и сделаны из природных материалов (дерева, шерсти, шелка, шишек, каштанов, раковин, соломы, воска и пр.). Простота пробуждает фантазию детей: неосознанно они чувствуют качество различных материалов. Их чувства развиваются так, как не могли бы развиваться, имея дети дело с пластикой или другими искусственными материалами. Природные материалы помогают познанию той планеты, на которой они родились.

После получасовой игры — уборка. Желательно, чтобы она тоже проходила в форме игры.

Настает очередь пения. Оно проходит в большом хороводе, непринужденно и с большим воодушевлением. Чередуются короткие и длинные песни. Пение начинается самой короткой и заканчивается

самой длинной песней, которая, возможно, повторяется ежедневно. Пение продолжается от 20 минут до часа, но дети не должны уставать и скучать. В разгар пения можно присесть на пол, перевести дух, размять пальчики на ногах и руках. Летом лучше всего петь на открытом воздухе.

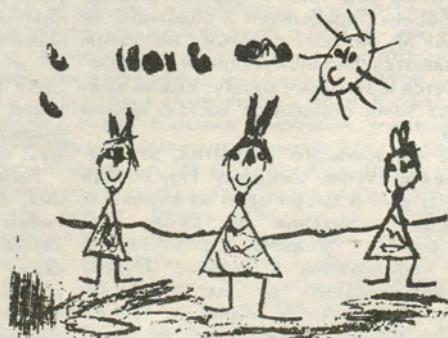
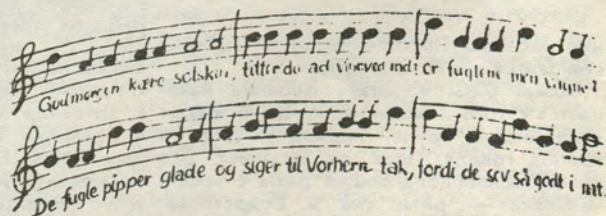
Мы любим петь и старинные песни, и современные, особенно про времена года. Детям нравятся также песни дурашливые, со словесной чепухой, но мелодичные, такие, как «Элле-бэлле май фателле» или «Арке-барке анкараке». Смысла в них нет никакого, и детей это очень веселит. Почему детям нравится петь в хороводе? Устанавливается своеобразная общность, помогающая замкнутым и застенчивым малышам войти в контакт с другими детьми и благотворно влияющая на тех, кто любит постоянно быть в центре внимания.

После пения моют руки, накрывают на стол. Трапеза начинается с небольшого стихотворения, в котором дети благодарят небо, и землю, и солнце за все, что стоит у них на столе. Во время своих игр дети видели, как готовят на кухне, они различают по запаху блюда, знают, как определить степень их готовности. Все едят одно и то же — нет детей, которых нужно заставлять есть.

После еды обычно бывают художественные занятия. Они проводятся со всей группой. Очень часто отказывается в них участвовать новичок, потому что не знает, что это такое, и думает, что ничего сделать не сможет. Ему разрешают просто посмотреть. Проходит совсем немного времени, и он сам просит его принять.

Какими могут быть художественные занятия!

Например, лепка из цветного воска. Воск сначала нагревают на батарее или в теплой воде. Он благоухает, приобретает консистенцию, удобную для лепки. Рисование акварелью проводится на влажной бумаге жидкими красками и большими кисточками. Такой способ работы с красками помогает развитию фантазии и

очень нравится детям. Конечно, у трехлеток «ничего не будет получаться»: они просто забавляются с водой и красками. А пяти-шестилетним детям можно задавать темы рисунка.

Игра на музыкальных инструментах может проходить так: взрослый сначала рассказывает какую-нибудь историю или стихотворение, где упоминается о каких-то звуках, а потом «изображает» эти звуки на простейших музыкальных инструментах. После этого раздают инструменты детям. История рассказывается еще раз, и теперь уже дети играют на инструментах, имитируя то, что делал взрослый.

Для шитья кукол — а это неперемное занятие — используются маленькие прямоугольные кусочки однотонного материала. Куклу набивают ватой и перевязывают шнуром.

Раз в неделю у детей проводится эвритмия — вид художественных занятий, разработанный Р. Штейнером. Эвритмия построена на определенных закономерностях, которые адекватно выражают музыку в телодвижениях, пластике.

Главное событие дня — сказка. Она рассказывается утром или уже перед уходом детей домой. Несколькими днями раньше и та же старая сказка или длинная история. Она должна быть именно рассказана, а не прочитана, не проиграна на магнитофоне, не прослушана по радио, не просмотрена по телевизору. Во время повествования дети находятся в духовном контакте с рассказчиком, а с аппаратом контакт невозможен. Такой контакт позволяет зримо наблюдать процесс развития ребенка. Какие сказки выбирают воспитатели? Обычно необработанные и несовершенные, иными словами, неадаптированные. В них сокровенные жизненные истины, язык народа во всей его сочности и колорите. И все это усваивается детьми — даже если они не все понимают. С этого и начинается постижение национальной культуры.

Поскольку сказка — нечто целое, ее нельзя обрывать: разрушаются структура и цельность содержания. Зло непременно

должно быть наказано. Его нельзя оставить непобежденным и поэтому сказку нужно всегда рассказывать до конца. Недопустимо разделять ее на два дня. Неожелательно растолковывать детям содержание или обсуждать сказку. В силу своего своеобразия она в этом просто не нуждается.

Дети не пугаются сказок, если соблюдают два основных правила повествования: их следует рассказывать спокойно и естественно, без драматического понижения голоса и пугающих жестов, а рассказчик сам должен проникнуться убеждением, что сказка хорошая и правдивая. Если ребенок боится сказок, можно с уверенностью сказать, что одно из этих правил нарушено. Ребенок боится не самой сказки, а тех внутренних душевных волнений, которые вызвало ее содержание.

Почему еще важно именно рассказать сказку? Потому что, когда рассказывают, воображение ребенка само рисует картины, воздействие которых не может быть сильнее того, что он в состоянии вынести. Картины же, привносимые извне, наоборот, могут испугать его, поскольку не являются результатом его собственных внутренних переживаний.

Ритм года

Он воспринимается детьми, если устраивать обязательные годовичные праздники. Они повторяются из года в год, правда, в разных садах (что зависит от воспитателя) проходят по-своему.

Обычно в сентябре отмечается праздник жатвы — со снопами, осенними фруктами и красной свеклой. Дети могут также помочь крестьянам в уборке урожая и намолоть муки на кофемолке. Из нее пекут хлеб и поют песни урожаю. 29 сентября — по старинному обычаю день святого Михаила. Делают меч Михаила, с которым празднуют его победу над драконом. В начале ноября делают фонарики для праздника фонариков. Мы зажигаем их после захода солнца. На праздник приглашаем родителей и родственников, и дети, каждый

с зажженным фонариком, обходят вокруг детского сада и с наступлением темноты поют песни фонариков. В заключение приходит сторож и раздает всем желающим пирожки.

За неделю до Рождества на полу устраивается рождественская спираль из мха и еловых веток. В центре зажигается большая свеча, а дети с маленькими свечками в руках обходят спираль, распевая рождественские песенки.

В декабре приходит святой Николай с золотой книгой, в которой есть запись о каждом ребенке. С ним заявляется и парень Рупрехт, который волочит по полу мешок с подарками. Всю предрождественскую неделю зажигаются рождественские венки, дети играют в домовых, разыгрывают рождественскую пьесу, которую покажут родителям в последний день Рождества.

На Пасху готовят что-нибудь с яйцами или цыпленком, украшают перьями и яичной скорлупой пасхальные деревья. Можно устроить и так, чтобы пасхальные яйца прятал в саду заяц, а дети их разыскивали и катали.

На Троицу собирают зелень и цветы, делают птиц из шелковой бумаги.

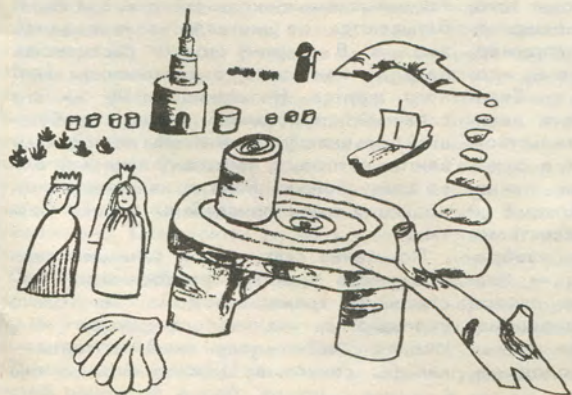
Серию праздников завершает летний праздник, когда комнаты украшают зеленью и цветами, а дети надевают цветочные венки.

Таким образом, в детском саду можно создать легкую, непринужденную атмосферу, и тогда дети охотно идут туда.

Ребенок способен почувствовать сердечную теплоту взрослых, не имеющую ничего общего с сентиментальностью; он чувствует себя уверенно и спокойно, каждый день сулит ему радость.

* * *

Автор статьи Ингер Брехман в течение четырнадцати лет руководит детскими садами. Девять лет преподает в семинаре Рудольфа Штейнера по дошкольному воспитанию в Копенгагене. Участвовала в создании примерно десяти детских садов в Копенгагене и его пригородах. Трое ее детей учатся в 1-м, 8-м и 12-м классах школы Рудольфа Штейнера.

ИКОНА — «ОКНО» В ЦАРСТВО БОЖИЕ

*Тот, кто
видит в иконе
только доску
и краски,
тот почти
ничего
не видит.
Кто видит
в иконе
красоту,
тот видит
много,
но еще не все.
Тот же,
кто начинает
постигать
духовную
ее сущность,
тот подошел
к главному
в ней.*

*Через
иконы
было
нам
дано
явление той
благодатной
силы,
которая
некогда
спасала
Россию.*

*о. Александр
Киселев.
«Чудотворные
иконы
Божией
Матери
в русской
истории»*

«Икона является для зрения тем, чем является слово для слуха. Она — божественное явление и ее символическая сущность дает нам представление о Божестве. Я иду в церковь, которая есть прибежище души, я смотрю на святые иконы и моя душа просвещается. Когда поклоняются Кресту, то безразлично из какого материала он сделан. Поклоняются не дереву, не металлу, а Христу Спасителю, Распятому на Нем. Так и в святых иконах поклоняются подобию Господа», — писал святой Иоанн Дамаскин, живший в VIII веке.

Православная икона существенно отличается от западной религиозной живописи. Многие замечательные художники писали картины, а скульпторы создавали скульптурные изображения на библейские и евангельские сюжеты. Икона же, по святоотеческому учению, — это «небесное явление» и «подобие» Божественного. На иконе мы видим не лица, а «лики» святых. Законы перспективы (по мирским понятиям) отсутствуют, здания кажутся прозрачными, условное положение рук святых обозначает удивление, молчание или молитвенное состояние; на иконах изображаются не обычное тело и лицо,

но преображенные, способные вместить в себя Божество. Любая деталь на иконе должна быть выписана согласно канонам.

Иконопись пришла в Россию из Византии, уже сложившимся по своему духовному содержанию и художественному письму искусством. Существует Иконописный Подлинник, необходимый для работы иконописцев, в котором даны схематические изображения различных икон, сведения, почерпнутые из Житий Святых, описание видений, молитвы, песнопения, списки чудотворных икон, а кроме того, перечислены «атрибуты», отличающие одного Святого от другого. Так, например, Святые мученики, изображаемые на иконах, держат крест, епископы — Евангелие, пророки — свитки; святые, занимающиеся когда-либо строительством церквей и монастырей, держат в руках модели зданий. Святые врачи, такие, как св. Пантелеймон, св. Косма и св. Дамиан, держат ларец с лекарствами и лжицу (ложечку). Все Святые изображаются с бородами, а Ангелы — безбородыми, поскольку они, по словам Иконописного Подлинника, — «юноши неопикуемой красоты»; такими же юными написаны и Святые, умершие молодыми.

Иконописцы могли добавлять по своему желанию второстепенные фигуры, сами подбирать цвет, писать растения и цветы. Раньше почти все иконописцы были монахами и всегда приступали к работе с постом и молитвой, относясь к ней с благоговением и трепетом. В 1551 году на Стоглавом Соборе в Москве иконописцу предписывалось быть «смирненным, кротким, благочестивой жизни».

Обычно икона пишется на дереве — на липовой или кипарисной доске. Бывают так называемые иконы-складни, они вырабатываются на металле и украшаются эмалью. В старину краски растирались на воде или квасе, с добавлением яичного желтка. Написание иконы — это сложный, трудоемкий процесс, требующий большого умения. Иконы не подписываются авторами, поскольку написаны они во славу Божию. Многие из лучших иконописцев были причислены к лику Святых.

Почитание святых икон занимает важное место в жизни православных христиан. И храмы, и дома не только украшаются, но и освящаются ими. Икона в «красном углу» нашей комнаты — как бы «окно» в Царство Божие; она

соединяет нас с теми, кто в нем пребывает. В центре домашнего иконостаса обычно помещается икона Божией Матери с младенцем; справа и слева от нее часто висят иконы святых. Среди них — икона «нашего» Святого (в память которого мы были крещены). Перед иконами возжигают лампаду, которая может гореть постоянно. Когда верующий человек входит в комнату, он всегда кланяется образу и совершает крестное знамение (крестится).

В VIII веке под влиянием магометан, считавших невозможным изображение невидимого Бога, на иконопочитание в Византийской империи был наложен запрет, а почитавшие иконы подвергали гонениям и мучениям. Среди них был и Святой Иоанн Дамаскин — один из главных поборников и защитников иконопочитания. В 787 году был созван собор, на котором было принято догматическое установление почитания святых икон, подготовленное Святым Иоанном Дамаскиным. В начале IX века иконоборческое движение возобновилось с новой силой и только на соборе 843 года был положен конец гонениям на святые иконы. В честь этого события был установлен праздник **Празднества Православия**, отмечаемый в первое воскресенье Великого Поста. На святой горе Афон существует икона «Торжество Православия», на которой написан образ Богородицы, поддерживаемой двумя Ангелами. По бокам стоят императрица Феодора (в царствовании которой прекратились гонения на иконы) с малолетним сыном и патриарх Мефодий.

Уже в XX веке мы вновь столкнулись со своего рода «иконоречеством», когда после революции 1917 года происходило варварское уничтожение святых икон, разграбление и осквернение храмов.

Замечательный священник отец Александр Ельчанинов так объясняет смысл православного почитания икон в своей книге «Записи»: «Радость почитания икон в том, что Бог «Неописанное Слово» сошло с небес, стало плотью, приняло вид человеческого и обитало среди нас «полное благодати и истины», так что мы слышали Его ушами нашими, видели своими очами, Его осязали руки наши» (I Иоан. I, 1).

Православные христиане испытывают особую жажду святыни, они непременно прикладываются к иконам, к кресту, возжигают лампады перед образами. Скрудный и холодным кажется им проявление веры в исповеданиях, отрицающих иконы.

Необходимо добавить, что икона в полной мере становится иконой только через освящение. О. Сергей Булгаков в книге «Икона и иконопочитание» так пишет об этом: «Освящением проводится непреходимая грань между религиозной картиной, как бы она ни была высока по своему религиозному содержанию и художественным достижениям, и иконой, сколь бы она ни была скромна в этом отношении». Освящается икона в церкви священником.

Особенно любимы русским народом иконы Пресвятой Богородицы. Впервые образ Богородицы появился на Руси в XI веке, это была икона «Одигитрия» («Путеводительница»), привезенная греческой царевной Анной, дочерью визан-

тийского императора, выданной за великого князя Всеволода Ярославича, и у нас эта чудотворная икона получила название «Смоленская». Свои названия иконы получают главным образом от названия тех мест, где они были явлены; но все эти различные изображения — есть изображения все той же Матери Божией. В требнике (служебной церковной книге) сказано: «Грань между чудотворной и нечудотворной иконой не безусловная и не принципиальная, а лишь фактическая. В молитве на освящение иконы Божией Матери говорится: «...и даждь (дай) ей силу и крепость чудотворного действия».

Святые иконы Пресвятой Богородицы множество раз являли русскому народу чудеса, защищали от наступлений врагов, давали воинам силу и крепость духа в боях, исцеляли от болезней.

По древнему Преданию, святой Евангелист Лука написал три иконы Божией Матери. Посмотрев на них, Пресвятая Богородица сказала: «Благодать Родившаяся от Меня и Моя да будет со святыми иконами». Считается, что одной из трех этих икон была икона, называемая «Владимирской».

До 450 года этот образ находился в Иерусалиме, а затем был перенесен в Константинополь. В XII веке константинопольский патриарх Лука Хризоверх послал эту святую икону в дар великому князю Юрию Долгорукому. В 1160 году святая икона была перенесена во Владимир, где был построен храм в честь Ее Рождества, и она стала именоваться иконой Божией Матери Владимирской. В 1135 году храм, где находилась эта икона, сгорел дотла, а святая икона осталась совершенно невредимой. В 1395 году Тамерлан с полчищами татар приближался к Москве. Великий князь московский Василий Дмитриевич распорядился принести Владимирскую икону Божией Матери в Москву. Десять дней длился путь иконы. По сторонам дороги стоял народ на коленях и, протягивая руки к иконе, молил: «Матерь Божия, спаси землю русскую!» Все москвичи от мала до велика вышли на улицы встречать долгожданную икону. В это время Тамерлан спал в своем шатре. И ему приснился необычный сон: он увидел высокую гору, с которой к нему спускаются святители с золотыми жезлами. Над ними в воздухе в несказанном величии стоит Лучезарная Жена. Бесчисленные ангелы окружают Ее и держат в руках огненные мечи. Подняв их, ангелы устремились на Тамерлана... Он проснулся, трепеща от ужаса. Созванные им мудрецы, старейшины и гадалщики посчитали, что виденная им во сне Жена — есть Заступница русских, Матерь христианского Бога, и что сила Ее неодолима. «Тогда нам с ними не сладить», — воскликнул Тамерлан и отдал приказ своим полчищам повернуть назад. И татары и русские были глубоко изумлены этим событием. В летописи читаем: «И бежал Тамерлан, гонимый силою Пресвятой Девы». Еще дважды, по молитвам русского народа перед чудотворным образом иконы Божией Матери Владимирской в Успенском Соборе, Москва и Россия были чудесным образом спасены от врагов. В память об этих чудесных избавлениях

были установлены празднества этой иконе: 21 мая — в память избавления от татар под предводительством Махмет Гирея в 1521 году; 23 июня — в память избавления от полчищ хана Ахмета в 1480 году; 26 августа — в память избавления Москвы от нашествия татар под предводительством Тамерлана в 1395 году.

Русские люди относились к этой иконе с особым благоговением; перед ней молились князья и цари, выступая в поход; при избрании митрополитов и патриархов жребии избираемых клались в киот этой иконы. Перед ней помазывались на царство русские цари. Теперь она находится в Третьяковской галерее.

Замечательный русский поэт Максимilian Волошин написал вот такие строки, посвященные этой иконе:

Здесь в Успенском —
в сердце стен кремлевских,
Умиляясь на нежный облик твой,
Сколько глаз жестоких и суровых
Увлажнялись светлою слезой!
Простирались старцы и черницы,
Дымные сияли алтары,
Ниц лежали кроткие царицы,
Преклонялись хмурые цари.

А вот история Иверской иконы Божией Матери. Некогда эта святая икона принадлежала одной благочестивой вдове, жившей около города Никеи. В царствование Феофила иконоборца посланные им повсюду истреблять святые иконы пришли и к ней. Один из воинов-сыщиков в ожесточении ударил мечом в ланиту Богородицы, изображенной на иконе. К ужасу своему воин увидел, что из раны потекла кровь. Пораженный этим чудом, воин с раскаянием пал перед иконой, а впоследствии он принял монашество. Поэтому всегда на иконе Богородицы Иверской на щеке видны капли крови. Желая спасти икону от поругания, вдова пустила ее в море, и спустя много лет она явилась на Афоне близ Иверской часовни; позднее там был построен храм, в котором икона пребывает и поныне. В России было несколько прославленных списков со святой Иверской иконы.

Особым почитанием пользуется Иверская икона, находящаяся в Москве, у Воскресенских ворот (в Сокольниках).

С раннего утра и до позднего вечера святая икона путешествовала по городу, исцеляя и утешая болящих и скорбящих.

Несколько лет назад стало известно о новом чуде, произошедшем с Иверской иконой Божией Матери. Православный чилиец, брат Иосиф на Афоне получил в подарок список с этого чудотворного образа. Неожиданно благоуханное миро стало истекать с этой иконы. Вся комната наполнилась необыкновенным благоуханием, запахом розами. Мироточивая Иверская икона Божией Матери теперь путешествует по всему миру. И святое благоуханное миро продолжает выступать на лике Богородицы. Верующие собирают это миро на ватки; оно обладает чудодейственной силой, известны случаи исцелений. Видевшие мироточивую икону рассказывают об этом, как о необыкновенном чуде.

ОСТРЫЙ СИГНАЛ

Без крыши над головой

Дорогая редакция! Получаю ваш журнал семь лет, но пишу первый раз. У меня четверо детей: девочкам-близнецам по 14 лет, средней дочке — 11 лет, сыну — 8 лет. Прожили мы в колхозе 30 лет. Я работаю дояркой 15 лет. По причине моего плохого здоровья наша семья уехала на Украину к моим сестрам. Но девочкам-близнецам не подошел климат. Пришлось вернуться в родной колхоз, а жилища для нас не оказалось. Нам обещали построить дом. Но жить где-то надо. Купили мы за 600 рублей землянку с одной комнатой и кухней.

Говорят, обещанного ждут три года. Уже четыре года прошёл, а в нашей жизни ничего не меняется. Землянка, покрытая соломой и глиной, протекает. Обвалился потолок, в сенях упала стена. Мое здоровье еще больше пошатнулось. С трудом работаю на току, муж трудится в животноводстве. Зима не за горами. Что же с нами будет?

Ирина Николаевна
СТЕПАНОВА
поселок Цыганово
Уральской области

Где этот дом?

Во втором номере вашего, вернее, нашего журнала (получаю его второй год) прочитала о том, что открывается новая рубрика «Клуб многодетной семьи» и решила откликнуться.

Многодетная семья... Сколько вокруг нее разговоров, мнений, прений. Многие нас осуждают: «Иждивенцы, нахлебники, дармоеды, нищета!» Некоторые сочувствуют, жалеют. И очень мало кто одобчительно говорит: «Молодцы!»

Большая семья — это большой и ответственный труд. Его надо ценить и уважать. Любой семье, как молодому деревцу, чтобы оно дало хорошие всходы, нужны подмога и внимание. А многодетной — особенно, потому что растить и воспитывать детей, когда их много, совсем не просто.

Материнство — это не наказание, как думают некоторые, а великое призвание. Женщина заботится о том, чтобы не угасал род людской. Материнский труд не менее важен, чем иные профессии. Но достигнутые успехи на этом поприще никак не поощряются. Правда, вручают медали, ордена «Материнская Слава». Но раздают награды «за количество». А качество — какими выросли дети и как этого достигли родители — никого не волнует. Многие считают, что большая семья приносит только трудности, нужду. Как же они ошибаются! Счастье материнское неповторимо, с рождением каждого ребенка оно расцветает по-новому, как с приходом весны расцветает наша земля.

Думаю, пора представиться.

Я — мать одиннадцати детей. В нашей семье шесть сыновей и пять дочек, самому старшему сыну скоро исполнится 18 лет, а самой маленькой дочурке 2,5 года.

Муж мой Петр Иванович замечательный, надежный друг и помощник, и я без

него, как и без детей, жизни не мыслю.

Работает муж на заводе слесарем. Два старших сына учатся в ПТУ при заводе, пятеро — школьники и четверо малышей ходят в детский сад.

Как и в любой семье, бывает всякое, но больше хорошего. Семейство у нас шумное, веселое. У ребят есть своя комната, где сделали спортивный уголок. Есть фортепиано, библиотечка, которую стараемся пополнять. Очень любим семейные праздники — дни рождения, а больше всего Новогодний праздник. Сами готовим нарядные костюмы, на школьные ярмарки шьем игрушки.

Справедливости ради, должна сказать, что мы сейчас не платим за квартиру, коммунальные услуги, а только за электроэнергию, телефон и радио. Спасибо, республиканское телевидение за нас вступилось. Третий год подряд завод заготавливает для нас на зиму картофель. В этом году сделали нам ремонт квартиры, побелили потолки, покрасили стены. Школа выделяет раз в году денежное пособие на учащихся. За это все мы очень благодарны.

Но хотелось, чтобы все-таки помогли в главном — построили дом, иначе без помощи со стороны (а нам ее ждать неоткуда) не знаю, как поставить свое большое семейство на ноги. Беда в том, что почти год я провела в больницах. Дали мне вторую группу инвалидности.

Три года назад я обратилась к администрации завода, где работаем с мужем, с просьбой изготовить для наших ребят двухъярусные кровати. Ведь дети растут и спать им по двое, а то и по трое на одной кровати уже никак

нельзя, приходится стелить на полу. Но пока со стороны завода — никакой реакции. Вот вам и «все лучшее — детям!» Кстати, о счастливом детстве: я его провела в детском доме и интернате. Сколько было надежд на прекрасное будущее, на институт, ведь я училась хорошо! Но после окончания десятилетки пришлось распрощаться с розовыми мечтами. Нам вручили «путевку в жизнь», и мы в нее окунулись без всяких средств к существованию. Пока была на ногах, не сомневалась, что у детей моих будет другая участь. Но вот слегла: своей гвардией руковожу в буквальном смысле лежа.

Сейчас я не работаю, получаю пенсию 70 рублей, муж приносит в семью в среднем 200 рублей ежемесячно. Плюс 84 рубля пособий (по 12 рублей на семерых ребят). Еще 40 рублей на троих (от 1 года до пяти лет) получаю из собесов. Итого — в среднем выходит ежемесячно — 400 рублей на 13 человек. Может и хватало бы этой суммы, если бы цены были более доступны и наша семья имела приусадебный участок с хозяйственными постройками. А так — на третьем этаже ни грядки не сделаешь, ни коровы не заведешь.

Вот бы местным властям проявить инициативу! Сколько можно ходить в роли попрошайки (вот уже второй год не могу вовсе ходить) по всем инстанциям с просьбой построить нам отдельный дом? Но то земельного участка нет, то средств не выделили... А где же берутся участки и средства для постройки особняков, в которых проживает местное начальство?

И все-таки, невзирая на

трудности, я счастлива, ведь подарила жизнь стольким ребяташкам. По натуре я — оптимистка и не перестаю надеяться на лучшее, на то, что болезнь пройдет и я вернусь в строй. Нельзя жить без веры и надежды. Думаю, что «Клуб многодетной семьи» поможет нам приобрести верных друзей.

Галина ЛЕСНИЧЕНКО
г. Калиновка
Винницкой области

От редакции. Как свидетельствует редакционная почта, жилье — одно из самых больных мест для многодетных. Опубликованные письма — запрос редакции местным Советам. Почему они оставили в беде многодетные семьи? Почему отстранились — в одном случае колхоз, в другом — завод, от решения злободневной жилищной проблемы? Почему не пришли на помощь своим труженикам?

ПАРАДОКСЫ

Вычеркнули из паспорта

Обращается к Вам Гордиенко Таисия Андреевна. У меня пятеро детей: Гордиенко Любовь Николаевна — 1958 года рождения, Гордиенко Ирина Николаевна — 1961 года, Гордиенко Дмитрий Николаевич — 1966 года, Гордиенко Александр Николаевич — 1969 года и Гордиенко Андрей Николаевич — 1974 года.

От имени Президиума Верховного Совета СССР, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 сентября 1975 года — я награждена медалью материнства II степени. Всех детей после рождения мне вписали в паспорт.

Но в 1976 году при обмене паспортов в новый документ мне не записали ни одного ребенка, хотя я представила пять свидетельств о рождении. Я была на приеме у начальника паспортного стола Красноармейского районного

Фото
Э. Хакимова,
г. Казань

отделения милиции, обращалась в исполком и везде получала отказ — дескать, дети выросли...

Не могу этого понять. Детей я родила, воспитала. В любом возрасте они останутся моими детьми. Так почему их вычеркнули из моего паспорта? Это горько и обидно. Помогите восстановить справедливость.

Т. ГОРДИЕНКО
Волгоград

В Главном управлении охраны общественного порядка Министерства внутренних дел СССР нам разъяснили: согласно Положению «О паспортной системе в СССР», принятому в 1974 году, в паспорт родителей вписываются лица, не достигшие шестнадцатилетнего возраста. Логика тут простая: пока ты не дорос до гражданской зрелости, материальную и моральную ответственность несут за тебя родители. Однако, как следует из письма, даже это правило волгоградская милиция не выполнила. К моменту обмена паспортов из пятерых детей в семье Гордиенко «выросла» только одна Люба, которой в ту пору минуло восемнадцать. Хотя, если посмотреть на жизнь без лукавого прищипа, мы зависим от родителей и после того, как сами получаем паспорт. Школу человек заканчивает только в семнадцать лет, на работу до восемнадцати принимают далеко не всех* и не везде. А уж начать самостоятельную жизнь на студенческую стипендию, признаемся честно, в наше время практически нереально.

Отмечавшийся от всяких инструкций, мы — дети, пока живы наши родители. И, в свою очередь, тоже призваны думать, заботиться о них.

...Из головы не идет тот серый день, когда мама оказалась в больнице. Она долго была в забытии, а я жила отдельно, о случившемся не зная. И я почувствовала себя виноватой. Перед мамой. За то, что не оказалась рядом. Я ощущала свои отяжелевшие руки. Энергия, переданная им сероцем, осталась не востребованной. Мама лежала несколько дней, одино-

кая и покинутая. В паспорте моей мамы не значилось, что у нее есть дочь. О беде мне никто не сообщил.

Специалисты и без того констатируют, что все большее количество семей находится в состоянии невзорвавшейся бомбы — конфликт отцов и детей проявляется все резче. Но не подталкиваем ли мы к такой ситуации себя сами, всякими деяниями создавая почву для отчуждения родных людей. Нам бы всячески пропагандировать, поддерживать и закреплять, в том числе и документально, союз отцов и детей. А мы волевым решением не вписываем в паспорт матери ее совершеннолетних детей. И в то же время у многих женщин в паспорте стоит штамп о воинской обязанности. Не абсурдна ли такая шкала приоритетов в обществе, которое провозгласило курс на гуманизацию?

Повезло тем, у кого к моменту замены паспортов в 1976 году дети не достигли шестнадцати. Паспорта нового образца даются человеку на всю жизнь, а потому внесенная ранее пометка о детях сохраняется. Но почему разлучили родителей с детьми, которым к 1976 году минуло шестнадцать? А если человек теряет свой паспорт? Тогда опять вступает в действие «Положение о паспортной системе»: дети, если им на этот момент исполнилось шестнадцать лет, в паспорт, выданный взамен, не попадут. И сколько бы вы ни возмущались по поводу дискриминации, ничто не поможет. Сколько лет бьется за свои права Таисия Андреевна Гордиенко — ее никто не слышит. И никто не задумывается над нелепостью содеянного. Куда удобнее и спокойнее действовать «по наезженному» принципу, когда постановления, решения, даже не совсем здоровые и гуманные, обсуждению не подлежат, как армейские приказы.

Сейчас общественность склоняется к тому, чтобы от многих сведений, которые приводятся в паспорте, отказываться. Я двумя руками поддерживаю тех, кто предлагает за ненадобностью упразднить прописку или ту же пресловутую пятую графу — национальность. Но вычеркивать из паспорта детей нельзя. В любом возрасте я хочу чувствовать себя дочерью своей матери, чтобы мне были открыты все двери, за которыми она меня ждет всегда.

Ирина БАРКОВА

БЕСПРАВНЫЕ ПРАВА

Не по карману

Давно выписываю журнал, но пишу впервые. Мы с мужем имеем троих сыновей. Живем неплохо, есть квартира, свой сад-огород. Как многодетную семью нас поставили на очередь на мебель, швейную машинку. Недавно вручили талон на кухонный гарнитур. Мы, конечно, обрадовались, но оказалось, преждевременно. Нам сказали, что товары повышенного спроса в кредит не отпускают.

Не всякая многодетная семья (есть и такие, где пятеро и более детей) может выложить наличными немалую сумму. Как правило, в средствах многодетные ограничены: расходы большие — всех детей накормить, одеть, спортивный инвентарь купить (хотя в наше время это очень тяжело). Буквально каждая копейка на счету. И получается: видит око, да зуб неймет. А ведь мы тоже хотим жить как все: иметь красивую мебель, пользоваться холодильником, стиральной машинкой.

Может быть, можно сделать для многодетных исключение — отпустить дорогостоящие товары в кредит?

С уважением
Семья ШНЕЙДЕР
г. Невинномысск

КАК МЫ ЖИВЕМ

Земля кормит

Здравствуйте, уважаемая редакция!

Журнал «Семья и школа» выписываю несколько лет. Особенно нравятся раздел «Почта «Семьи и школы». Письма о многодетных семьях — для меня близкая тема. Интересно и полезно узнать, как живут другие.

У нас в семье четверо детей. Есть свои трудности, огорчения и радости. На каждого члена семьи у нас приходится по 40—45 рублей. Но я научилась и с такими деньгами жить. Еще ни разу ни у кого не занимала денег до получки. Как это удается?

Конечно, на одну зарплату не проживешь, особенно сейчас. Поэтому, живя в городе, обзавелись хозяйством: держим поросят, развели кур,

уток, кроликов. Круглый год у нас свое мясо, яйца.

Есть у нас еще большой огород, фруктовые деревья и ягодники. На зиму делаем заготовки, а излишки продаем. Вырученные средства идут в семейный бюджет. Из одежды покупаем только школьную форму, зимнюю верхнюю одежду и обувь. Все остальное шью и вяжу сама.

Дети — главные мои помощники. Я ни на кого не даю, каждый выбирает себе дело по душе. Старший сын, ему 14 лет, — мастер на все руки. Он любит готовить. Если я на работе, сам приготавливает и всех накормит, в том числе и папу. Среднему сыну — 12 лет. Этот любит шить. Пришивает всем пуговицы, ремонтирует свою одежду. Учитесь вязать. Дочери — 8 лет. Больше всего любит на кухне помогать, радуется, если доверяю ей что-нибудь из еды приготовить.

Самому младшему — 4 годика. Он пока только присматривается. Но думаю, что скоро и у него проявится интерес к какому-нибудь домашнему делу. И он еще раскроет свой талант.

Мне не нужно кого-то уговаривать «Сделай то-то!» Помощь маме — для детей — в порядке вещей. Этому способствуют, как мне кажется, доброжелательность и отзывчивость, которые мы всячески поощряем в детях.

К примеру, такой случай. Со старшим сыном мы шли мимо аптеки. Неподалеку в снегу «барахталась» старушка. Видно, хотела путь сократить, пошла прямо по снегу и увязла выше колен. Мимо люди проходят, и никто внимания не обращает. А мой Димка издали увидел, сумки поставил и бросился на помощь. Протоптал дорожку, вывел старушку и до аптеки довел. Я не стала хвалить сына до небес, потому что такое отношение к людям считаю нормальным.

Все наши дети любят животных. У нас в доме живут четыре кошки, во дворе две собаки и три белых пушистых щенка. Когда я выношу на ночь кошачью семью, маленький Гришутка плачет: «Мама, не трогай Рыжика-сыночка, у него лапочки замерзнут!» И я уступаю сыну. Рыжик укладывается спать у Гришутки на животе. Кто бы ни взял кота, он все равно прибежит к своему маленькому хозяину.

Мы с мужем все делаем, чтобы дети не выросли эгоистами. У нас в семье заве-

дено — обязательно всем делиться с другими. Втихую конфету никто не съест, хоть по маленькому кусочку, но всем достанется. Одно время папа наладился только Мишутке подарки покупать, по его мнению, самый маленький нуждается в особом покровительстве. Лично я придерживаюсь другого принципа: пусть с малых лет ребенок чувствует, что в семье он не один. И папу удалось переубедить.

Дети у нас не болеют простудными заболеваниями. С младшим сыном я была на больничном не более трех раз. С дочкой вообще не знала никаких забот. Специально закаливанием не занимаемся, все само собой получается. Выскочит кто-нибудь из детей в холодную погоду на улицу в одних трусиках, я не прихожу в ужас. Из бани по снегу они босиком бегают.

Вот так мы и живем. Много у нас планов, нерешенных проблем тоже хватает. Но я думаю, что сообща, все вместе мы их одолеем.

Т. ХУТОРНАЯ
г. Барнаул

РУКА ПОМОЩИ

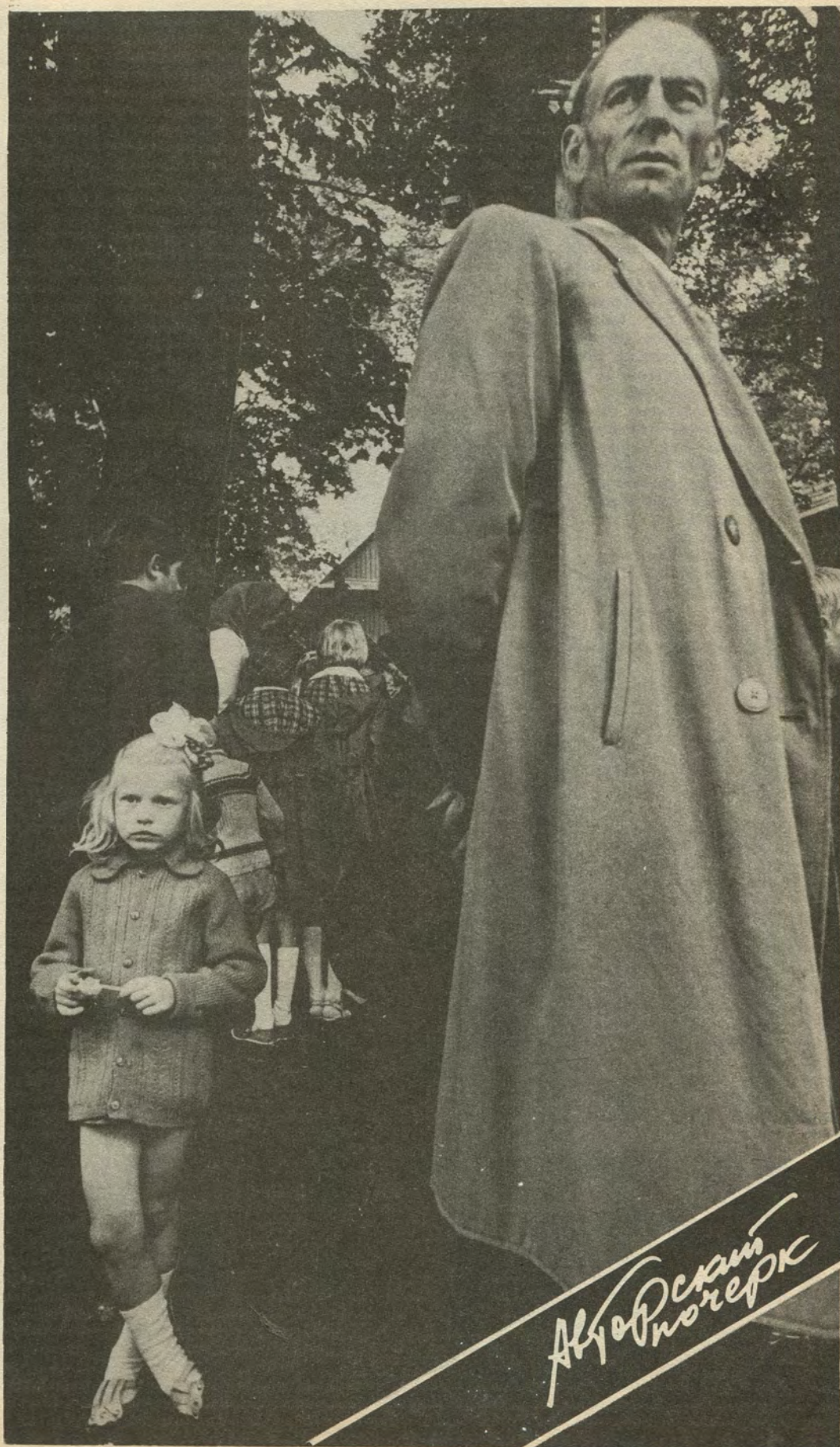
Один — за всех, все — за одного

Здравствуйте, «Семья и школа!»

Как хорошо, что Вы открыли «Клуб многодетной семьи». Ведь многодетных семей много, только почему-то стараются их не замечать. Я сама только недавно с удивлением узнала о том, что только в одном нашем Советском районе г. Москвы три тысячи многодетных семей. Но обо всем по порядку.

Мы с мужем женаты девять лет, оба с высшим образованием, оба — юристы. Имеем четырех детей: двух дочерей и двух сыновей. Если по возрасту, то Тане — 5 лет, Ко-

Фото
Р. Пожерскиса,
Литва

Анатолий
Почерк

ле — 4 года, Саше — 1,5 года, Насе — 4 месяца.

Многие поражаются, какие у меня дети воспитанные и опрятные. Слышать такие слова всегда приятно, ведь я прилагаю к этому столько усилий... Может быть, на нашем примере по-иному станут судить о многодетных? В семье у мужа было трое детей, у нас — двое. Мы сами хотим родить пятерых. Пока все получается. Все дети у нас любимые и желанные. Ребятишки ходят в садик. Мы твердо убеждены, что для ребенка это лучше: там и друзья, и утренники, и играть есть где. У нас же тесно — живем в однокомнатной квартире: то один малыш спит, то другой — шуметь нельзя. Но теснота — временное явление, а дети на всю жизнь. Они вырастут, будут поддерживать друг друга и в обиду не дадут. Жизни без детей мы просто не представляем!

Принято думать, что многодетные семьи все инфантильные, и только все чего-то просят. Нет! Многодетные — это не клеймо, а образ жизни. Среди многодетных немало инициативных, интересных людей. Мы в этом убедились, когда вступили в Союз многодетных семей «Содружество». В него входят представители 20 микрорайонов с мест. Муж мой как профессиональный юрист возглавил микросовет, где мы живем, и конфликтную комиссию в большом Совете. Наш совет собирается раз в неделю, все об этом знают, приезжают со своими вопросами, получают необходимую информацию, тут же решают текущие дела. В микросовете — 13 человек, у каждого свой участок работы. Например, у меня 10 подписанных семей. Я всех обошла, раздала анкеты. Мы выявили остронуждающиеся семьи для оказания материальной помощи и тех, у кого трудности с жильем. В нашем микросовете действует несколько секторов: учебный, дошкольный, жилищный, торговый, правовой и социальный. У меня — правовой сектор. Работа проделана большая,

но я перечислю только некоторые наши успехи. Прикрепили все семьи к продовольственным и промтоварным магазинам, собрали и передали в магазин заявки на покупку телевизоров, холодильников, швейных машин. Мы распределяем бесплатные абонементы в бассейн, вышли на книжный магазин, который обеспечивает наших детей книжками. Разбираемся с магазинами по поводу лучшего обслуживания, отстаиваем права многодетных в детсадах, школах, поликлиниках. Добились, чтобы появились вывески о внеочередном обслуживании многодетных, чтобы не трепать каждый раз нервы, доказывать, что ты — не верблюд. Вроде, все это мелочи, но как они омрачают жизнь!

При микросовете действует клуб «Бурда моден» по журналам «Бурда». Удалось договориться с исполкомом о бесплатных патентах на индивидуальную трудовую деятельность.

Но, пожалуй, самая главная наша забота — это вопрос о надомной работе. Очень многие многодетные семьи хотели бы подрабатывать и детей приобщить к труду. Однако пока не удается найти предприятия или кооператив, которые приняли бы нас. Предложил свои услуги кооператив «Матушка-СМ», но потом пошел на попятную, никак не разберутся между собой члены кооператива. Другой кооператив вроде согласился, но ослепил всего пять семей. А в районе 3 тысячи многодетных. Может быть, кто-то откликнется и возьмется нам помочь? У «Содружества» есть свой расчетный счет.

Живем мы в трудное время. Семьям с несколькими детьми приходится особенно тяжело — и материально, и морально. Общими усилиями легче отстаивать свои права, достучаться в нужные двери, чего-то добиться. Так давайте объединяться! Поможем сами себе! Честное слово, дети стоят того, чтобы ради них стараться изменить жизнь к лучшему.

Ольга Николаевна
ФИЛЬКОВА
г. Москва

АДРЕСА ДЛЯ МИЛОСЕРДНЫХ

Пишет вам мать троих детей. У нас большая проблема с зимней одеждой и обувью. Может быть, кто-то сможет передать нам подержанные вещи: для мальчика — зимнее пальто 44-го размера, зимнюю обувь 40-го размера, для девочек — зимние пальто 32-го и 38-го размеров, зимнюю обувь 23-го размера и туфли 16—16,5 размеров. Расходы и стоимость готова возместить. Наш адрес: 413700, Саратовская обл., г. Пугачев, Заводской переулок, 8. Силантьева Ольга Владимировна.

Здравствуйте, «Семья и школа»!

Очень просим поместить в журнале наш адрес. Мама одна воспитывает нас, троих девочек. Мы все учимся в школе. Когда меня сбивла машина, мама работала и днем, и ночью, чтобы поставить меня на ноги. Сейчас мама часто болеет. Мне 13 лет. За это лето я не отдохнула ни одного дня — работала, чтобы помочь нашей семье. Живем мы только на пенсию — 72 рубля. Будем благодарны за любую помощь. Наш адрес: 452600, Башкирская АССР, г. Туймазы, проспект Ленина, д. 2а, кв. 30. Гафиятуллина Людмила Ивановна (это наша мама).

У нас в семье девять детей. Нуждаемся в теплом белье: детям подойдут кофточки и штанишки 26-го, 28-го и 30-го размеров. Наш адрес: 663080, г. Дивногорск, Красноярского края, ул. Чкалова, д. 51, кв. 36. Бабинова Т. В.

В нашей семье пять детей. Девочкам 13 и 11 лет нужны зимние и осенние сапоги: 23,5 и 24,5 размеров. У малышей (им 2 и 4 года) проблема с колготками (размеры 12—14—16) и обувью: сандалии, туфельки 12,5—13 размеров. Будем признательны тому, кто нас выручит. Проживаем по адресу: 662511, г. Сорск, ул. 50 лет Октября, д. 1, кв. 39. Шишова Л. Н.

Помогите, пожалуйста, моей подруге. У нее три дочери: 8 лет, 3,5 года и 2 года. Муж

погиб при аварии, пенсию назначили мизерную. Сама работает воспитателем, вечером мост подъезды — денег не хватает. Мы будем очень признательны, если кто-нибудь откликнется и вышлет ненужную поношенную одежду, обувь, игрушки. Домашний адрес семьи: 644047, г. Омск, ул. Романенко, д. 14а, кв. 12. Башалова Т. Д.

Пишет вам мать пятерых детей. Живем мы в глухой деревне, где 47 домов. Товары до нас не доходят. Поехала я в райцентр Малояз, в «Детском мире» продавали валенки, и деньги были при мне, встала в очередь, дошла до прилавка, а там говорят, что отпускают только местным жителям — так и ушла ни с чем. Вот уже два года не могу приобрести спортивные костюмы детям. Мои средние девочки учатся в школе, что в восьми километрах от нашей деревни, живут в интернате. Костюмы нужны 40-го размера. Если у кого-то найдутся лишние колготки 22-го размера, мы тоже не откажемся. Наш адрес: 452481, Башкирская АССР, Салаватский район, п/о Алькино, деревня Идрисово. Садыкова Галима Гиззатовна.

Общество родителей, чьи сыновья погибли в армии в мирное время на территории СССР, борется за то, чтобы не допустить гибели сыновей, которые призваны на военную службу. Созданный фонд «Право матери» будет оказывать материальную, юридическую, моральную и психологическую помощь родителям, чьи сыновья погибли в Советской Армии. Желающие помочь фонду могут внести средства на текущий счет: 700731 в Московском городском управлении ЖСБ СССР.

«СЕМЬЯ И ШКОЛА»
№ 11, 1990
Наш адрес:
129278, Москва,
улица Павла Корчагина, 7

Алго-Роскии
ночерк

Фото
Д. Фастовского

В. АНИСИМОВ

ШКОЛА ПОВИНОВЕНИЯ

Вся эта история, как многие другие, началась с письма в редакцию. С письма, как мне показалось, явно инспирированного. Слишком уж оно не по-мальчишески было написано: четкий, округлый, с наклоном влево почерк, а главное — стиль, скорее напоминающий девичий и абсолютно не соответствующий бытующему представлению о тех, кто попадает «туда». Письмо от лица некоего пятнадцатилетнего семиклассника Славы рассказывало о семейной драме: погиб на шахте отец, почему-то прекратили выплачивать за него пособие, отчаявшаяся добиться справедливости больная мать после объявленной голодовки совсем оплошала...

«Господи, если бы это увидел наш папа! Я вас очень прошу, помогите мне и моей маме разобраться в этой неурядице с пенсией. И помогите мне выйти из спецшколы. Ведь у меня осталась одна мамочка с истерпанным сердцем. Вы ведь сами видите, как ей сейчас трудно. Если она умрет, то я останусь круглым сиротой и никому ненужным...»

Нет, оказалось, письмо действительно написал Слава. Встретились мы с ним в кабинете директора спецшколы.

...Рослый, с правильными чертами лица — внешне мальчик из благополучной семьи. Даже годичное пребывание в спецшколе не стерло следов былой домашней ухоженности. Воспитан, вежлив. При упоминании о матери прослезился.

К тому времени я уже видел личное дело Славы, знал о его здешних проступках. В спецшколу мальчишка попал за целый набор грехов. Злостно (так указано в документах) уклонялся от учебы, прогулял 80 уроков, бродяжничал, украл в школе «дипломат» с наручными часами. Впрочем, из-за малолетства уголовное дело не возбуждалось.

Первая встреча со Славой проходила в присутствии администрации спецшколы и воспитателя седьмого класса «б». Говорили про успеваемость, про планы на будущее.

— Не знаю пока, — пожал плечами Слава. — Закончу девятый, поступлю в техникум, потом на инженера выучусь. Хочу, как папа, работать в шахте...

— Что теперь читаешь?

— Люблю читать сказки. Но свободно времени не так уж много, а нужно и письма написать.

— Кому ты пишешь?

— Маме...

Как живет Слава в спецшколе? Глав-

ное в этой школе — повиновение. Повиноваться требуется всему: установленному режиму, предписанному сроку пребывания здесь, писаным и неписаным правилам поведения среди одинаково одетых в вельветовые темно-коричневые куртки и штаны пацанов, наказаниям за проступки.

Но ребятня везде остается ребятней. Даже тут, в поселке Веровка, за каменным забором с наклонными внутрь рядами колючей проволоки, за железными воротами (правда, окрашенными в веселенький голубой цвет), над которыми крупно написано «Енакиевская специальная школа».

...Из учебного корпуса в спальный идет строем по двое класс. Впереди высокие переростки в надвинутых на брови черных шапках, позади — бледнолицая тщедушная мелюзга. Сбоку вальяжный «командир», или по-здешнему «бугор», снисходительно оставляющий без внимания обмен щелчками в строю.

— Атас, Серага! — слышится из рядов.

— По ухам его, Леха, по ухам!

Голоса у мальчишек то ли простуженные, то ли прокуренные; а вот смех — детский, и он как-то особенно усиливает гнетущее чувство, возникающее при виде этой картины. Что еще может сравниться с по жизненной нелепости с этими детьми, лишенными свободы!

Пусть не судебными приговорами, пусть решениями так называемых комиссий по делам несовершеннолетних оказались они тут. Однако закон позволил лишить их свободы. По нему, по закону, уголовная ответственность за некоторые преступления наступает с четырнадцатилетнего возраста; а тех, кто совершает уголовно наказуемые проступки еще раньше, общество (это значит, мы с вами?) признало возможным изолировать с одиннадцати лет. Вроде бы можно «общество» понять, но все равно — тяжело видеть коричневого мальчишеский строй, особенно последних, запыхавшихся малышей в великоватых им черных шапках.

Енакиевская специальная школа недавно справила свой круглый юбилей — первое двадцатипятилетие. Числится она в показательных, проводит у себя республиканские семинары педагогов-специалистов, материально хорошо обеспечена. По крайней мере, большинство общеобразовательных школ, школ-интернатов, виденных мною, выглядят по сравнению с этой «спецшкxой» нищенски. А здесь — просторная загородная территория, стадион, лет-

ний плавательный бассейн, в опрятном состоянии здания. В школьных классах, производственных мастерских, клубных, игровых, спальных помещениях, комнате с тренажерами — везде приметы достатка.

Днем на территории ни единой детской души: вся ребятня с побудки в семь утра до половины десятого вечера при каком-нибудь организованном деле или занятии. Наверное, так и положено для исправительного учреждения. Наверное? Если бы вот только не увиденные мною там лица, глаза... Да простится мне подобное сравнение, но мне они показались глазами замученных зверюшек, посаженных в клетку. А лица, еще по-детски непроизвольно отражающие состояние души, демонстрировали эту душу уже покалеченной, вынужденно грубеющей.

Государство по нынешним временам делает для ребят все возможное. Недавно прибавили денег на питание; дневной рацион теперь стоит 1 рубль 80 копеек. Но при всем бытовом обустройстве здешняя жизнь для детской психики довольно жестока. Самим режимом ребенка ставится в нелегкие условия. По программе трудового воспитания дети (в зависимости от возраста — четыре или пять раз в неделю по три часа) вытаскивают на учебных токарных станочках различные детали для предприятий, шьют на машинках постельные принадлежности, халаты и фартуки, мастерят по заказам галантерейной фабрики и артели слепых картонные коробки. Существуют производственные задания, трудовое соревнование, даже заработок — все как у «больших». Слава, к примеру, имеет на личном счету уже тридцать рублей. Рассказывают, некоторые швейники и токари при выходе из спецшколы (если, конечно, их для продолжения курса перевоспитания не переводят в спецпрофтехучилища), получают до трехсот рублей.

Здесь, как у больших, по другую сторону каменного забора, есть преуспевающие, есть и отверженные, и всеми дружно презираемые. Их здесь на мальчишеском жаргоне называют «кантаченными», «шавками». Несчастные ребята, обычно слабые, безвольные, зачастую страдающие какими-нибудь физическими недостатками, терпят насмешки и издевательства. Много больных (и запущенных больных!), хотя, на первый взгляд, медицинское обслуживание вроде бы поставлено неплохо...

Знакомясь со спецшколой, я попросил

показать карцер. Две камеры, одно- и двухместная, оказались при контрольно-пропускном пункте. Официально их тут называют «дисциплинарными комнатами», а собираются переименовать в «комнаты психологической разгрузки». Так вот про эти комнаты. Крепкие толстые двери с «глазками», маленькие, затянутые металлической сеткой окна, массивные засовы, внутри кровати с досками. Ничего себе, разгрузка...

Обе камеры не пустовали. В одиночке отбывал наказание за драку Вова Макаев, некогда на свободе польстившийся на чужой мопед. Из двухместной слышались непрекращающиеся, похожие на плач крики. Там находились расплачивающийся за курение Игорь Крайко и недавно прибывший в школу из Киевской области Коля Родин. Он-то и кричал.

Мне объяснили, что так вначале ведут себя многие. Коля производил впечатление психически нездорового мальчика. Неровно наголо остриженный, серое лицо, явные признаки неполадок в почках, кишечнике. Внятно произнести он ничего не мог.

Директор спецшколы Николай Антонович Гейко, наверняка уж не заинтересованный в драматизации обстановки, удостоверил: больше половины воспитанников — с психическими расстройствами. Сколько именно? Боюсь, в Воровке этого точно никто не знает. И полагать так у меня есть основание. Один лишь горький пример. Семиклассник Руслан Зинченко из Макеевки, тихий, покладистый, сбагрённый сюда школой за пропуски уроков. У мальчика случаются приступы, раньше он полгода пролежал в психдиспансере, но в его медицинской карте об этом ни слова. Кто эти люди, сплавившие его в Воровку? Да и можно ли их так назвать?

Все, что я узнал о маме Славы, абсолютно не соответствовало написанному в его письме. Кроме разве упомянутой голодовки, да и та осуждалась людьми. По документам из личного дела сына Лариса Никитична значилась продавцом кооперативного магазина, зарабатывала 115 рублей, из них пятнадцать ежемесячно платила за содержание Славы в спецшколе. При этом обездоленной вдову никто не считал, а один из моих собеседников охарактеризовал даже «весьма эффектной женщиной». Но с самой Ларисой Никитичной я познакомился позднее. Предварительно созвонившись, я поехал к Славиной матери после того, как побывал у сына. Дверь открыла под лай черного пуделька молодая пышная женщина в халате.

Прочитав адресованное редакции письмо сына, Лариса Никитична подтвердила:

— Вы знаете, все так и было. После гибели Пети я вообще долго не могла прийти в себя. Жила как в тумане... Поверьте, и сейчас, хотя прошло уже пять лет, трудно вспоминать.

Я слушал Ларису Никитичну больше двух с половиной часов. Делал записи в блокноте, уточнял некоторые подробности, интересовался отношением родителей к сыну. Женщина часто прикладывала к глазам платочек.

Горе всегда остается горем, а когда жизнь до него складывалась удачно — вдвойне. Петр, окончивший строительный техникум, выучился на проходчика, начал получать большие деньги. Работавшая в универмаге продавцом Лариса уволилась. Обставила квартиру, начали строить собственный дом.

Потом случилась на шахте эта авария. Славик тогда учился в третьем классе. Ему назначили пособие: двести тридцать рублей в месяц. Кроме того, шахта обязалась выплатить семье крупную сумму в виде компенсации. Часть ее вдова получила, а на остальные деньги потребовалась достроить двухэтажный дом.

И тут в нашей беседе Лариса Никитична как-то совсем забыла о сыне. Ее волновало другое. На достройке дома возникли затянувшиеся разногласия. Все обострилось с определением Славы в спецшколу: решено было деньги на его содержание брать с назначенного мальчику пособия.

Лариса Никитична с помощью публи-

кации в журнале «Смена» заставила-таки шахту раскошелиться на достройку дома, впрочем, запрещенную позже городским архитектором из-за нарушений каких-то правил. С таким же напором вдова принялась отстаивать возврат части пособия. Форму Лариса Никитична выбрала экстраемальную: четверо суток не ела, не пила, сидя в вестибюле шахты.

Рассказ Ларисы Никитичны о борьбе с «противостоящими силами» изобилует подробностями, я же старался сводить разговор к ее сыну. Расспрашивал о детстве Славы, его интересах, учебе, друзьях.

— Ну, интересы... Водила на балльные танцы, там так смеялись! Он же у меня полненьким был. По правде сказать, упустила его. Знаете, такое пережить... А каких нервов мне стоили учителя. Ненавижу их всех! Работала в универмаге, одной то достань, другой — другое. А сколько подарков подсовывала... И вот в благодарность, пожалуйста.

Самой позорной оценкой для человека Лариса Никитична считает бедность. Учительница: «Невзрачная, бедная». Родители мальчика, с которым сын попал в неприятность: «Не знаю, кем работают, но бедные». И покойный муж, и она всегда стремились не просто к зажиточности, а именно к впечатляющему богатству. Оба, как

утверждает теперь Лариса Никитична, делали это ради сына, его будущего. Какого?

Закормленный до ненормальной полноты, не знавший ни в чем отказа мальчик рос инфантильным, капризным, ленивым. У сверстников он вызывал неприязнь. Носивший кличку «Жирный», Слава и подростком продолжал читать только сказки.

— Конечно, ленился, обманывал. Возьмет и напишет в дневнике предметы, по которым не нужно делать уроки, а я потом хлопаю глазами перед классной...

— У него были приводы в милицию? — Ой, и не говорите!

Первую кражу Слава-четвероклассник совершил в хлебном магазине. Стащил булочку и был задержан. Второй проступок был посерьезнее — соучастие в похищении магнитофона из легковой машины. У самого Славы дома был импортный магнитофон, но он не смог отказать приятелю постоять «на атасе»: караулил, пока тот орудовал в машине. Дело замяли.

Однако следующее дело о похищении в школе «дипломата» замять не удалось, хотя сам по себе эпизод вряд ли тянул на уголовное преступление. Славин «дипломат» подызносился. В школе он увидел точно такой же, но поновей. Как в эпизоде с булочкой: захотелось — взял, и была в этом какая-то наивная испорченность. Дома обнаружил в «дипломате» дешевенькие часы, сунул куда-то, ведь у него были импортные часы «Монтана». На следующий день простодушно отправился с «приобретением» в школу, где и был уличен в краже.

— Забрали его в Веровку обманом. Посадили в машину, сказали: подвезем до дома, а сами — туда. Мне не позволили, жду-жду, чуть с ума не спятила. Когда уж съездила, посмотрела, успокоилась...

Ларисе Никитичне специальная школа за каменным забором понравилась: чистота, порядок, обходительная администрация, опытные учителя, дисциплина. Однако она небезосновательно опасалась за избалованного домашними условиями Славика, тревожилась, что ему будет не хватать казенного питания. Не думала Лариса Никитична только о более серьезных последствиях домашнего воспитания сына.

Заведующий Енакиевским городским отделом народного образования Анатолий Васильевич Гапотченко откровенно гордится состоянием специальной школы в Веровке и все про нее знает. Знает он и семью Славы. Считает поспешным решение комиссии по делам несовершеннолетних о направлении мальчика в спецшколу, допускает возможной работу с ним по прежнему месту учебы, соглашается с тем, что тот в Веровке может приобрести много негативных качеств. Но тут же вспоминает: Славу отпускали домой на летние каникулы, значит, нарушений не было, видимо, скоро вернется домой.

Гапотченко причисляет себя к сторонникам дифференциации спецшкол для ребят в зависимости от совершенных ими проступков разной степени тяжести. Есть у него и другие идеи. А я рассказал ему о состоянии посаженного в карцер больного Коли Родина, попросил принять участие в судьбе несчастного ребенка. Возможно, просьба получилась не-

уместной, если учитывать сложность обстановки с состоянием здоровья большинства ребят в спецшколе. Анатолий Васильевич спросил, обращался ли я к директору. Да, ответил, обращался.

— Тогда Николай Антонович уладит на месте...

Однако на месте ничего не было улажено. Пока я на вахте спецшколы дожидался телефонного разрешения на пропуск, из соседствующих «дисциплинарных комнат» глухо доносились все те же, что и вчера, крики больного мальчика.

А мне все продолжали объяснять про школу. Оказалось, особо лихие пацаны под любым предлогом тут добиваются отправки в больницу, откуда не составляет труда сбежать. Глодают, глупыши, мелкие гвозди, пьют всякую гадость — только бы в больницу попасть, где светит радужная перспектива побега. Пацанов возят на рентген, выявляют симулянтов, однако число их не сокращается.

Мне же хотелось сказать, что Коля Родин на симулянта не походил. И многие другие тоже. Да, здешные воспитанники — не сахар; есть ребята с садистскими, сексуально-порочными наклонностями, есть привыкшие к воровству, бродяжничеству, попрошайничеству... Но почти каждый нуждается в лечении.

Остальная же масса ребятни, вроде Славы, попадает сюда из-за несовершенства нашего школьного образования. Любой учитель знает, что к пятому-шестому классу часть ребят (мальчишек!) утрачивает интерес к учебе. И происходит это не из-за их интеллектуальной ущербности. Большинство школьников тяготеют к вынужденной зубрежке, противной природе необходимости по несколько часов сидеть в классе и дома за выполнением уроков. Пора давно признать, что школьная программа не делает человека просвещенным, она больше выхолащивает его духовно и не помогает ему правильно развиваться физически. И вот сегодня спецшколы уже не в состоянии вместить всех двоечников и прогульщиков.

Вот Слава — один из таких «отходов» школьного «производства». Однако жизнь его осложнена семейным воспитанием; его драму во многом определила избыточная забота родителей. Слава рос вдалеке от жизненных реалий. Инфантильность, избалованность сделали его одиноким.

Еще хуже, чем «на воле», пришлось ему в стенах «спецухи». Мальчик часто плакал, его ошеломила суровая и безжалостная повседневность. Не приученный самостоятельно умыться, он вынужден был сносить насмешки, пинки, затрещины. Откупался от обидчиков продуктовыми передачами, что приносила мать.

Однажды, поднабравшись от бывалых одноклассников премудрости, Слава стал изображать нестерпимые боли от якобы проглоченной иголки. Его свозили на рентген, уличили во лжи, и опять началось все то же: непривычное сидение за учебниками в часы самоподготовки, утомительная возня с картонными коробками в мастерской, слезное писание писем маме перед отбоем. И изобретательные, порой устрашающие выходки пацанов, сводящих счеты с непохожим, пока отлучалась дежурная по режиму...

Слава вел себя безупречно, старался учиться. На лето его отпускали домой. После трех месяцев каникул возвращение в Веровку оказалось для его психики слишком тяжелым испытанием. Кажется, лишь твердый режим с побудкой и отбоем под горн вернул мальчишку к жизни.

Впрочем, был эпизод, который меня насторожил бы. Слава попался с «коле-сами» — содержащими наркотики таблетками, весьма ценными в спецшколе. Мне он объяснил, что собирался отравиться. Не могу этому ни верить, ни не верить. По некоторым сведениям, Слава теперь, как здесь выражаются, «тянет мазу» среди младших воспитанников, при этом обращаясь с меньшими пацанами довольно жестоко. Среда определенно показала свое действие. Он начал курить, за что и был лишен отпуска домой на зимние каникулы. И тут он отважился на побег.

Вечером выдвинул оконное стекло в умывальнике и спрыгнул на втором этаже в комнату с постельными принадлежностями. Когда поиски беглеца прекратились, сбросил вниз несколько матрасов, прыгнул, в намеченном заранее месте перебрался через забор и ушел.

Легко одетый, без шапки мальчишка отшагал несколько километров, добрался до недостроенного родительского дома... Потом его, провалившегося в какое-то болото, обледенелого, приютил истопник в котельной. На третьи сутки парень дотянул до живущей за городом бабушки, забрался в дощатую уборную, где и был в конце концов обнаружен спящим. Его отогрели, накормили, привезли к матери, которой уже сообщили о побеге сына. Мальчишка пару дней поспраждал на домашних яствах, а затем на такси был доставлен в Веровку...

Последний раз разговаривал я с ним наедине в актовом зале. Слава по-мальчишески непосредственно рассказывал о спецшкольной житухе. О карцере, где трое суток отбывал за новогодний вояж. О сотоварищах, воспитателях, «режимниках», то есть женщинах — дежурных по режиму, главных контролерах мальчишеской нравственности. Про то, как воспитатели наказывают «васяткой» — скрученными в жгут шнурками. Про то, как пацаны режут себе вены, глотают ртуть от разбитых термометров...

Я записывал, почти не надеясь, что это войдет в материал. Такое не принято было публиковать, слишком страшно. Было? А может быть, сейчас самое время?

Какой след останется в душах всех этих бедолаг? Видели бы их здесь родители... Слышала бы крики сына из карцера мать Коли Родина... Кто тут больше виноват? Разбираться пришлось бы очень долго, сейчас же необходимо спасти многих ребят, судьбы которых привычно решаются росчерком пера на заседаниях комиссий при исполкомах. Для детей, чье поведение требует особого внимания, нужны другие учреждения — не тюремно-колонийного типа, а лечебно-педагогические, укомплектованные психологами, врачами, опытными воспитателями. И эти школы не должны основываться только на выработке навыков повиновения. Это должны быть школы помощи и выпрямления неустойчивых мальчишеских судеб.

Донецкая область

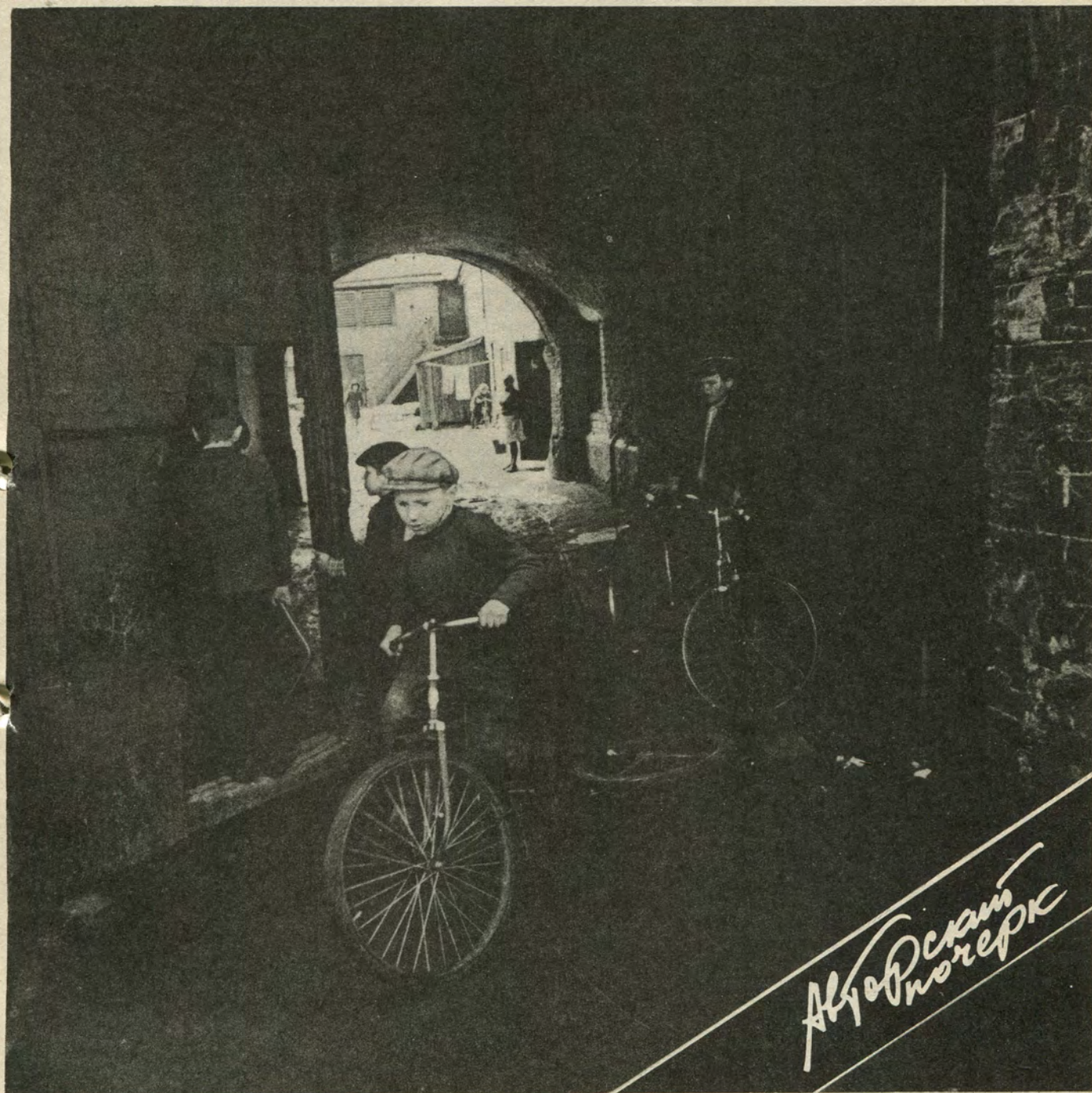

Фото
Р. Мухаметзянова,
г. Казань

Ф. ИППОЛИТОВ,
кандидат
психологических наук

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ: С ЧЕГО НАЧАТЬ?

В наше тревожное время немало пишут и говорят о будущем правовом государстве и обществе. Отрадно уже признание, что этого нет и не было: ни прошлое XX века, ни «застой», из коего никак не вылезти, правовым обществом назвать нельзя. Все-таки наконец правда — пусть горько-соленая. Скажут, нам нужны полные прилавки, а не правда? Ну тут еще А. С. Пушкин советовал: «...и не оспаривай глупца».

Автору довелось, так сказать, зондировать общественное мнение: беседовать

Авторский очерк

с рабочими и инженерами-машиностроителями, приезжавшими в Москву на пере-квалификацию. Общались и устно, на заня-тиях, и письменно — слушатели отрасле-вого института заполняли тест-анкеты. Это общение за шесть лет прошло полторы тысячи душ. Большинство соглашалось, что правовое государство — оно бы хорошо, заманчиво, да реально ли? Если, мол, и удастся осуществить голубую мечту о строгой справедливости для всех — уж не раньше, чем через два-три поколения. И никто не оспаривал, что мечта о правовом обществе может реализоваться только в итоге длительных и мучитель-ных усилий «сверху» — от органов власти-влияния и снизу — от воли трудящихся масс.

Представление о правовом государстве в ходе споров быстро уточнялось; вы-кристаллизовывались три общих признака: 1) законы и нормы права одинаково обя-зательны для всех — и для рядовых жи-телей, и для крупных тузов власти, и для мелких тузиков — чиновников; 2) за-коны и нормы должны спускаться, как мы привыкли, сверху, но проходить какую-то проверку, одобрение и утверждение вни-зу. Каким образом, было неясно, но не тем «всемирным обсуждением», как мы уже видели не раз.

В этих беседах прорезалось понятие весьма многозначительное, рожденное европейской культурой почти три века назад, — «социальный контракт» (общес-твенный договор) между правящим мень-шинством и подчиняющимся большинст-вом, меж властью и народом. Не безус-ловное подчинение (диктатура), а демо-кратия, социальный контракт, согласие верхов и низов — без этого и речи быть не может о правовом обществе.

Из этого принципа ясно следует: дей-ствующие в обществе порядки и законы (в правовом государстве!) должны соот-ветствовать нормам нравственности, при-нятым в большинстве народа. Во многих простых случаях всем понятно: воров-ство, хулиганство запрещаются морально, как и законом. Убийство, палачество? Как будто тоже. Но... сразу же начинается зона путаницы, противоречий. Скажем, за вранье моральный ответ неминуем. А по закону парень, обещавший девушке же-ниться и бросивший ее беременной (по морали, это не только вранье, а и преда-тельство), — ненаказуем. Суд бессилен: идите, жалуйтесь в партийную или комсо-мольскую организацию. Директор пред-приятия, обещавший рабочим жилье и затем сославшийся на объективные при-чины? Примеров много. Официально наши юристы заявляли и заявляют, что совет-ское право находится в согласии с моралью советского общества. На практике этот тезис смахивает на вранье. К тому же сама эта «диковина» — «наша советская мораль» — исполнена кричащих противоречий. Правда, сейчас официально призна-ны «общечеловеческие ценности» и даже выражение их в церковных заповедях (не убий, не укради, не солги, не преда-вай, не прелюбодействуй... Все десять помните, читатель?). Но все же проблема «мораль — право» однозначно не решается...

Таким образом, в сумме свободных дискуссий — за ряд лет нескольких сот

рабочих, техников, инженеров, бухгалте-ров, экономистов — более-менее выясни-лось, что без правового воспитания нам всем не обойтись; и оно должно идти в семьях и школах, в учреждениях и на предприятиях, в домах и на улицах. А не будет этого — продлится и пуще станет всеобщее озлобление и охам-ление...

Мои собеседники уже были знакомы с азами педагогики, умели различать, где перед нами образование, где обучение, где воспитание. Тут же подавали репли-ки — хорошо бы в наших школах ввести преподавание конкретной юриспруден-ции, с какой в жизни сталкиваются. Скажем, как писать (и куда подавать) исковое заявление? С каких документов и зачем снимают нотариальные копии? Что, написанное вашей рукой, заверяется нотариусом и превращается в документ?... А что (с вашей подписью) есть доку-мент уже без штампа нотариуса? Что тако-е «правопочтность» и «дееспособ-ность»? Автор, по своему опыту народ-ного заседателя, спешит добавить: у под-ростков и старших школьников весьма расплывчато представление о краже. Мол, шапку спер, если она пыжиковая или мер-лушковая. А летняя, из ситца с полиэтил-евым козырьком, — пустяк, не кража. Мопед взять покатайся — нет, не кража: я же сказал, что покатаюсь и отдам... Обыч-но все зависит от багажа семейного воспитания: где внушали «чужого не бери без спросу», там до суда с милицией доходит реже... Но контроверза «мо-раль — право» проглядывает уже и в таких случаях...

Часто звучала (явно обоснованная) жалоба: нигде взять знания по основам права. Учебников для самообразования нет вообще, текстов кодексов (УК, КЗОТ, КЗОБСО) не достать, для школы пособий тоже нету... Кое-кто ворчал — дескать, видна политика. Словесие чиновников держит в секрете действующие инструк-ции от трудящихся граждан...

...Недавно известный историк Р. А. Мед-ведев, выступая в Верховном Совете по нашумевшему делу Т. Гдяна, возмущал-ся оформлением описей конфискованных сокровищ узбекских воров: «Три перстня из желтого металла с прозрачными ка-меньями». Какой такой «желтый металл»? Что за «прозрачные камни», это брильянты, горный хрусталь или стекляш-ки?

В том-то и дело, что по всему миру следователи пишут описи именно так, объективно! Юрист видит желтый металл и прозрачные камушки. Юрист не знает, что представляют собой эти поделки: золотое или латуны? Кварц или алмаз? Устанавливать истинность и цену — дело экспертов-ювелиров. Только так!

Я что хочу сказать — каков же общий уровень юридического невежества у нас в стране, если член специальной комиссии парламента на радость врагам вот так по-пал впросак?

Наши читатели вправе возразить: нам, родителям, здесь ничего не изменить. Школьные учебные планы и программа от нас не зависят. Не к чему сыпать соль на ссадины, так?

Не совсем так. Правовое воспитание — дело долгое, а роль общественного мне-

ния возрастает. Придет ли миг, когда и вас спросят, что в школе нужней — «походы Антанты» либо азы процессуаль-ного кодекса? Миг вполне может прийти: свое мнение тут не мешает заготовить и обдумать заранее. Со старой песенкой «Нам все до лампочки» мы уже плюхну-лись в яму и барахтаемся, похоже, без особого удовольствия...

Всю сферу писанных законов издавна поименовали «юриспруденция». В этой сфере есть, грубо говоря, общие принци-пы и техника приемов. С общими прин-ципами надо разбираться: нам много ввали в прошлое, иные старцы закос-нели в этом вранье. Референдумы — это выражение воли народа или «форма буржуазной демократии»? Нас учили, что форма буржуазной власти, и не иначе. Так в энциклопедии записано (издания 1-е и 2-е) и в философских словарях. Теперь вроде бы другое отношение: что бур-жуйского в поголовном опросе всех жи-телей страны? Презумпция невиновности, принцип составительности сторон на су-де — это кардинальные принципы право-судия, любого правосудия, неперменные в любой цивилизации. И ту страну, где эти принципы не действуют, нельзя назвать цивилизованной страной точно так же, как нельзя назвать цивилизованной страну, где вора рубят руки (европейские пра-воведы доказали недопустимость увеча-щих наказаний еще в XVIII веке).

Любопытно и примечательно: многие мои информанты (рабочие, инженеры, техники) категорически стояли за ужесто-чение уголовных наказаний. Изнасилова-ние малолетних? Кастрировать! За убийс-тво — смерть, без разговоров! Торгаши во-руют? Сажать на 10 лет с конфискацией всего имущества! Интересно, слушатели с высшим образованием почти все знали принцип неуклонности правосудия (в борь-бе с преступностью важней обеспечить неотвратимость наказаний, чем их жесто-кость), да не знали, что автор принципа — Гуго Гроций, европеец XVII века. Наша пресса слишком часто цитировала Ленина, повторявшего сей принцип как общеиз-вестный в юриспруденции; вот у людей и возникла иллюзия, что до Ленина никто об этом и не думал...

Лишь немногие, не всегда, проникали в связь гласности — открытости (публика-ции цифр преступности) с организацией неотвратимости наказаний. Это типично кибернетическая проблема — отрицатель-ная обратная связь, даже двойная. Ува-жаемые читатели, знакомые с киберне-тикой, разберутся сами, хорошо?..

Ядовитой проблемой (контроверзой) остается принцип «Незнание закона не оп-равдание». Не столь давно Ю. Феофанов, подкованный юрист «Известий», ут-верждал и отстаивал этот принцип на страницах своей гуманной и справедли-вой (мне так мнится) газеты. Автору известно, что норма «Незнание закона не избавляет от ответственности за его нарушение» — древний принцип, еще от римского права.

Но... в нашу-то эпоху как звучит эта древность? Всемогущее государство, при-своившее себе все виды влияния и власти, претендовавшее на руководство всем и вся — и армией, и разведкой, и суда-ми, и прокуратурой, и школами, и здра-

воохранением, и всеми-всеми издательствами, газетами, журналами, — не заботилось, чтоб каждый подданный этого государства при желании мог изучить любой свод законов, любой учебник правоведения. Жителям глухих мест и вовсе негде получить элементарную юридическую справку... Да еще в школах ничему толком не учат! Да еще «секретность-закрытость», ведомственные тайные инструкции! Казалось бы, прежде чем требовать с гражданина соблюдения всех законов, государству надо гарантировать, дать, обеспечить гражданину знание законов? Нет, у государства тут своя логика... Автор толковал с профессионалами-юристами. Заготовленный ответ был таким: все, что у нас в законах, зафиксировано и в советской морали. Исключительные случаи, когда можно нарушить закон по незнанию? Вы что, можете залезть соседу в карман? Избить инвалида?.. Носить в кармане нож или пистолет? Все, караемое законом, достаточно отражено в массовой печати или — в общепринятых заветах морали!..

По иронии судьбы, в кабинете находились подшивки газет начала 70-х годов со знаменитыми «делами о превышении необходимой самообороны». Так же (много спустя) я прочел с удовольствием, что турист, нашедший в распадке у ручья камень-самоцвет и не сдавший его государству, совершает хищение социалистической собственности. Что горшки с золотыми монетами, выкопанные на огороде, надо сдавать (и получать 25 процентов их стоимости) — это я знал, а вот что камешек из ручья может привести за решетку (но смотря каков суд) — нет, не подозревал...

Другой юрист-профессионал по этому же вопросу напомнил мне: наш советский суд имеет воспитательную функцию и знание законов обеспечивается самими судами. Посадят одного — другие будут знать. Люди быстро передают друг другу требуемую информацию... Третий юрист мне объяснил: на практике невозможно доказать, знал или нет человек, что можно по закону, чего нельзя. Поэтому в интересах государства, упрощая работу суда, постулировать знание закона. Да в самом деле, наши знаменитые «несуны» — не знают, что воруют? Рокеры на мотоциклах ночью — не знают, что будят сотни людей?

Мы так и остались «при своих», но... Не обязано ли государство гарантировать своим гражданам знание некоторого минимума правоведения, особенно в том, что ведет в тюрьму или к долгим выплатам-штрафам?.. Как гарантируются грамотность в родной речи или знание таблицы умножения...

Клубок проблем перепутан в пограничной сфере: правоведение, логика, семантика. По здравому смыслу, функционирование законов идет внутри элементарной логики. Вот недавний пример из прессы: двух воров посадили, один освобожден досрочно (не 7, а 5 лет отсидел). С обоих вычитают стоимость краденого. Первый на свободе, но с него продолжают вычитать сумму, ибо второй в тюрьме не то не работает, не то с него не берут. Где справедливость, где логика? Когда-то логику изучали в школе, потом

отменили. В вузах же догматики-философы длительное время учили: элементарная логика далека от науки, ближе к мышлению обывателя, над ней стоит искусство высшего мышления — диалектика...

Так или иначе, будущее правовое воспитание потребует изучения элементарной логики как учебного предмета в школе — либо какого-то внимания к этому предмету в семье, где есть подростки. Показательно, что один из лучших учебников элементарной логики на русском языке — руководство проф. М. С. Строгова, посмеявшего в годы «культа» воевать с небезызвестным А. Я. Вышинским именно по вопросам логики судебных доказательств. Другая линия связи с логикой — через азы психологии и педагогики.

Известно давно: младшие дети строже взрослых соблюдают правила игры и детский кодекс поведения (не трустить, не врать, не доносить, не жадничать). На эти черты ранней справедливости и следует опираться в правовом воспитании детей. Принципы правосудия вполне доступны детям 8—10 лет; нужно лишь брать яркие сюжетные примеры.

Иное дело — у подростков; в этом бунтарском возрасте не принимают прямого внушения, втолковывания (а тем более поучений и нотаций). Подростки добиваются доказательств и обоснований всех норм поведения, каких требуют от них взрослые. Показать целесообразность обычных предписаний и запретов — настоящая задача в обращении взрослых с подростками. В затруднении можно выпутываться так: «Знаешь, у людей это принято — не будь белой вороной...» Поскольку правовое воспитание — зона педагогики, то все-таки с неизбежностью встают два вопроса: «Что воспитывать?» и «Как это делать?» Иначе говоря, диалектика целей и средств... И если в большинстве проблем семейного воспитания «как?» оказывается важнее, чем «что?» (перечитайте Макаренко), то в правовом воспитании, пожалуй, дело обстоит иначе. Сложное чувство справедливости, гражданское мужество, уважение к другим и к себе включают и ясное понимание основных принципов правосудия и человечности (этому надо учить искусно и терпеливо), и знание азов наличной, действующей законности. Принципы человечности, пожалуй, для себя нужно уяснить до конца нам, родителям. От презумпции невиновности до социального контракта; от умения различать слова и дела (похоже, мы все учимся этому ускоренно) до отвращения к «любой цене, во что бы то ни стало» — подлейшему принципу, к которому нас (многих) успели приучить... А как насчет принципа «Свобода одного человека кончается там, где начинается свобода другого»? Это принцип нашенский, советский, пролетарский или буржуазный, феодальный? А как с правилом «Сначала убеждение, потом принуждение» — тут все верно, все наше?.. Армейский закон «Не можешь — научим, не хочешь — заставим» — это голос суровой справедливости и человечности либо что-то другое? Общеизвестная ленинградская тетя Андреева провозгласила: «Нам могут поступаться принци-

пами». Хорошо, когда человек принципиален. У нас свои принципы, допустим, и мы ими не хотим поступаться? А если большинство человечества держится иных принципов — например, почти нигде на Западе и на Востоке нету странного чудища, именуемого «пропиской»? Люди живут и переезжают из города в город сами по себе, без разрешения полиции?..

Здесь неизбежны раздумья — и неизбежно взрослым людям уяснить для себя, что означает в обществе порядок и справедливость, как их достигать и закреплять, за что стоит бороться и чему нельзя поддаваться?..

Если взрослым здесь ясно все, — передавайте ваши убеждения вашим детям. Легко сказать... Ведь их не из кармана вынуть и в руку вложить?.. Педагогика и психология, как известно, говорят: рецептов нет, но запретов много. Нельзя кричать, угрожать, унижать (Макаренко: требовательность и уважение к личности младшего!). Нельзя читать нотации, превращаться в зануд. Не приходится рассчитывать, будто «повторенье — мать ученья». Убеждать и учить — дела разные. А вот личный пример подавать это да, придется. И держать «единый фронт» (всем взрослым быть заодно, не цапаться друг с другом) — весьма желательно. Азы педагогики — стиль и такт — обычно сами собой нащупываются старшими к возрасту подростка. Где того нет — чаще всего неблагополучная семья, там не до правового воспитания... Они — уже жертвы...

Полезно напомнить основные особенности педагогического внушения. Первое — для беседы с ребенком (подростком) выбрать, а то и подготовить момент, когда юная личность ничем не возбуждена, не увлечена, не отвлекается играми, телевизором.

Второе — нужно создать необычную,сторажающую обстановку. Уж хоть усадить подростка не там, где он обычно сидит. Самим постараться одеться получше и построже. Разговаривать «новым» голосом, в «новом» стиле, стремясь к особой взволнованности и задушевности. Если вообще недопустимы нотации и попреки, то в ситуации педвнушения — особенно. Конечно, говорить негромко и внятно, по возможности краткими предложениями.

Третье — сами вы должны верить в то, что внушаете, на сто процентов. Слово делится важной тайной! Должен ли быть тут момент требования к подростку? Лишь один — «знай и помни». Надо ли возвращаться к этой беседе? Лучше — нет. Было сказано как бы «раз и на всю жизнь». Если само дитя вернется к теме — очень хорошо, побеседуйте по возникшему вопросу. Значит, задумалась юная голова, запало в душу...

Одиночно отцу или матери проводить такие сеансы? Или вдвоем? Без навыка лучше одиночно. Пусть лучше одна беседа с отцом, одна беседа (через месяц) с матерью.

Вообще — как часто?.. Г.м.. Раз-два в год летним вечером, осенним вечером, зимним вечером. Порже, не пересаливать! Если первая беседа-внушение была неудачной — разберитесь про себя, поймите

ваши ошибки, постарайтесь избавиться от них. В классическом гипнозе есть «раппорт» — связь между пациентом и гипнотизером. В педагогическом внушении обычно удается почувствовать контакт — доходчивость внушения. В гипнозе пациента погружают в сон или полусон, — в педагогическом внушении, наоборот, важно внимание, настроенность.

Сколько длится отдельный сеанс? (Да, если удается, можно назвать сеансом.) Четверть часа, полчаса, если ребенок 10—11-ти лет. Столько же и больше, если 14—17-ти лет; это надо тут же смотреть, судить по поведению, держать обратную связь (и тут кибернетика...).

Чего следует опасаться? Практически ничего. Ждать, что поведение заметно изменится у юного человека — не стоит. Вы беседовали, чтоб запало в душу, для критических ситуаций в жизни, а не для «модификации поведения», как выражаются на Западе. Даже если проявится явный протест, сопротивление вам (нежданно) — это успех! Значит, вы чего-то не знали, не замечали и пропустили бы, не будь вот этого случая. А может быть, в чем-то оплошали с тактом, подходами. Но огорчаться не стоит, все поправимо. Не получилось контакта, — улучите момент следующий раз.

Наверное, понятно, что начинать первый сеанс лучше тому из родителей, кто реже общается с ребенком (больше внезапности, непривычности). А надо ли походя напоминать о беседе, чего-то требовать, упрекать, язвить? Не дай Бог, можете все испортить! Многословие разрушает педагогические внушения.

А какая разница между обычной беседой отца с сыном и педагогическим внушением? Автору кажется, что уже понятно, но уточним: почти в любой живой и даже письменной речи есть элемент, компонент внушения. Даже плакаты на домах — источники внушения. В любом процессе убеждения человека человеком есть внушение... Вам знакомо театральное внушение или впечатление от сильного фильма? Когда вы забываете, что перед вами тени на экране? Нет четкой границы между внушением (гипнозом) искусства и искусством гипноза (внушения) — хотя между крайними вариантами различие кардинально: искусство возвышает дух, гипноз сводит сознание до состояния каталепсии: человек, словно бревно, лежит на спинках стульев...

Во всяком случае, учиться говорить по душам — значит учиться педагогическому внушению. Нужно ли это вам? Стоит ли учиться этому? Решайте, конечно, сами. Как и выбор темы разговора: о справедливости? О В. И. Ленине? О классовости правосудия и презумпции невиновности, и демократии, и социализме? Может, для начала о модах, одежде и обуви? Выбор тем есть, ведь близких опасностей у вас в семье не предвидится? Сегодня, завтра, осенью — время великодушно. Правда, под лежащий камень вода не течет...

ГЛАЗАМИ ПСИХОЛОГА

А. ОСНИЦКИЙ,
кандидат психологических наук

«ТЫ ЗАЧЕМ БЕЗ СПРОСУ ЗАЛЕЗ В ШКАФ?!»

«Ситуаций риска» в поведении детей великое множество. В данной статье остановимся лишь на возмущающих взрослых детских рейдах по шкафам и ящикам, и воровстве, связанном с умыканием игрушек, а впоследствии и с потаскиванием денег. Что-то объединяет эти ситуации, что-то различает; но в родительских письмах, поступающих в редакцию, преобладают одни и те же вопросы: как вести себя по отношению к этим проступкам ребенка, как преодолевать возникающие на этой почве затяжные конфликты?

I

Немало огорчений взрослым доставляет «поисковая активность» детей в их отсутствие. Срабатывает притягательность «запретного плода», в особенности если ребенок обойден вниманием взрослых, а находить привычное и увлекательное занятие не приучен. Не ослабевает с возрастом и естественный интерес к привлекательным, но припрятываемым взрослыми вещам.

Чтобы ребенок не рыскал по шкафам и полкам, полезно объяснить ему: есть его вещи, а есть вещи взрослых; при этом дать ребенку почувствовать:

вы, взрослые, не станете проверять его вещей, если он этого не хочет; он тоже не должен трогать ваших вещей и рыться в ящиках. Только уж непременно сами соблюдайте этот уговор!

Нередко дети демонстрируют свои способности в отыскании спрятанных вещей и денег, отстаивая свое право на инициативу и самостоятельность. Для ребенка такой поиск становится чем-то вроде игры в «горячо-холодно». Если вы внимательно присмотритесь к ребенку в момент, когда он подбирается к запретному месту: открывая, например, ящик, в который ему строго-настроено приказано «нос не совать», или раскрывает дверцы шкафа, в котором взору предстают платья, мамины туфли и многое другое — вы увидите: горящие глаза, быструю смену различных чувств: смелости и страха, осторожности и беспечности... Вы увидите, с каким интересом ребенок приоткрывает каждую коробочку, как принохивается к флаконам, «примеряет» платье и туфли... и как по прошествии некоторого времени, удовлетворив свое любопытство, спокойно покидает запретное место и принимается за обычные свои игры.

Именно так! Любопытство удовлетворено — ребенок возвращается к привычным, хорошо освоенным занятиям.

Пережитое впечатление, надеемся, установит вас и избавит от очередного скандала, в котором ребенок мало понимает обоснованность запретов и глубину собственной вины. Можете, оставив этот инцидент без последствий, в дальнейшем время от времени включать ребенка в процесс «ревизии» содержимого своих ящиков. А заметив, например, заинтересованный взгляд девочки, обращенный к раскрытому шкафу, спросить: «Наверное, тебе хочется примерить мамино платье? А ну-ка попробуем, посмотрим, как ты будешь выглядеть вот в этом...»

Психологи часто напоминают воспитателям и родителям о значимости ролевых и подражательных игр в жизни ребенка. Игры «в разбойников», «в школу», «в дочки-матери», примерка маминих туфель, папиной шапки — все это еще и «одевание на себя» и хотя бы частичное освоение роли мамы, папы или кого-то другого.

Бывает, в процессе такого примеривания и зачаровывающего осмотра ящиков происходят непредвиденные неприятности: рвутся бусы, бьются флаконы, ломаются пудреницы или еще что-нибудь. Но ведь происходит это непредвиденное только оттого, что ребенок пребывает в состоянии напряжения, в страхе изобличения...

Непросто научить ребенка, что в семье нужно считаться с интересами каждого, что все свои дела и поступки нужно соразмерять с возможностями и желаниями других. Непросто объяснить, что и взрослые, и дети должны считаться с интересами друг друга... Одними объяснениями этого не добиться. Большую часть опыта ребенок приобретает самостоятельно — преодолевая трудные ситуации, исправляя допущенные ошибки. Главное, чтобы такие ситуации не превращались бы в затяжное, постоянное ожидание возможных неприятностей. Именно из такого напряженного ожидания ребенок и «срывается», словно одержимый непреодолимой тягой к нарушению предписаний и правил.

II

Когда малыш берет чужие вещи — это не воровство. В раннем детстве поведением детей в большей мере управляют внешние впечатления, притягательная сила вещей, а не размышления о том, «что хорошо и что плохо». Ребенка неудержимо тянет все новое, необычное, — а границы «твое-мое» еще не определены. Ему хочется прикоснуться к вещице, привлечшей внимание, хочется подержать ее в руках, прочувствовать связанные с

этим ощущения. Бывает, что затем хочется продлить время обладания — и ребенок не хочет выпускать из рук игрушку или прячет ее в карман. Детское «воровство», умыкание игрушек чаще всего бесцельны. Привлекательность «игрушки», внезапно появившееся желание прикоснуться к ней порождают импульсивное действие, при котором ребенок и подумать не успевает о его возможной «преступности».

Но сознание неправильности содеянного до него все же доходит, поэтому он начинает объяснять взрослым свой поступок, придумывает что-то в оправдание. Именно придумывает — а не лжет, не изворачивается. В этот момент бесполезно и даже вредно стыдить его, укорять, что он поступил плохо. Смутное ощущение собственной вины есть уже и у маленьких детей. Но и слова: «Я забыл, не знал» — тоже отражают истинное положение вещей, хотя и кажутся взрослым лицемерными, проистекающими из стремления обмануть и избежать наказания. А ведь часто ребенок не проводит и не ощущает границ между вымыслом и действительностью, между желанием и тем, что было на самом деле.

Что делать, когда дети приносят чужие вещи, когда они дома берут вещи, которые им не принадлежат? Прежде всего объяснить единожды (а не всякий раз, когда с этим приходится сталкиваться), что брать чужое нельзя и потребовать вернуть взятую вещь. Но сделать это нужно так, чтобы не уронить достоинство ребенка. Американский психолог Х. Дж. Джайнотт советует твердо заявить ребенку: «Это не твой грузовик. Отдай его назад». Или «Это чужое ружье. Отдай его обратно». И специально настаивает на том, чтобы требование взрослых было сформулировано кратко, просто и четко. Кроме того, Джайнотт предостерегает: не надо спрашивать ребенка, откуда взялись принесенные им вещи. Он предлагает нам следовать одному из наиважнейших правил воспитания: «Если мы заранее знаем ответ, то не задаем вопросов». Иначе мы провоцируем, толкаем ребенка на явную ложь. «Нельзя называть ребенка «вором», «лгуном», нельзя предсказывать ему, что он «кончит тюрьмой». Бесполезно спрашивать его: «Зачем ты это сделал?» Вряд ли он сможет объяснить истинные мотивы своего поступка и необходимость ответить на ваш вопрос приведет к новой лжи».

«Ребенку важнее знать, что он чувствует, чем знать, почему он испытывает такое чувство», — отмечает Джайнотт и рекомендует учить детей узнавать свои чувства, ориентироваться на них, помогать детям в понимании своих чувств. Хорошо, если взрослый сможет стать «зеркалом эмоций», отражающих чувства во всей полноте: «Кажется, ты здорово рассердился? Тебе очень хотелось взять эту игрушку? Она тебе нравится? Наверно, тебе не

нравится, когда тебя уличают? Кажется, тебе стыдно?..»

Важно, чтобы ребенок ощутил: близкие и милые ему люди сами не терпят и ему не позволяют воровства и присвоения чужих вещей. И уж если что случилось — настаивают на исправлении проступка. Но не пытайтесь предупредить еще не содеянного ребенком, не делайте запретов еще до того, как он допустил промаху. Этим взрослые нередко провоцируют детей, ранее и не помышлявших об этом, на совершение проступков. Дайте ему также понять, что и «кражи без свидетелей» не ускользают от вашего внимания.

Ребенок может понимать и даже рассказать о том, как нужно себя вести, как соблюдать общепринятые правила и... не следовать им в собственном поведении. Знаемое и применяемое в жизни — не одно и то же. Бывает, что мальчишка искренне осуждает сверстников, которые шарят по карманам в школьной раздевалке, — а сам потихоньку потаскивает деньги из карманов родителей. Закон может быть нарушен не только потому, что он еще не понял по-настоящему, или потому, что связан он с запретом, который очень хочется нарушить, но и оттого, что он еще не стал законом для себя, средством управления собственным поведением.

Относитесь с юмором к попыткам детей выдавать желаемое за действительное, к их «вранью». Если ребенок, объясняя свой проступок, придумывает и верит в то, что придумано им (спорить с этим не нужно, нужно помочь детям избежать ситуаций, провоцирующих их на проступки), то ребенок постарше начинает врать уже правдоподобно, придумывая объяснение, которое удовлетворит родителей. Но это не значит, что с этого времени детские поступки уже можно оценивать по мерке взрослых. Нужно помнить еще и о том, что, если ребенок 6—8 лет, слушая вас, почти автоматически следит за речью, отвлекаясь на более сильные раздражители, то в 9—11 лет он уже может и не слышать вас, «зацепившись мыслью» за то, что вызвало сильные переживания, или занят мыслями, возникшими ранее.

III

Особенно настораживают родителей нездоровый (по их мнению) интерес к деньгам, пропажи из кошельков и связанные с этим несуразности выяснения отношений с детьми. Преувеличивать опасность интереса детей к деньгам не следует; но задуматься все же есть над чем. Денежные проблемы волнуют ребенка (в отличие от взрослых) лишь при непосредственном контакте с деньгами: при посещении магазинов, при пересчете денег дома. Ребенка могут привлекать и блеск новеньких монет, и особо внимательное отношение взрослых к деньгам. Если в семье часто ведутся беседы о деньгах, о способах их заработка, о затратах на обеды, мебелировку, развлечения — ребенок тоже не остается к ним равнодушным. Поэтому многие денежные проблемы — особенно счеты между суп-

ругами — лучше всего вести в отсутствие детей. Но участие детей в обсуждении основных семейных расходов и в повседневных покупках чрезвычайно полезно.

Взрослые нередко сами способствуют закреплению нездорового отношения детей к деньгам. Дурное влияние может оказывать неумная страсть к накопительству: от необыкновенных копилок до подчеркнутой, постоянно демонстрируемой экономии во всем ради сбережения денег. Постоянные переживания взрослых по этому поводу способствуют утверждению у детей представления об исключительной их ценности. Скверно, когда деньги связываются и с поощрением детей: сложил хорошо игрушки — вот тебе денежки на мороженое; вел себя сегодня хорошо — купи пирожок. А вскоре родители приходят в ужас от корыстных притязаний ребенка: он начинает выпрашивать «денежку», прикарманивает сдачу, требует все большего вознаграждения за послушание.

Отношение детей к деньгам иное, чем у взрослых: что ценно для взрослых, ничего не стоит в глазах детей. С точки зрения детей, родители сами то и дело покупают ненужные вещи, а детям отказывают, когда те просят купить понравившуюся «такую необходимую» игрушку.

Постоянно повторяющееся детское «Купи!» выводит взрослых из терпения. Но для ребенка притягательность вкусных и красивых вещей выступает на первый план, в то время как оценка ваших покупательных возможностей ими в расчет не принимается. И когда ребенок пытается устроить вам скандал (повод вы дали уже тем, что привели его в магазин), ведет себя неподобающе — ваша выдержка постепенно истощается, вы повышаете голос, пытаетесь приструнить непослушного. А он не унимается, — и все повторяется неоднократно. Не лучше ли сразу уйти из магазина, сказав ребенку, что именно его поведение не позволяет вам далее там оставаться, что придется обойтись без покупок, лишь бы не показывать людям, какой у вас невыдержанный, капризный ребенок? Такой решительный урок мог бы быть полезнее многократных уговоров и попыток образумить провинившегося...

Попытки наши убедить ребенка в том, что ему еще рано иметь деньги, вступают в противоречие с действительностью: у многих его товарищей есть карманные деньги; а у некоторых и немалые суммы. Расширилась и сфера соблазнов для детей. Мороженое, «жвачка», изделия кооператоров, игральные автоматы — все привлекает, останавливает ребенка, напоминая о том, что нужны деньги. Можно сколько угодно рассказывать детям, как трудно достаются деньги; как трудно растянуть их от полочки до полочки, — полезный результат подобных объяснений равен нулю, особенно если близкие неосторожно обращаются с деньгами, раскладывают их на виду. Соблазны перевешивают действенность доводов, обращенных к разуму. Ребенок может уверять вас, что он «все понял», но все это дань вашим требованиям, вынужденное поведение, а не истинное понимание. Рассказанию ребенка, его заверениям, что это не повторится, не стоит придавать

особого значения. Не потому, что ребенок по природе лжец и нарушитель, а потому, что он бессилен противостоять множеству соблазнов. Взрослый и необходим ребенку, чтобы провести его через трудные ситуации, оберегая от соблазнов.

Когда брать деньги у родителей, не спрашивая, начинает подросток, делает он это не ради приключений. Подобного рода экспроприации вызваны жгучими потребностями. И нелпохо поскорее разобратся, какими именно: завышенными притязаниями, безвыходным положением (такое у наших детей тоже бывает!) или просто неумением противостоять желаниям и влечениям.

Неуправляемость лучше устранить с помощью специалистов: психолога, психиатра, психоневролога, психотерапевта. В безвыходной ситуации (попав в «несостоятельные долги» или стал объектом вымогательства) вмешательство взрослых должно быть деликатным, с учетом всех обстоятельств и возможных жесточайших конфликтов. Милиция или учителя, к которым иногда «в сердцах» обращаются родители, далеко не всегда в подобных ситуациях могут оказать квалифицированную помощь. Попытки разобратся в том, что происходит, обращаясь к сверстникам и товарищам ребенка, тоже большей частью не приносят желаемого результата. Выходить на путь борца-одиночки, который хочет во всем восстановить справедливость, тоже небезопасно — возможны совершенно непредсказуемые трудности.

Ситуацию, в которой «командуют» завышенные притязания подростка, распутать непросто. Для начала нужно выяснить, на чем держатся притязания: на безоглядном и малоосмысленном стремлении к удовольствиям, самодемонстрации или на глубоко укоренившейся неудовлетворенности своим положением, в основе которой лежит или комплекс неполноценности или глубокое убеждение подростка, что его недооценивают.

Душеспасительные беседы о том, что есть множество путей самоутверждения и что не все средства хороши, в этом возрасте малоэффективны. Не стоит напоминать и все его предыдущие прегрешения: иначе груз прошлых упущений просто перетянет, заставит, пожалуй, и на сегодняшний проступок взглянуть как на нечто заурядное.

К воровству нередко приобщаются в попытках вырваться из рамок привычного и неинтересного. Бывает воровство и попыткой восполнить дефицит чего-либо, кажущегося необходимым, попыткой восстановить «справедливость». Убедившись в противоречивости требований взрослых и постоянно ощущая собственную незащищенность, подросток начинает подчас заниматься экспроприацией — изыманием у других вещей, несправедливо, по мнению подростка, им принадлежащих, несправедливо распределенных другими. Появляются этакое Робин Гуды, которые вроде бы «не для себя и стараются».

IV

От рождения ребенок — существо нищедное, ни жадное, ни вороватое. Та-

ким или таким его делает воспитание. Даже у животных дружелюбие, агрессивность или «злонамеренность» зависят не только от потребностей (в пище, в безопасности), но и от привычных взаимоотношений с «соседями». Но когда мы в человеческих отношениях обнаруживаем следование правилу «дружба дружбой, а табачок врозь», то почему-то пытаемся искать причину этого в законах природы, а не в социальных влияниях, закрепляемых воспитанием. Здравый смысл, как часто случается, и в этом случае нас подводит.

Не всегда домашнее воспитание хорошо согласуется с процессами внесемейной социализации (воспитание улицей, воспитание другими обстоятельствами). Ребенок, жадный в детстве, может стать впоследствии щедрым и заботливым человеком.

Чрезвычайно мало книжек и произведений массового искусства, которые бы адресовались к переживаниям ребенка, культивировали бы у него чувства, связанные с ориентацией на добро, справедливость, сочувствие. Немного можно найти подобного «Теме и Жучке» или «Муму». Недостаточно в современной детской литературе необходимых ребенку заодно-оптимистических переживаний, побуждающих его к активным действиям, направленным на товарищество и сотрудничество.

Многие трудности детства кроются не в самом ребенке, а в окружающих обстоятельствах его жизни. Это и трудности перехода от возраста беззаботной игры к школьным обязанностям, и трудности отношений с родителями и сверстниками, и трудности, связанные с изменениями в детском организме. Во многом неуравновешенность, конфликтные ситуации, оплошности и проступки ребенка — нормальны. Специалисты считают, что тревогу взрослых вызывать должно скорее излишнее послушание ребенка, безразличие, безропотность, а не те проделки и проказы, что так расстраивают родителей. Но непросто научиться воспринимать отклонения в поведении как стихийное бедствие, как нечто неизбежное — но и преходящее, излечиваемое временем. Так же непросто выносить и строптивые выходки детей, их бессмысленные протесты. Но если вы будете помнить о том, что у ребенка, а затем подростка за всеми этими выходками кроются собственные трудности, что толкает его на них не «вредность», а слабость и неуверенность перед жизненными обстоятельствами, то ваша любовь придаст ему силы и поможет справиться с собственными «слабостями».

Совсем нельзя одобрить попытки воздействовать на своего ребенка, адресуясь к его друзьям и сверстникам. Сравнение, сопоставление с ними ничего, кроме недовольства, злости и ревности, у ребенка не вызывает. Жалобы другим детям на своего сына или дочь тоже могут быть неправильно поняты, могут перессорить детей и лишить вашего ребенка радости общения и совместных игр.

Не лучше ли в совместных играх помочь ему найти тот интерес, те занятия, которые компенсировали бы неудержимое желание играть с чужой игрушкой? Содействуйте общению ребенка, разви-

тию навыков сотрудничества. Дайте возможность играть со сверстниками во дворе и у вас дома. В играх и совместных занятиях дети, кроме навыков общения, усваивают много неписанных законов товарищества и человеческого общежития: «надо, чтобы честно», «плохо быть жадной», «обидишь друга и самому плохо будет» и т. п.

Старайтесь по возможности обеспечить ребенка тем же, что имеют и другие дети. Но это не означает необходимости «догонять и опережать» других родителей. Ребенок может и должен считаться с бюджетом семьи, с ограничением своих запросов.

Время от времени нужно покупать и «ненужные» с точки зрения взрослых, но соблазнительные для ребенка вещи. Это нельзя превращать в систему — но имеете же вы право на исключительное проявление своих чувств к ребенку! Однако не следует покупать ему вместо взятой у товарища игрушки новую или шоколадку, если ребенок увидел ее в руках у другого. Должна быть постоянно некоторая независимость от обстоятельств; а попытка быстрой покупкой снять его огорчение оборачивается тем, что в науке называется подкреплением дурного поступка.

Может быть, вообще лучше убирать запретные вещи из поля зрения ребенка, устраняя соблазны? Нет, не лучше. Во-первых, всего не спрячешь, а во-вторых, только с помощью этих вещей можно научить ребенка соблюдать правила поведения, связанные с их использованием, научить различать, что принадлежит ему, а что не принадлежит.

Следует различать подлинную самостоятельность и самостоятельность, заключающуюся лишь в неумении и нежелании считаться с другими. И та и другая могут приводить к конфликтам с окружающими, но для второй характерно неумение учиться, перенимать опыт других.

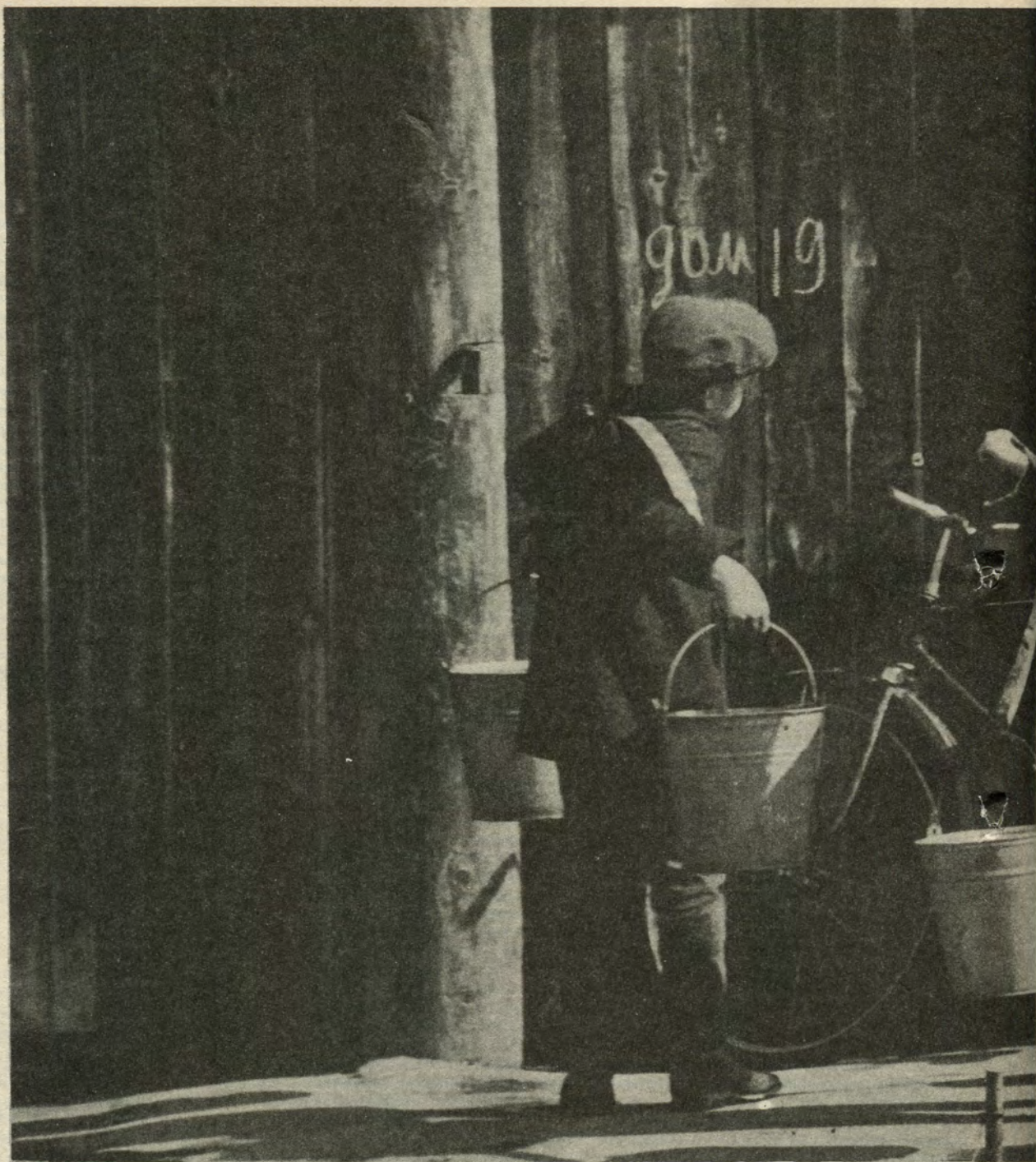
Родители нередко сами культивируют растительный образ жизни детей, интересуясь лишь тем, накормлен ли ребенок, одет ли и делает ли он, что ему велено. Остальные проблемы детей их мало интересуют. Да и свои взрослые проблемы они сводят преимущественно лишь к «растительным». А когда нет других проблем, интересов, то волей-неволей становясь рабом обстоятельств — и волновать начинают лишь свои личные вопросы. Многие родители жалуются не на то, «что случилось у сына», а на то, что «перестают понимать сына (или дочь)». Их волнует, что они перестают понимать, а не то, что действительно происходит с их детьми. В такой обстановке у детей формируется «растительная» стратегия поведения, результатом которой бывает нередкое признание вполне психически здоровых детей: «Не хочу брать, а руки сами тянутся».

В гордыне своей мы преувеличиваем собственные возможности в управлении поведением, да еще и требуем этого от детей. Между тем до сих пор человечество не вышло из периода несмысленного детства, из поры ученичества, не выработало приемлемых законов человеческого общежития, средств, позволяющих мирно разрешать конфликты, устанавли-

вать справедливость, формировать устойчивые виды сотрудничества.

Слишком часто за соблюдением нравственных норм и правил общежития у нас скрываются боязнь и страх наказания, а не следование принципам нравственности, не вера и убежденность в том, что нельзя брать что-либо у другого без разрешения, что этим можно обидеть другого, ущемить его интересы, его право на свободу проявления чувств и действий. Может быть, этот другой и сам бы охотно поделился, если бы просьба была деликатной? А возможно, ему настолько дорого обладание данной вещью, что о подобной просьбе и речи быть не может? Именно боязнь и страх наказания, а не забота о другом человеке, не забота о том, чтобы не расстроил его, не принести ему боль и огорчение — вот основная установка, которая формируется в результате неверного, но очень уж распространенного метода воспитания, в основе которого лежит не поощрение правильных и перспективно оправданных поступков и видов активности, а постоянное наказание за недопустимое и ошибочное поведение. Естественно, что при этом формируется множество защитных механизмов, защитных реакций, мешающих человеку пойти навстречу другому, мешающих сопережить с другим его чувства, его состояния и возвращающих человека к каким-то простейшим природным действиям, необходимым в борьбе за существование. Не созидание, а борьба... но разве это приемлемо для человека?

Продолже-
ние. Начало
см. на стр. 3.

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Страна детства была чудесна летом, но еще великолепней зимой, когда... Но тут перо бессильно. Надо призвать обоняние, чтобы вспомнить запах еще только разгорающихся поленьев в печи, надо включить слух, чтобы услышать крахмальный скрип снега под торопливыми шагами по утреннему морозцу, надо почувствовать сладковатый вкус вечерней кружки парного молока с горбушкой чер-
няшки, задействовать надо и осязание,

когда окоченевшие руки, опущенные в таз с холодной водой, постепенно отходят и начинают гореть, надо, наконец, повернуть свое зрение вовнутрь, чтобы увидеть, как красивы были столбы дыма из печных труб — днем, как таинственны разноцветно мерцающие проколы в черном аспиде небосвода — ночью, как нарядны заиндеветшие березы, свесившие плети ветвей до самой земли, и как стройны и румяны молодые елочки, присыпанные снежком и похожие на ранних деревенских невест, как яркие и сочные были краски захода солнца и как нежны —

у восхода, как... Эх, да что тут травить душу воспоминаниями, было, было, да все прошло!..

Поэтому из океана очаровательных детских мордашек, моря кошек, собачек и другой живности в обнимку с детьми, озер купающихся семейств, заливов семейств спортивных, лагун семейств на пикниках, в лесах и на горах, целых рек думающих, пишущих, грызущих ручки и смеющихся учеников, ручьев пидящих, строгающих, паяющих, вышивающих под-
ростков мы выбрали именно эту струю — провинцию во всем ее ностальгическом

очаровании. Мы не стали, да и не собираемся, показывать темные стороны той же глубинки — знаете, «чернухи» и без нас хватает. Если ребенку без конца повторять, что он плохой, то он и станет плохим — деваться, собственно, ему уже

А вот и нет, вот и нет! — как бы поют фотографии наших авторов «с мест». Только кажется, что прошло, а на самом деле все или почти все, остается таким, как десять, двадцать, а то и больше лет назад.

В нашем обширном редакционном архиве или, говоря языком профессиональ-

ным, фототеке, процентов девяносто занимают фотографии читателей. Значительная часть их малопригодна для печати — по соображениям как технического, так и творческого порядка. Но и тех снимков, что прошли через строгий отбор, хватило бы с лихвой для того, чтобы не один номер журнала проиллюстрировать, а целый годовой комплект, и некуда. Так и со страной. Чтобы прийти к лучшему, нужны примеры. И нам кажется, что они у нас есть — даже в столь часто ругаемом нашем прошлом. Давайте оглянемся на все хорошее,

что было в наших жизнях и постараемся передать его детям, тогда и им будет легче строить прекрасное будущее, о котором мы так долго мечтаем.

Фото
Р. Мухаметзянова,
г. Казань

Аркадий ЕГИДЕС,
врач-психотерапевт, кандидат
медицинских наук

ВСЕ ЭТО НАДО ЗНАТЬ

После публикации моей статьи «Сексология снимает запреты» (№ 4, 1989 год) редакция получила множество читательских откликов, с которыми познакомилась автора. Условно я поделил бы их на три разряда.

Первый — это письма, в которых муж или жена (или оба вместе) просят специалиста дать конкретный ответ на вполне конкретные вопросы.

Второй состоит из писем, приветствующих появление на страницах журнала рубрики «Интимный мир семьи». Эти письма, естественно, неоднородны. Авторы одних жалеют о том, что в годы их молодости ханжеская общественная мораль лишила целые поколения просвещения в вопросах пола — и сколько драм это породило! Авторы других — как правило, молодежь — благодарят за открытое обсуждение интересующих их вопросов, за своевременный совет и поддержку.

Наконец, к третьему разряду я отношу письма противников обсуждения проблем сексуальной жизни в массовой печати. Их авторы настроены преимущественно агрессивно, обвиняют редакцию в том, что подобными публикациями она развращает подростков, от которых журнал не спрячешь. И, вообще, содействует упадку нравов: мол, в прежние времена о сексе не писали, а семьи были прочнее и молодежь целомудреннее. Наиболее неприемлемые и последовательные «борцы за нравственность» пишут на журнал жалобы. Почему-то в ЦК Коммунистической партии...

Но и умеренных сторонников этой позиции укрепило в их мнении письмо-отклик на статью «Сексология снимает запреты» семнадцатилетней Ани из Саратова, опубликованное в № 11 за 1989 год. Аня — за сексуальное просвещение и за раннюю — в подростковом возрасте — половую жизнь. О себе она откровенно пишет, что впервые в интимные отношения вступила в 15 лет и теперь она «очень опытная женщина с совсем еще детским наивным лицом».

Итак, наш сегодняшний разговор с читателями, откликнувшимися на статьи «Сексология снимает запреты» и «Запланированный ребенок». Начну с тех писем, в которых читатели полемизируют с Аней из Саратова. Из множества выберем два: Ирины из Оренбурга и Ларисы из Ленинграда.

Ирина: «...Я не против подобных тем в разумных научных публикациях. Но отклик на статью некой Ани из Саратова вызвал у меня негодование... Как можно оправдать редакцию, когда она печатает исповедь, мягко говоря, молодой шлюхи? Больше всего боюсь, что мои дочери в будущем также начнут менять партнеров. Неужели эта распущенность нормальна, что вы берете это письмо за образец?»

Лариса: «...Товарищ Егидес, большое Вам спасибо за ту информацию, которая содержится в очень интересной статье «Сексология снимает запреты». Вы дали ответы на многие вопросы... Но внутренне мне очень не хочется, чтобы мои дети начали половую жизнь задолго до создания семьи. У меня двое детей: девочке шесть лет, мальчику четыре года...»

Итак, две мамы не хотят ранней и добрачной половой жизни для своих детей. Чем обусловлены столь резкое суждение Ирины и более спокойное, но все же отрицательное суждение на эту тему Ларисы?

Причин много. В числе первых назовем заботу родителей о нравственном здоровье своих детей. За основу здесь берутся традиционные (во многом справедливые) нормы морали. Раннее начало половой жизни на сегодняшний день связано для девушки и с опасностью забеременеть. Аборт вредит здоровью и взрослой женщины, но к ней, по крайней мере, относятся снисходительно и сочувственно; к юной же — с явным осуждением. Поэтому пережить все сложности, связанные с нежелательной беременностью, ей труднее. Еще одна реальная опасность — венерические заболевания, а теперь еще добавился и СПИД.

Но есть и другая причина негодования некоторых взрослых, в которой, им, вероятно, нелегко будет признаться. Это в некотором роде ревность: мы были обделены, а они — нет. Чувствовать себя обделенными не хочется, гораздо приятнее ощущать себя выше.

Еще одна причина — довольно часто встречающееся у родителей стремление сохранить свою власть над ребенком, установив для него запреты и ограничения. Родителям-то обычно кажется, что они исходя из исключительно из заботы о благо ребенка. Но это не всегда так.

С точки зрения Ирины и Ларисы, Аня не права, начав половую жизнь в 15 лет. По их мнению, это — распущенность. В то же время 14-летняя Джульетта и 16-летний Ромео были обвенчаны патером Лоренцо, и раннее начало их половой жизни никем, в том числе и советскими блюстителями нравственности, не осуждалось. В России до революции было обычным венчание 16-летней невесты и 17-летнего жениха. А вот наших акселераторов и акселераторов не обвенчают и не регистрируют, в то время как половое воздержание переносится достаточно мучительно всеми мальчиками и некоторыми (гиперсексуальными) девочками.

В моей клинической практике был случай, когда 13-летний мальчик потребовал от родителей, чтобы они разрешили ему жить половой жизнью с 16-летней девушкой. Понятно, что родители были против. В ответ на их увещевания мальчик потребовал, чтобы они тоже отказались от половой жизни. При всей необычности ситуации, мальчик, в сущности, прав, ему нечего возразить. Мужчины именно в юном возрасте особенно тяжело переносят сексуальное одиночество, что часто становится поводом для сексуальной агрессивности: требуют от девочки близости под угрозой прекращения отношений. Мы не говорим уже о диких случаях группового изнасилования или, что не лучше, продаже девочек. Но ведь и тут секс — не причина, а лишь одна из сфер жизни, где

каждый проявляет свойства своей натуры. В этой сфере, как и во всякой другой, можно быть подлецом, а можно — нормальным порядочным человеком.

Достаточно часто девочек соблазняют их сверстники, не задумываясь о дальнейшем. А иногда — задумываясь и желая брака, но еще не понимая, что семейная жизнь требует определенной зрелости, знаний и умений не только в сексе, но и в быту, в межличностных отношениях. У Вас, Лариса, растет сын, и Вам надо знать, с какими проблемами ему предстоит встретиться в подростковом возрасте, чтобы быть в состоянии понять его.

Кстати, не все девочки оказываются «жертвами коварных соблазнитель». По данным Имелинского, к 18 годам 44,6 процента девочек мастурбируют с достижением оргазма, а значит, достаточно темпераментны и могут начать половую жизнь раньше, чем хотелось бы родителям, и по собственной воле, а не по воле соблазнителя. Все это необходимо родителям знать. Письма же, к сожалению, доказывают, что они этого не знают, а ранние сексуальные проблемы детей сводят к «распущенности».

А теперь о проблеме добрачной половой жизни. По данным социолога Тольца, 46 процентов невест к моменту свадьбы беременны, так как дети у них рождаются раньше, чем через девять месяцев после регистрации брака. По другим данным, у нас лишь 66 процентов беременностей заканчиваются родами, 33 же — абортми. Значит, минимум еще 23 процента вели половую жизнь, забеременели, но сделали аборт. То есть всего 70 процентов. Можно предположить, что половина из оставшихся 30 процентов и не вела половую жизнь. Но ведь это явное меньшинство. Кстати, аналогичные данные были получены при сличении книг регистрации браков и регистрации рождений в одном из церковных приходов средневековой Англии. Так что наша молодежь ничем не хуже и не лучше.

Что же делать? Запретить им секс под страхом наказания? Это несправедливо, жестоко — да и нереально. По крайней мере, посадить в тюрьму обоих несовершеннолетних по нашим законам не составляет труда. Слава богу, эти законы почти никогда не употребляются. А представляете, сколько девочек и мальчишек пришлось бы упрятать за решетку?

В Верховном Совете законы принимаются 50-ю процентами плюс один голос от списочного состава. В данной же ситуации подавляющее большинство молодых (получается, не менее 85 процентов) всем своим жизнеповедением голосуют за раннее начало половой жизни. Они хотят решать сами за себя. Вот и Аня пишет, что не осуждает других подростков. Не осуждают и многие взрослые. Тут многое зависит от бытующих в обществе предрассудков, от умения и желания преодолеть их в себе, не закрывать глаза на реальность, не негодовать на нее бесплодно, а считаться с ней.

Наверное, имеет смысл подумать о снижении брачного возраста. И не стремиться во что бы ни стало, любой ценой не допустить раннего начала половой жизни до брака. Если мы действительно

желаем своим детям добра, это не должно быть самоцелью. Гораздо важнее помочь им научиться относиться друг к другу бережно. Юный мужчина должен чувствовать ответственность за то, чтобы его подруге не пришлось делать аборт. А юной женщине нужно помнить, что ее сверстник более ранним и беззащитным в смысле психологическом. Печальная статистика говорит, что самоубийств (в основном на почве несчастной любви) среди мальчиков в четыре раза больше. Но это уже отдельная серьезная тема, требующая особого разговора.

Необходимо более широкое просвещение и обучение методам предохранения от беременности, изменение отношения в обществе и медицинском мире к юной женщине, делающей аборт, потому что некоторое количество абортотворцев все равно неизбежно. Опасаясь распространения СПИДа половым путем (думая о половой жизни, необходимо помнить о сохранении жизни вообще), не нужно забывать об односторонних шприцах. Единственная возможность прекратить передачу болезней половым путем — сделать семейную жизнь привлекательней, престижней. Пока же молодая семья у нас бедствует, едва сводит концы с концами. Нищету выдержит не всякое чувство и не надо требовать от юных влюбленных героизма. А вот что надо — так это давать молодым семьям кредиты, продавать им квартиры, платить, и не только символически, за рождение детей, и не матерям, а семьям, чтобы молодой мужчина тоже чувствовал себя семьянином, ответственным за семью и своих детей. Пока же мужчина — муж, отец — у нас где-то сбоку: в одной программе по этике и психологии семейной жизни авторы выделили главу под анекдотичным названием — «Отец на жизненном пути человека».

Вот видите, Ирина и Лариса, как много граней у проблемы, само существование которой вызывает у вас протест. А что касается вызывающего тона Аниного письма, то, несомненно, ее бравада раздражает. Молодежь у нас (да и не только молодежь, увы) не столь деликатна, как хотелось бы. Так что встает вопрос о нашем психолого-этическом развитии, в котором на последнюю роль сыграют психологи. Пока у нас их по сравнению с развитыми странами ничтожно мало. И это несколько извращает Анину дерзость. Возможно, Аня даже наговаривает на себя насчет количества связей. А если и не наговаривает, то вряд ли стоит стремиться это количество увеличивать. Дорогая Аня, люди сходятся и расходятся, всякое бывает. Обычно смена партнеров обусловлена неудовлетворенностью одним из них. Вам я пожелаю бы не только успешной карьеры, но торопясь выходить замуж, о чем Вы мечтаете, но и большей осмотрительности и осторожности в контактах.

Что же касается собственно моральных соображений, то требования морали очень изменчивы и зависят от образования, образа жизни, специальности, социальной среды, общественного мнения, формируемого как традициями, так и влиянием разных веяний моды. Например, у некоторых народов добрачная половая жизнь считается делом совершенно обычным. А вот наша христианская мораль

это запрещает. С ее точки зрения крайне безнравственным выгляди, скажем, многоженство. Мусульманство же его одобряет...

Главной же, непреходящей ценностью морали, добытой как раз ранним христианством, является доброта к ближнему (а мы добавим — и к дальнему). Не стремление осудить и наказать, а готовность понять, посочувствовать, простить.

«...Я от своего мужа слышу постоянно, что я фригидна. Я боюсь ложиться с ним в постель, снова и снова не удовлетворяя его... Днем он дуется, молчит, срывает свое зло на мне, детях. От его сексуальной неудовлетворенности страдает вся семья. Но ведь не может быть, что любовник не встречал таких активно сексуальных женщин, как я, а для мужа я без конца холодна».

Лена С., Москва

За этими скупыми строками может крыться такая серьезная межличностная проблема, на анализ которой Зигмунд Фрейд тратил обычно несколько лет. И все же попытаемся представить наиболее вероятные причины подобного рода драмы.

Судя по письму Лены, можно предположить, что муж оргазмы получает, а недоволен тем, что она их не получает и ведет себя по отношению к мужу пассивно. Видимо, с мужем она не испытывает такого сильного возбуждения, как с любовником. При более сильном возбуждении человек невольно ведет себя более активно и, конечно, возбуждает этим партнера. Происходит взаимная индукция. Именно ее и не хватает в отношениях Лены с мужем. К мужу она привыкла, он уже как-то наскучил. Любовник же пока менее известен, при общении с ним совершаются небольшие, но влекущие откровения. Кроме того, ведь любовника надо завоевывать на следующий раз, а муж и так всегда под боком. Поэтому для любовника приходится быть более активной, более интересной. Но сама Лена, возможно, этого и не осознает: такое происходит часто на бессознательном уровне.

Сейчас мы рассмотри случай, когда изначально жена все-таки испытывала симпатию и сексуальное влечение к мужу. Хотя не исключена и другая вполне понятная ситуация: жена мужа просто не любила и не любит, а любовник — как раз герой ее романа. В этом случае легко дать совет, который трудно выполнить: выходить замуж только по любви.

Что же делать Лене? Во-первых, если Вы дорожите семьей, своими отношениями с мужем, то не надо иметь любовника. Если бы Вы не были замужем — другое дело. Муж от измены жены обычно страдает очень сильно, сильнее, нежели любовник. Чувствует себя обманутым, преданным, боится позора, который ожидает его, если об изменах жены узнают знакомые. Зачем же так мучить его? Ведь это человек, с которым Вас многое связывает, отец Ваших детей. Он как минимум имеет право на искреннюю заботу жены о его психологическом состоянии и сексуальной удовлетворенности. Ну и потом, Вам не надо забывать, что муж может и уйти. А любовник вряд ли

женится. И Вы будете испытывать те же самые, пусть в меньшей степени, муки ревности и те же самые, только в большей степени, муки одиночества. Так что, может быть, Вам все-таки нужно подумать о том, как наладить сексуальные отношения с мужем.

Итак, если Вы прекращаете связь с любовником, тогда при очередном психофизиологически обусловленном сексуальном порыве все ваши чувства будут направлены только на мужа. В соответствии со своим темпераментом женщина возбуждается и получает оргазмы с определенным ритмом. Если в этот ритм вклинивается любовник, «съедаая» лимиты ее сексуальности, то мужу ничего не достается. Он попадает в фазу «энергетического кризиса». Надо сделать мужа, как советовал один из родоначальников сексологии Ван дер Вельде, «перманентным любовником». В отношениях с мужем нет той обостренности, что с любовником. Поэтому пусть сексуальное общение с ним будет более редким, но и более праздничным (как с любовником). Не случайно сексологи в последнее время, становясь более психологичными, употребляют словосочетание «сценарий сближения и близости». Слово сценарий обычно касается какого-то действия, имеющего отношение к искусству (театру, кино). В сексуальном действе должна быть какая-то психологическая игра, импровизация, фантазирование, делающие его каждый раз по-новому интересным и праздничным. Что же касается роли каждого в этом действии, то повторим тезис статьи «Сексология снимает запреты»: дозволены любые действия, чем бы они ни производились и на что бы ни были направлены, если доставляют удовольствие обоим супругам.

Очень важный момент — разговор во время сближения и близости. Человек так уж устроен, что помимо самой действительности нуждается в ее удвоении, дубликате. Секс — не исключение. И когда говорят, что женщина любит ушами, то речь идет не об одних только признаках друг другу в любви до, во время и после, а и о совместном переживании этого удвоения. Это может быть разговор о том, что произойдет в следующий момент, воспоминания о предыдущих сексуальных впечатлениях, мечты о будущем. В таких разговорах могут найти воплощение обычно скрытые сексуальные потребности. Откровенно признаваясь друг другу в своих самых тайных желаниях, муж и жена должны понять потребности друг друга и постараться сделать все, чтобы максимально удовлетворить их.

А промежуток между сексуальными радостями необходимо заполнить чем-то не менее интересным, чем секс. Ну, например, разговором о политике (да-да, не смейтесь, для мужчин это увлекательно). Для мужа надо быть интересной, тогда и он будет проявлять большую сексуальную активность. Ведь стимулируется она, как это ни парадоксально, не только в узком смысле сексуальными деталями. Не менее важно восхищение умом жены, ее чуткостью, душевной теплотой.

Ну и, конечно, большую роль играют привычки в общении. Ведь обычно как получается? Доброжелательная улыбка — чужому, а мужу — гримаса недовольства.

Мужу — бигуди, а начальнику — локоны. Значит, на высоте должна быть и психотехника общения. Тогда такой проблемы, которая волнует Лену, можно избежать.

«Мое письмо по поводу статьи «Запланированный ребенок». Дело в том, что в этой статье и в брошюре «Твое здоровье» (№№ 7—8 за 1989 год) читаем совершенно разное об одном и том же. Кому верить?»

...Цитирую («Семья и школа» № 9, стр. 43): «...Повышение температуры часто возникает до овуляции... Подъем температуры должен произойти в один день, то есть, если вчера она была 36,5, то сегодня уже 37,4 градуса».

...«Твое здоровье» (№ 7—8 за 1989 год): «Овуляция появляется до подъема базальной температуры выше 37,0, длящегося 48 часов...»

Только прошу вас не отсылать меня к участковому гинекологу, это ничего не даст, да и времени у него не будет с этим разбираться».

Любовь Александровна, 29 лет,
мама двоих детей
и жертва двух аборт

Уважаемая Любовь Александровна! Первая цитата — из моей статьи «Запланированный ребенок». И она противоречит второй цитате из «Твоего здоровья». Объяснимся также на языке цитат. Вот что написано в книге «Биоритм плодотворности и регуляция рождаемости» польского специалиста Влодзимежа Филяковского (Варшава, 1976). «Характерный скачок температуры, согласно определению, сформулированному международной группой экспертов ВОЗ (V-50), это подъем температуры, происходящий в течение не более чем 48-ми часов, причем температура в трех последних днях должна быть... выше температуры шести предшествующих дней. В трех днях температурного максимума не может быть ни одной точки снижения температуры до уровня любого из предшествующих шести дней (стр. 166). И там же на стр. 168: «Начало периода постовуляционного бесплодия находится... на четвертый день от момента появления температурного пика».

В «Запланированном ребенке» говорилось, что яйцеклетка живет полсутки. Филяковский пишет: «Vuxton и Engle... установили, что скачок температуры происходит незадолго до овуляции и до 3-х дней после нее. Doring... считает третий день повышенной температуры началом периода бесплодия. Наблюдения, собранные в Польше, свидетельствуют о целесообразности перенесения начала бесплодного периода на следующий день» (стр. 168).

В вашей цитате из «Твоего здоровья» указывается только часть информации, говорится, что подъем происходит до овуляции, но игнорируется, что он происходит в течение 3-х дней и после овуляции. А исходя из всей информации лучше перестраховаться. Филяковский жалеет женщин и переносит на 4-й день. Я тоже жалею и говорю о скачке не в течение 48 часов (помните, это максимум), а в течение суток (это в среднем) — тут больше гарантий.

Вот видите, Любовь Александровна, я не хочу, чтобы вы оказались жертвой

Фото
М. Убасева,
г. Апрелевка
Московской области

трех абортов, простите меня за такой черный юмор — это ответ на ваш горький посыл.

Я не думаю, что автор статьи в «Твоем здоровье» хотел бы иного. И не надо корить ошибающихся, но желающих добра, хотя еще раз говорю, здесь лучше перестраховаться и быть более тщательным. Но вот относительно нашего здравоохранения разьясню. В работу врача включается 4 часа в месяц на санитарное просвещение. Если гинеколог не делает этого, то он плохой врач. Но если он чего-то не знает, тоже не корите его, его недоучили. И я в свое время по ряду вопросов доучивался сам. Это претензия к нашему высшему медицинскому образованию. Будущим врачам, например, дают столько анатомии и химии, что они могли бы преподавать анатомию и химию, но им, например, дается всего 17 часов медицинской психологии. Медицина отечественная бедна. Врачей не хватает. Их труд плохо организован и оснащен. На здравоохранении сэкономили многие десятки лет. Зависит ли от нас с вами изменить это положение? Думаю, зависит. Например, от нашей позиции на выборах. В нашей власти голосовать за тех, кто способен проводить социальную политику в интересах народа, кто на здоровье экономить не будет, а экономят, например, на танках.

возникающих перед, во время и после СО, важно осознавать, чтобы не уподобляться животным. Именно это имел в виду К. Маркс, когда писал, что «человека от барана отличает лишь осознание им своих инстинктов» — в том числе и одного из самых сильных.

Попробуем перечислить ощущения, побуждающие людей к беспредельному слиянию, духовному и физическому.

— Острое сексуальное влечение, предвкушение наслаждения, обоюдное (или, увы, нередко — одностороннее), как одно из проявлений любви.

— Самоутверждение как восполнение дефицита, не реализованного в других формах: творчестве, труде, общественной деятельности.

— Чувство одиночества, которое при СО на время, порой продолжительное, притупляется или исчезает вовсе.

— Жалость, доброта, стремление утешить, облегчить существование, ложная убежденность, что опыт СО может принести пользу партнеру в последующей жизни.

— Любопытство, любознательность, поисковый и творческий элемент.

— Гормональные влияния, половое созревание.

— Социальные влияния: экстраверзия, «делаю, как все», мода, отношение к СО сверстников или лиц авторитетных, уважаемых или любимых вне СО (родители, родственники).

— Характер человека, его темперамент, унаследованные сексуальные черты, национальность, врожденная или приобретенная гиперсексуальность или фригидность.

ПРИНАДЛЕЖАТЬ ДРУГ ДРУГУ

С. ДОЛЕЦКИЙ,
член-корреспондент АМН СССР

Продолжение.
Начало в №№ 8 и 9
за 1990 год

Модными нынче стали телемосты. Дело полезное. Мне нравится, когда общаются молодежь. Они искреннее или, точнее, честнее. Во время молодежного телемоста СССР — США американская девушка задала вопрос, как у нас решаются проблемы секса. Хорошо подготовленная ленинградская студентка быстро ответила:

— А никак не решаем. У нас такой проблемы нет!

Звучало это будто у нас вообще сексом молодежь не занимается. Хохот аудитория был единодушным. Поняли...

Вспоминаются слова Габриэля Гарсиа Маркеса, когда он впервые приехал в СССР:

— Московские женщины напоминают мне колумбийских крестьянок. Их застенчивость во Франции назвали бы невежеством.

Действительно, в массе своей наши девушки и женщины поразительно неприспособлены. В этом не их вина, а беда. Предлагаю поэтому тему для размышления: сознание и ритм в сексуальных отношениях.

В беседах с разведенными молодыми людьми, мужчинами и женщинами чаще всего слышишь о «несовпадении характеров», «разных жизненных позициях», «непонимании друг друга». После уточняющих вопросов оказывается, что в основе развода чаще всего лежит необразованность, неграмотность, некультурность в области сексуальных отношений (СО). Мало знают о том, что инстинкт продолжения рода «оформлен» природой в одно из самых острых ощущений. В психологическом плане роль СО значительно многообразнее. Широкий спектр чувств,

— Формы и глубина образования, нравственных норм, воспитания, культуры, силы воли, интеллигентности или антитеза чертам вседозволенности, неконтролируемой власти, неуважению к личности человека, гипертрофической оценке собственной личности, осознанию безответственности за поступки или их бесконтрольность.

Одним из важнейших последствий СО в семье является сглаживание многих бытовых, родственных, личностных конфликтов. Улаживаются казавшиеся еще несколько часов назад критическими ситуации и ссоры. Исчезают «неразрешимые» вопросы; появляются взаимопонимание, желание уступить, помочь, посочувствовать. Принимаются удачные и важные для семейной жизни решения. Выражаясь научно, СО способствуют адаптации или приспособлению людей друг к другу, повышают терпимость, упрочивают терпение к второстепенным, а порой и существенным недостаткам друг друга. Но перечисленное и входит в важнейшие основы прочности семьи. Даже когда характеры супругов не совпадают, а интересы расходятся.

Стало быть, значение правильных, ритмичных, приносящих удовлетворение суп-

ругам СО настолько велико, что подходить к ним, очевидно, нужно со всей серьезностью. Не жалея на подготовку к ним и правильное осуществление ни времени, ни сил, ни воли. Согласитесь, коль скоро вы отчетливо представляете, что будущее вашей семьи, детей, личное счастье, нередко положение на работе зависит от каких-то определенных обстоятельств, то вы к этим обстоятельствам будете относиться с повышенным вниманием. Сегодня его преимущественно склонны трогать на «витие гнезда» — уют в квартире, строительство дачи, обзаведение автомашиной. И когда наконец это достигнуто, то оказывается, что все идет насмарку. За второстепенным проглядели главное. А во что вложено столько сил — абсолютно бесполезно: его приходится делить (хорошо, если не по суду). Детям оно просто не нужно. Относятся они, если правильно воспитаны, с равнодушием и пониманием той цены, которой за все было заплачено.

Осмысливая исторический опыт человечества и данные современных наук (педагогика, психология, сексология, социология), можно наметить пути выхода из сложного положения, в которое попадает подавляющее большинство молодых людей.

Вскоре после начала СО выясняется, что у определенной категории лиц, минимальной по количеству и даже имеющей тенденцию к уменьшению, возникает полная гармония, которая сохраняется порой до последних лет совместной жизни. Рассмотрению они не подлежат, а лишь подтверждают подобного рода возможность...

Чаще всего регистрируется «медовый месяц» (понятие из календарное — год или пятилетие), когда имеется синхронность и стремление к СО. Даже если полная синхронность отсутствует, она подменяется либо попыткой приспособиться к ритму партнера за счет подавления собственного стремления и даже при его отсутствии. Коль скоро такой «навязанный» (чаще мужчиной) ритм устраивает обоих супругов, то он может сохраниться долгие годы. Многие здесь зависят от умения и стремления женщины быть всегда желанной. Впрочем, не испорченный случайными связями супруг может быть неприхотлив и считать, что именно такими и должны быть СО — даже когда женщина осуществляет их с нескрываемой неохотой...

Увы, легкость, с которой ныне возникают случайные СО, просвещает супругов очень быстро, и при осущении однообразия семейных СО толкает их к частой смене партнеров. Отсутствие острых и радостных СО в собственной семье становится первым, а порой и главным обстоятельством, роковым для сохранения семьи.

Правила СО писались многими людьми на протяжении существования человечества. Наиболее ранний и, вероятно, полный документ — главы из индийского трактата о «прикосновениях, ласках и сношениях» относится к 3000 году до нашей эры.

В биосоциальном человеке, существующем в постоянном неустойчивом равновесии, в единстве и борьбе, заключены импульсы сознательные, требующие по-

стоянных усилий, воли, контроля, и несравненно более мощные, стихийные — биологические, животные, опасные тем, что для проявления их не требуется никаких усилий. Наоборот, они толкают человека на действия, которые он позже сам оценивает как непонятные и противоестественные. Силы бессознательные тем мощнее, чем ярче эмоции, чем больше отмечено, помрачено или угнетено сознание (например, алкоголем) — и чем воспитание, культура и воля человека слабее. Половой, сексуальный инстинкт продолжения рода — один из главных, если не первый по мощности. И все же как любой акт, осознанный человеком, существом сознательным, может контролироваться, управляться, подавляться или возбуждаться.

Физиологами доказано, что человеческий организм стремится к функциям ритмичным: они экономичны, выгодны для организма и при соответствующем повторении (тренировка, автоматизм) прочно закрепляются в его взаимопроникающей деятельности. Именно ритм и автоматизм способствуют высшим формам творчества, воспитанию, образованию, искусству, культуре — хотя внешне многие явления выглядят хаотичными.

Можно ли говорить о ритмичности СО, если принято считать, что эмоциональная сфера, влечение, любовь построенные на столь сложных, не поддающихся анализу чувственных катаклизмах, что слова «ритм и автоматизм» звучат здесь едва не кощунственно или юмористически?

Прежде чем ответить, проведем аналогию, которая, может быть, иному читателю покажется и неуместной. Некоторые автомобилисты не проходят школы вождения и не знают мотора. Они постепенно наращивают опыт. Другие попадают в катастрофы, создают аварийные ситуации, губят себя и других людей. В первую очередь это относится к людям эмоциональным с низкими сознательно-волевыми качествами.

А как поступают молодые люди, вступающие в брак, которые не получили необходимых знаний по организации семьи, семейных отношений, которые не испытывают ответственности перед будущей семьей? Исход-то одинаков: катастрофа! Поэтому и в сфере СО полезно побудить читателя к углубленному изучению литературы по этому вопросу. Семья, ее будущее и дети стоят того.

Самое сложное — уяснить, что при внешнем подобии женщины и мужчины, их психология вообще (а в сфере СО тем более) настолько несхожа, что оказывается порой непреодолимым камнем преткновения во всех формах общения между ними. Да, бывают мужеподобные женщины и женоподобные мужчины. Но половые различия объективно существуют, изменить их невозможно, перекаивать на свой лад — задача неблагоприятная. К тому же на половые особенности наслаиваются индивидуальные, национальные и многие другие. Поэтому единственный путь — искреннее, двухстороннее стремление увидеть друг друга такими, каковы они есть, с постоянными усилиями приспособиться друг к другу, не делая попыток «воспитать», «потребовать», «указать».

Однако, когда это возможно, необходимо сделать попытку вместе договориться по таким «горячим» вопросам, которые вызывают особые внутренние переживания и с которыми одному справиться трудно или невозможно. Скажем, жена не хочет быть свидетелем некоторых гигиенических процедур супруга. Или муж страдает от резких, императивных интонаций речи супруги. Понятно, что любые законы общежития (в виде соблюдения санитарно-гигиенических правил, отказа от скверных и притяия здоровых привычек), особенно в сфере СО, требуют максимального взаимопонимания.

Важно уяснить, что в основе СО лежит отнюдь не стремление получить наслаждение, а вызвать его у партнера. Издавна известно: давайте и воздастся вам... Ибо подсознательное ощущение, что тебе стремятся сделать приятно, альтруизм в СО — сильный побудитель собственных ощущений — даже если ты утомлен или не вполне готов к СО. В этой сфере существует и второй вариант — насилие над партнером, продиктованное мощной биологической потребностью. Однако первый, альтруистический вариант, более человеческий и управляемый, особенно в обязательном двустороннем контакте, гораздо долговечнее и надежнее. Тем более у людей культурных и интеллигентных. Недаром мудрость гласит: «Делать подарки гораздо приятнее, чем получать их». Кстати, не тому же ли мы хотим научить своих детей?

Оставляя в стороне обоюдострое стремление супругов к СО, возможное и в дни «медового месяца» и в день золотой свадьбы, обратимся к обычной жизни. Сразу отметим, что при ритмичных СО снимается большинство неурядиц, связанных с одновременно возникшим желанием, которое у одного из супругов — «обиженного» — не находит немедленного отклика.

На примерах лиц пожилых, старых и даже престарелых, но сохранивших потенцию к СО, можно сделать следующее заключение. Половое влечение на протяжении жизни претерпевает периоды спада и подъема. Наиболее опасен, естественно, спад у молодых, ошибочно трактуемый как исчезновение «магических кристаллов любви». Поспешные (как иногда и брак) разводы — следствие такой ошибки. Спасает в этих случаях семья — в благоприятных, но не частых случаях — степень душевной привязанности, чувство долга, дети. Однако мощнейшим средством не только стабилизации влечения, но и надежным заслоном на пути множества «мелких» и очень опасных поводов для душевного разлада супругов является отработанный до автоматизма правильный ритм СО. Парадоксально, что в наиболее романтических для человека отношениях, в одном из самых мощных биологических инстинктов заложена потребность в ритме и автоматизации. Но от этого никуда не уйти — такая потребность находит подтверждение в истории, практике и науке.

Добавим, что ритм может претерпевать изменения — от ежедневного до раза в неделю, декаду или месяц. Важна лишь его синхронность, реальная у психически здоровых людей.

Всесоюзная ассоциация «ЭВРИСТИКА»,

объединившая в своих рядах ведущих специалистов страны в области изучения, организации и развития научно-технического творчества, при содействии журнала «Изобретатель и рационализатор» и научно-технического кооператива «Метод», предоставляет уникальную возможность — получать полную, доступно изложенную, легко применимую на практике информацию о различных аспектах ТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ТЕХНИКЕ И НАУКЕ.

Ежеквартальный бюллетень «ЭВРО» — это «аргументы и факты» о техническом творчестве, Ваш путеводитель в море информации и научно-техническом творчестве, необходимый помощник тому, кто хочет добиться творческого успеха в жизни, воспитать в своих детях творческие способности.

Одна из центральных рубрик «ЭВРО» — творчество детей, а также задачи, направленные на развитие их творческих способностей. Здесь же — советы преподавателям технического творчества, хрестоматия по вопросам творчества для родителей, информации о специалистах и организациях, занимающихся техническим творчеством.

Материалы в «ЭВРО» даются, в основном, в виде рефератов, дайджестов, обзоров, рекомендаций.

Объем одного номера — около 100 страниц. Стоимость комплекта годовой подписки — 12 рублей. Подписка на «ЭВРО» — хороший подарок детям, родителям, учителям. Количество комплектов в один адрес не ограничено.

Для оформления подписки на «ЭВРО» направьте почтовый перевод с подробным обратным адресом (для частных лиц) или перечислите деньги по безналичному расчету (для организаций) по адресу: 119146, г. Москва, Ленинское отделение Жилсоцбанка, расчетный счет № 3461299, МФО 201188, НТК «Метод». Организациям необходимо также направить в адрес НТК «Метод» — 119048, г. Москва, а/я 453 — письмо с указанием номера и даты платежного поручения и подробным адресом, по которому необходимо высылать бюллетень.

**Первый номер «ЭВРО» будет рассылаться подписчикам
в I КВАРТАЛЕ 1991 ГОДА.**

Ассоциация «Эвристика» желает Вам успеха!

ВНИМАНИЮ ЛЮБИТЕЛЕЙ ПОПУЛЯРНОЙ МУЗЫКИ!

Информационно-методический центр Творческого объединения «КЛАСС» принимает заказы на:

— «ДИСКОТЕКА-1» (ежемесячная программа новинок танцевальной музыки советских авторов с краткой аннотацией исполнителей). Стоимость годовой подписки — 12 катушек или компакт-кассет (в заказе укажите «катушка» или «компакт-кассета») по 90 минут звучания — 300 руб.

— «ДИСКОТЕКА-2» (ежемесячная программа новинок танцевальной музыки зарубежных авторов...). Стоимость годовой подписки — 12 катушек или компакт-кассет — 300 руб.

— оригинальные цветные полиграфические фотооткрытки советских и зарубежных исполнителей (заказы на фотооткрытки принимаются только двух форматов: 13×18 и вставки в компакт-кассеты (ВКК). Стоимость одного комплекта (включая почтовые расходы) 13×18 — 12 руб., ВКК — 5 руб. В заявке необходимо указать номер комплекта и формат.

«С» ПОП-ЗВЕЗДЫ

1. Ю. Шатунов
2. Р. Жуков
3. С. Разина
4. А. Малинин
5. С. Минаев
6. В. Салтыков
7. А. Пугачева
8. В. Пресняков
9. В. Добрынин
10. В. Леонтьев

«С-2» ПОП-ЗВЕЗДЫ

1. Е. Белоусов
2. А. Глызин
3. Ф. Киркоров
4. М. Распутина
5. М. Муромов
6. В. Малежик
7. К. Пахомов
8. Д. Маликов
9. Л. Вайкуле
10. О. Газманов

«С-3» ПОП-ГРУППЫ

1. «Ласковый май»
2. «Комбинация»
3. «Мираж»
4. «Сталкер»
5. «Звезды»
6. «Любэ»
7. «Нана»
8. «Маленький принц»
9. «Х-9»
10. «Удача»

«С-4» РОК-ЗВЕЗДЫ

1. В. Цой
2. Ю. Шевчук
3. Б. Гребенщиков
4. Ю. Лоза
5. В. Бутусов
6. К. Кинчев
7. В. Высоцкий
8. И. Тальков
9. И. Сукачев
10. А. Градский

«З-1» ПОП-ЗВЕЗДЫ ЗАПАДА

1. П. Каас
2. Си Си Кэтч
3. М. Джексон
4. Мадонна
5. Дж. Донован
6. Сабрина
7. «Милли Ванilli»
8. Сандра
9. «Дипеш Мод»
10. Т. Андерс

«З-2» ХАРД-ЭНД-ХЭВИ

1. «Бон Джови»
2. «Скорпионз»
3. Оззи Осборн
4. «Синдерелла»
5. «Айрон Мейдн»
6. «Деф Леппард»
7. «Металлика»
8. «Уайтснейк»
9. «Джудас Прист»
10. «Экзэпт»

«КЛАСС» оставляет за собой право замены отдельных фотооткрыток.

Отдельные фотооткрытки не высылаются, только комплекты.

Заказы направлять только на почтовых открытках (заказы в конвертах не принимаются) по адресу:

119285, г. Москва, до востребования, «КЛАСС».

Евгений БИЛЬКИС

ШКОЛА ИСКУССТВ СЕГОДНЯ И В ПЕРСПЕК- ТИВЕ

Несколько лет назад моя шестилетняя дочка ходила на занятия по музыке и живописи в «Школу искусств» (в Железнодорожном районе Москвы). То есть номинально это была «Школа искусств», а ходила она на занятия то в РОНО, то в Дом пионеров, то в клуб «Старт». Отыскивая в недрах этих учреждений закуску, арендуемые «Школой искусств», я всякий раз испытывал досаду, вызываемую очевидным несоответствием пышной вывески и достаточно убогого содержания: даже и не декорум, а игра в декорум, пародия.

«А может, тут расчет? — размышлял я. — «Школа искусств» куда солиднее звучит для родительского слуха по сравнению с банальными «изостудия» или «музыкалка».

Не думал не гадал, что доведется встретиться с автором идеи (ведь был же кто-то, кто первый создал «Школу искусств»).

Синтез

«Школа искусств» имени Вирсаладзе в Тбилиси располагается, что и не удивительно для горной страны, на круче. Восходителя ждет награда — радующее глаз, оригинально спроектированное здание, не маленькое, не большое, но такое, как надо. Интерьеры тоже такие, как надо: без потуг на изыск, на соответствие «высокому предназначению». Нет ни портретов классиков, ни их мудрых изречений на стенах. Вкус, соразмерность во всем — в решении пространства, в изоляции дневного света, «входящего внутрь» вместе с маленьким садом сквозь стеклянные панели. В холле огромный аквариум, зарешеченный вольер с попугаями. В простенках вдоль лестницы картины учащихся, тоже (хотя экспозиция меняется) как бы выдержанные по стилю.

Да, в данном случае название «школа искусств» не кажется претенциозным. Искусства соседствуют, соединяются, проникают друг в друга. Звуки фортепиано доносятся из музыкальных классов. На верхнем этаже в двух балетных классах занятия хореографического отделения. Внизу студия живописи, небольшой уютный зрительный зал. Здесь дает спектакли театр, существующий при эстрадно-театральном отделении. По замыслу это учебный театр; но так его не называют, и понятно почему. Попробуйте внушить детям, что они играют в учебном театре — они посмотрят на вас с недоумением. Попробуйте сообщить это зрителям — они сразу зевать начнут. Автоматически вызывают зевоту словосочетания «учебный цикл», «учебная программа».

Нателла Ивановна Церетели, директор школы имени Вирсаладзе, участвует в составлении учебной программы и наблюдает за ходом учебного цикла — но далека от того, чтобы видеть в спектаклях школьного театра лишь реализацию этих форм отчетности. По ее мнению, работа театра самооценна. «У нас замечательный театр! — говорит она. — То, что в Москве в театре Наталии Сац делают профессионалы, у нас делают дети!»

Оценку эту подтверждают факты. Театр с успехом выступал в Москве, в Болгарии, в США. Турне по Америке — событие недавнее. Тбилисцы в течение двух недель, ежедневно переезжая из города в город, играли перед переполненным залом. Был и такой случай. Гостиная в Тбилиси группа специалистов по детскому творчеству из США побывала на спектакле. После этого американцы отменили двухдневную программу с экскурсиями и банкетами и провели оба эти дня в школе — состоялся импровизированный рабочий семинар.

В Москве тбилисцы выступали дважды, в последний раз на педагогических чтениях, организованных московским методическим кабинетом по детскому учреждению культуры и искусства. Под впечатлением успеха театра школы имени Вирсаладзе появился свой театр в двух московских школах, драматический (школа № 7) и музыкальный (Гнесинская семилетка). Но и театрам этим и самим «школам искусств» в Москве пока далеко до коллег из Тбилиси. Рассказывает директор московского методического кабинета Галина Константиновна Андропова.

«...Я впервые увидела театр из Тбилиси четыре года назад. Это была «Муха»

цокотуха» — мюзикл по мотивам сказки Чуковского. Очень грузинский (хоть и шел на русском языке), национальный по стилю, по духу, по колориту, по характеру музыки, по степени раскованности артистов. Запомнились горящие глаза детей! Они играли с огромным вдохновением. Все, от самых маленьких. Букашки, стрекозы, жучки, паучки — малышки пятишестилетние, они были заняты в мизансценах, в массовых сценах. Солисты — тоже великолепные! Изумительный паук — тип такого гангстера современного...

Очень высокого уровня режиссерская работа. Все мизансцены игрались поразному: без штампов, без натяжек. Прекрасно воспринимали спектакль зрители-дети, их было очень много в зале.

Я пригласила тбилисцев в Москву, хотелось, чтобы специалисты познакомились с оригинальной формой работы. В стране нет трехступенчатой (начальное, среднее, высшее) системы театрального образования. Музыкальное есть, хореографическое, ИЗО, а вот театрального нет. Но дело не только в этом. Театр мог бы помочь как-то вытащить саму идею «Школы искусств».

Когда «школы искусств» создавались, подразумевалось, что у них будет комплексная программа, объединяющая обучение музыке, хореографии, живописи, пластике. Формально выбор таких отделений в «школах искусств» есть, но идея не реализована. Причин несколько. Необычайно раздутые программы, куда необходимо впихнуть все на свете. Главное же, такие школы — дорогое удовольствие при наших более чем скромных средствах.

Театр может быть выходом из положения. Театр сам по себе синтетичен, он предполагает гармоничное развитие: умение двигаться, петь, выражать себя, играя роль, воплощаясь в образе. Дети от природы — актеры. В одном случае эти способности могут развиваться, в другом — нет; но задатки в каждом, безнадёжных не существует. Но надо уметь помочь детям подготовить себя к творческой деятельности. К сожалению, у нас нет пособий по психологии работы с детьми разных способностей. Впрочем, у нас ничего нет — кадров, помещений, инструментов: баянов, флейт, кларнетов, скрипки такие, что на них играть невозможно. Прекрасная вещь театр, в особенности мюзикл — но ведь нужна сцена, нужен зал, декорации, костюмы, грим... Где все это взять? На что купить? Тбилисская школа, — может быть, единственное исключение. У них прекрасное помещение, у нас же в Москве из восьми школ собственное помещение, притом весьма скромное по размерам, только у четырех. Наверное, тбилисцам проще, им легче решать свои проблемы на высоком уровне. Они любят своих детей...

И потом там директор какой! Попробуйте найти такого человека! Она сама бегает по магазинам, покупает материал для декораций, для костюмов. Театр — ее детище. Где есть энтузиасты, там все получается...

Специалист из Москвы завидует Грузии, где «любят своих детей». Послушав Нателлу Ивановну Церетели, мы убедились, что главная заслуга этого человека в

том, что она дала пробудиться этому чадолюбию, прежде всего у представителей властей, пребывающих в дремотном состоянии.

Нателла Ивановна говорит о своей школе: «Я построила». Вот что она имеет в виду. Кто-то в высоких начальственных сферах принимает решение. Кто-то финансирует, кто-то проектирует, кто-то стены кладет. Но строит тот, чьей волей, чьим душевным пламенем поддерживается и осуществляется незапрограммированное, экстраординарное строительство, каким было возведение в Тбилиси «Школы искусств». До этого в таком же экстраординарном порядке в Тбилиси строили музыкальную школу. Две таких школы — единственные, так утверждает Нателла Ивановна, построенные в Тбилиси за годы Советской власти: до этого музыкальные располагались в подвалах, пристройках, по углам. Имя Н. И. Церетели должно, я считаю, войти в историю грузинской культуры: она явила Грузии, а может, и всей стране, пример цивилизованного отношения к эстетическому воспитанию детей.

Монолог директора

«...Если бы перестройка началась 30 лет назад! Но и тогда можно было что-то сделать! Не верю, когда говорят: «Ничего нельзя сделать!» А вы пробовали? Когда меня назначили директором музыкальной школы, я тут же пошла в райком и вытащила секретаря в наш сарай с печным отоплением. Через год въехали в новое здание. Это была сенсация!

На «Школу искусств» у меня семь лет жизни ушло. Все ходила: к этим за проектом, к тем за деньгами. Никто из руководства ни разу не побывал на стройке. Семь лет мы ждали и продолжали работать в помещении, формально закрытом санэпидемстанцией. Я сама их привела к нам, и они, разумеется, тут же школу закрыли — подвал, темный, сырой, трубы канализации вдоль стен, педагоги и дети беспрерывно болеют!

И вот после этого крысиного подвала — такое здание, большое, светлое, удобное. Тут же, разумеется, у нас его захотели отнять, но ничего у них не вышло... Однако я сама думала о чем-то другом, о чем-то большем, чем обыкновенная музыкальная школа. Я предложила: «Давайте сделаем «Школу искусств!» Хореографию, и музыку, и ИЗО объединим, чтоб была общая программа. И каждый пусть учится где захочет, можно и на нескольких отделениях сразу — полная воля.

Потом я сообразила, что с такой базой, при такой универсальной подготовке можно ставить музыкальные спектакли. И мы открыли еще одно отделение: эстрадно-театральное. Все захотели только туда. Раньше на фортепиано конкурс был десять человек на место. А теперь уговаривать пришлось. В 1972 году 942 человека учились на фортепиано, сейчас — 440. Все это объяснимо. Эстрадно-театральное современнее, моднее. Здесь дети не ощущают учебу как бремя — они отдыхают, получают удовольствие, здесь у них про-

стор для творчества, не только для актеров — для танцоров, певцов, для художников. Все эскизы, все декорации делают дети сами. Даже малыши, когда они появляются в школе с братьями, сестрами, норовят залезть на сцену.

Благодаря театру многие дети смогли проявить себя — даже из тех, которых мы считали «не подающими надежд». Они оказались очень даже интересными актерами.

Школа живет театром. Детей домой выгнать невозможно. И мы с ними до 10, до 11 часов. Сами занимались режиссурой и танцы ставили. Сейчас другая ступень: ставить спектакли будут режиссеры-профессионалы, а наше дело — готовить актеров пластически, вокально, хореографически. Педагоги из театрального института преподавали у нас и раньше. Но хороших режиссеров заполучить было нельзя за те гроши, которые мы им можем заплатить. Сейчас нам предоставлено больше финансовой свободы.

Вообще начальством — мы подчиняемся Министерству культуры — я довольна: у нас полное взаимопонимание, никто не вмешивается, не мешает. Но по большому счету никакие «вышестоящие» вообще не нужны директору. Если дело делается, если директор на своем месте, то дайте ему возможность быть хозяином! Он должен сам приглашать педагогов. Сейчас их присылают через отдел кадров Министерства и без их визы я не имею права ни нанять никого, ни уволить. А как они могут посредничать — ведь они в подробностях всех обстоятельств не знают и не могут знать?

Если бы я была хозяйкой, я бы ввела настоящий хозрасчет так, как я это понимаю: «Ваш ребенок ничего не делает? Учиться не хочет? Забирайте его из школы или платите из своего кармана». А за детей, способных и желающих учиться, уже буду платить я. Вот на это и нужны дотации государства. Но мы таким образом сэкономим массу средств, избавим школу от балласта, будем хорошо платить отличным педагогам, к которым просятся дети. Да у меня все педагоги будут отличные! Они будут знать: за некачественную работу им не заплатят. И прекратятся все разговоры об ответственности. А «открытых» уроков у нас и сейчас нет. Зачем мне говорить: «Пойдите, посмотрите». Кто хочет работать, сам пойдет и посмотрит. Каждый сам обязан заботиться о своей квалификации. Это будут жесткие условия, но зато все станет на свое место: у меня будет 20 педагогов вместо 180, 300 учащихся вместо 1000. И это будет настоящая школа с высоким уровнем подготовки. И не потребуются сверхусилия, чтобы все крутилось, как это происходит сейчас. Мы вкалываем с утра до вечера до потери пульса, только поэтому школа на хорошем счету и сюда иностранцев возят. И, заметьте, никто из нас не требует сверхурочных, хотя имеем на это право. Государству наш театр ничего не стоит. Художники — дети, ткань для декораций и костюмов покупают родители. Конечно, все это нам не в тягость, потому что дело прекрасное и результаты есть. Но разве только в этом мы заинтересо-

ваны? Столько разговоров: преступность среди подростков, падение нравственности. Я уверена: дети, прошедшие через наш театр, через нашу школу, становятся людьми культуры».

Концепция

Когда я был в Тбилиси, там проходил «прокатку» очередной спектакль школьного театра «Бременские музыканты» Г. Гладкова. В обычный рабочий вечер, на обычных занятиях хореографического отделения (экскурсия в балетном классе) оттачивались какие-то детали танцев. Видно было по выражению лиц девочек, что это для них нечто вроде десерта — награда за утомительную и однообразную работу над техникой. Да за одно только это — возможность для творческой работы — можно благословить школьный театр. Удача или неудача самих спектаклей — вторичное. Театр придал блеск и завершающую форму безусловно удачной — тут мы должны поблагодарить Нателлу Ивановну Церетели — идею «школы искусств». Есть школа и есть школярство. Обучение искусству связано с работой, но не терпит схоластики. Учащиеся эстрадно-театрального отделения учатся играть на каком-то музыкальном инструменте, но эта требующая усидчивости деятельность воспринимается ими как необходимая подготовка актера и участника спектакля. В свою очередь, для учащихся других отделений возможность попробовать себя на сцене — превосходный стимул для совершенствования в своем деле. Кстати, очень важная деталь — в школе имени Версаладзе отсутствует формальное закрепление учащихся за отделениями. Дух свободы и широты перспектив — то, что больше всего ценят дети. Не будь этой свободы и радости творчества, едва ли стали бы они засиживаться допоздна в «школе», второй в их трудовом дне!

Там, где свобода и творчество, где слияние жанров не формальное (соседство), а реальное (театр), появляется реальная возможность для педагогов дать детям объемное эстетическое воспитание. Подчеркиваю, воспитание. Потому что можно годами штудировать музыкальную грамоту и разучивать пьесы Шумана, как это происходит в музыкальных семилетках, но такого воспитания не получить. В «школе искусств», если это настоящая школа, как в Тбилиси, царит особенная атмосфера — атмосфера искусств. И эта атмосфера сама по себе воспитывает — может быть в большей степени, чем какие-то специальные предметы, имеющие отношения к эстетике, не говоря уж о педагогических приемах назидания и внушения. В такой атмосфере возникновение театра кажется органичным, чуть ли не неизбежным, это именно возникновение, а не учреждение его. Вот так, очевидно, появлялся домашний театр в конце прошлого века, в начале нашего (на память приходят театры Чеховых, Васнецовых) в домах, где любят искусство. Такой театр оставляет впечатление неизгладимое, на всю жизнь, формирует не только эстетически, но и нравственно. Едва ли Нателла Ивановна Церетели

преувеличивает, когда утверждает, что дети из ее школы никогда никому не сделают плохого, не оскорбят ни словом, ни действием. Одним словом, это прекрасно — «школа искусств!» Отчего же их нет у нас?

Их нет. На всю Грузию — одна. На многомиллионную Москву — 8, из них лишь 4 имеют собственное помещение, стало быть, лишь о четырех можно говорить. А театры свои лишь в двух московских. Театр — дорого. Вообще «школа искусств» — дорого. И, кроме того, требуется такой директор, как Церетели. Впрочем, энтузиастов найти можно. Пусть не таких, как Церетели, но можно. Разве не на энтузиазме построена система нашего музыкального образования? Но система, основанная на энтузиазме, не стабильна, это вообще не система, а набор случайностей. Где же выход?

Нателла Ивановна Церетели предлагает проект, который звучит убедительно в ее устах — она человек эмоциональный, убежденный. Действительно, почему бы самим родителям не поучаствовать и в финансировании столь дорогостоящего предприятия, как «школа искусств»? На дотации государства можно обучать одаренных детей и детей из малоимущих семей...

В тбилисской школе этот вариант апробируется. Родители участвуют в финансировании театрального отделения. О каких конкретно суммах идет речь, я не уточняю, за единственным исключением такого рода «пожертвований». Пусть этот эпизод не характерный, но насторожить он должен. За костюм для одного (!) танцевального номера, правда, прекрасного, заимствованного из американского телешоу, родители участников заплатили по 100 рублей. Приди моя дочка из своей «Школы искусств» с таким предложением, я бы очень глубоко и очень надолго задумался. При всей моей любви к искусству и при всем понимании того, что искусство требует жертв. Потянет ли наша советская семья по своим доходам на содержание «школы искусств»? А государство не хочет или не может раскошелиться. Еще раз, где же выход?

Выход, мне кажется, в том, чтобы перестать отождествлять в сознании государство и общество. Как бы пламенно ни утверждал академик Лихачев с трибуны съезда, что между высокой нравственной культурой и сильной экономикой прямая связь, государство вряд ли захочет это признать. Для государства подобные рассуждения — абстракция, а огромные дыры в бюджете — реальность. Когда еще принесет дивиденды высокий уровень нравственности! Но психология общества — а это мы все — должна быть иной, только в этом и спасение. Мы, каждый из нас, многим можем пожертвовать ради нравственного здоровья своих детей. Это истина, и она должна войти в пору обновляющегося общества. Должно измениться отношение к приоритетам.

И воздастся...

Р. БАГАУТДИНОВ,
следователь по особо важным делам
прокуратуры Татарской АССР

Письмо министру

...Я держу в руках это письмо и пытаюсь представить себе, какая же сцена разыгралась в Министерстве внутренних дел страны в конце октября 1952 года, когда в секретариате разбирали почту. Наверное, был легкий переполох. Наверное, работник, прочитавший письмо первым, доложил своему непосредственному начальнику, а тот — еще выше.

И может, это письмо держал в руках и читал его и сам министр внутренних дел страны — ведь ему оно и было адресовано. Все-таки подобные письма, как мне кажется, приходили не так часто... Массовый террор к 1952 году сделал свое дело — мало кто рискнул бы в такой форме выразить свое несогласие с положением дел в стране.

Читал или не читал это письмо министр, не столь важно, но псов своих по следу он послал. Волкодавы из бывшего Управления государственной безопасности НКВД, сменившего вывеску на Министерство государственной безопасности, не изменившего сути своей работы и своих методов, быстро сделали свои первые выводы.

На конверте стоял почтовый штемпель «Бондюг» — название рабочего поселка в Татарии, который сегодня нам известен как город Менделеевск. Там, очевидно, и следовало искать автора дерзкого письма.

Второй исходной посылкой стал, очевидно, тот простой факт, что письмо было написано на листках из обычной школьной тетрадки в линейку. Да и почерк — неустоявшийся, ломкий — наводил на мысль, что к письму причастен учащийся или школьник. Может быть, хитрый и коварный враг использовал в контрреволюционных целях невинного ребенка? А этот несерьезный обратный адрес на конверте: «от группы рабочих пяти областей и шести республик»? Что это — попытка навести «органы» на ложный путь или просто демагогия?

Как бы там ни было работники соответствующих служб в срочном порядке приступили к розыскам автора.

Автор письма, выступая ни много ни мало от имени «рабочего пролетариата и крестьянских масс», требовал прислать из Москвы комиссию для обследования двух соседних районов — Бондюжского в Татарии и Граховского в Удмуртии, а также верхней части Поволжья, всего Прикамья и уральских районов. Что же требовалось обследовать? Не выбирая выражений,

неизвестный просил расследовать «всю гадость, ложь со стороны должностных лиц и районных министров, выбранных не для грабительства народных масс, не для шантажа и насилия, а для руководства народными массами...» Резкие обвинения в адрес партийных органов, партийного руководства и вообще коммунистов следовали в письме один за другим.

Немало места было уделено и крестьянству, которое, по мнению автора, «не может выбраться из долгов перед государством, как крепостной у помещика». В одном месте были вставлены и слова Радищева о том, что крестьяне «мрут как мухи» — соответственно это переносилось в сегодняшние дни. Особое возмущение у автора заявления вызывали обязательные поставки государству. В частности, он писал следующее: «Крестьянин должен заплатить мясopоставку, хотя есть ли у него скотина или нет, безразлично; должен платить по 100—150 штук яиц, хотя есть ли у него курицы или нет, безразлично; из хлеба, заработанного потом, он должен сперва... выплатить государству хлебopоставку, не сверяясь, какая урожайность и что останется колхознику, и есть такие случаи и нередко, — колхоз сдает хлеб государству, а колхозники едят лебеду, коровий помет и черт знает что, а государству и нужды нет, только бы государственный план был выполнен». Автор пророчествовал, что в случае новой мировой войны крестьянство может и не поддерживать государственную власть и партию...

Следующим пунктом шел вопрос о положении рабочего класса, который автор считал «переводным рычагом и руководителем всего общества». Рассуждая о трудностях в жизни рабочих, здесь же автор приводит и некоторые расчеты в обоснование своих слов: сколько получает, скажем, слесарь 7-го разряда и сколько из его зарплаты удерживают (подходный налог, налог за бездетность, культналог, оплата за квартиру, электричество и так далее). Решительно протестовал автор и против принудительного распространения облигаций государственного займа. Ссылаясь на Конституцию СССР, он писал, что на бумаге обучение в стране бесплатное, а «попробуй-ка не уплати за обучение 150 рублей, так и выгонят со школы».

И выводы автор... делал самые категоричные и решительные: «Нет, это так продолжаться не может больше. Либо

улучшение благосостояния рабочего класса и крестьянина, либо нет опоры больше Коммунистической партии».

Под конец письма, объявив ложными радужные сообщения по радио о положении советского человека, автор дал и свое определение коммунизма. Он писал: «Коммунизм придет тогда, когда все бесправие, ханжество и ложь будут бесследно искоренены и рабочий с крестьянином будет жить в полном достатке и может культурно отдохнуть. А этого добьетесь тогда, когда перестанете обманывать и сдирать с рабочего последнюю шкуру».

Сотрудники, выехавшие в Бондюг, начали свою кропотливую и незаметную работу. Просматривались письменные работы учащихся в школах, искали и в других местах. Перед глазами экспертов прошли немало документов, пока они не наткнулись на классные экзаменационные работы ученика девятого класса Бондюжской средней школы № 1 Рябова Юрия Владимировича, 1934 года рождения. Почерк был похож...

Две экспертизы, вначале в Казани, а затем и в Министерстве государственной безопасности СССР в Москве, подтвердили подозрения. Заключение гласило: текст письма исполнен Рябовым Ю. В. Последний акт экспертизы с грифом «совершенно секретно» датирован 2 января 1953 года. Но с арестом почему-то протянули. А тут еще случилось совсем непредвиденное — ушел из жизни, «великий, любимый и дорогим вождь», который, как казалось, вечен.

Объявили траур, в верхах происходили важные события — шла борьба за власть, предопределившая дальнейшее наше развитие. А тем временем 7 марта 1953 года в Татарии, в рабочем поселке Бондюг, произошло свое событие «местного значения» — арестовали школьника Юрия Рябова.

Кто же он такой, доставивший столько хлопот и беспокойств сотрудникам компетентных органов? Отец Юры погиб на войне, жил он с матерью. Велико-возрастный школьник, пропустивший несколько лет учебы из-за невзгод военного времени и из-за болезни — туберкулеза. Еще что? Отличное поведение, «двойка» по русскому языку, по остальным предметам — удовлетворительно. Комсомолец, в седьмом и восьмом классах был комсоргом класса.

Вот строки из комсомольской характе-

ристики: «Юра отличался своей скромностью и примерным поведением в школе и в других местах. На комсомольских собраниях выступал с резкой критикой недостатков. Был во всех отношениях примерным комсомольцем. Он заботился не только о себе, но и о своих товарищах. Удерживал товарищей от дурных поступков...»

Вот ведь какой получался парадокс — удерживал других, а сам-то что натворил?

Следственные органы запросили компромат и из местных органов власти. На запрос исполком Бондюжского поселкового Совета сообщил, что «на близких родственников и на самого проверяемого нет».

«Виновным» он себя признал сразу — на первом же допросе. Да, написал и отправил в МВД СССР письмо, в котором «изложил свои собственные убеждения, сложившиеся в течение последних трех лет». Но этого было явно недостаточно. На каждом допросе следовал один и тот же вопрос: «Под влиянием кого сложились у тебя антисоветские настроения?»

Юра сначала твердил, что убеждения сложились у него без какого-либо постороннего вмешательства, но затем, не выдержав постоянного давления, довольно-таки благообразно основную «вину» возвел на деда, проживавшего в деревне — дескать, он нередко вел такие антисоветские разговоры. Все дело было в том, что дед совсем недавно умер...

Выяснилось также, что сведения о положении колхозников в деревне он почерпнул из рассказов ночевавших у них крестьян. Жили Рябовы рядом с базаром; и колхозники, приезжавшие для продажи скудных запасов, заходили к ним и просились на ночлег. Вечерами он слышал их неспешные разговоры с матерью. Ночевали у них и приезжие из соседнего, Граховского района, что в Удмуртии (поэтому в письме он просил обследовать и этот район).

Допрашивались учителя, школьники, его одноклассники. Один из них вспоминал о таком «клеветническом высказывании Рябова в отношении советской молодежи». Оказалось, что однажды они вместе шли в школу. Увидели плохо одетого мальчика, собиравшего в шлаке уголь. Рябов при этом сказал: «Смотри! — и это называется «счастливое детство»? Если какой-нибудь шпион сфотографирует его, то поместит снимок в свою газету».

31 марта 1953 года следователь выносит постановление о назначении судебно-психиатрической экспертизы и указывает следующее основание для проверки психического состояния обвиняемого: «В процессе допросов обвиняемый Рябов временами отказывается отвечать на вопросы следователя и плачет, в связи с чем его поведение вызывает некоторое сомнение...»

Да, он плакал — и это была естественная реакция подростка на случившееся. И что он совершил такого страшного?..

26 мая 1953 года состоялся суд. Удивительно читать, но и там он продолжал отстаивать свою точку зрения! Признавая себя виновным, он в то же вре-

мя считал, что в письме выразил свое личное мнение, решил таким способом изложить всю правду, как живет рабочий и крестьянин. В протоколе судебного заседания записаны следующие его слова: «Клеветы в письме нет, но признаю себя виновным в том, что оскорбил правительство. Я описал в письме безобразия, которые видел сам в рабочем поселке, а также слышал от других людей. Я в данное время придерживаюсь такого же мнения, что рабочие и крестьяне живут плохо, а некоторые работники ответственных постов и коммунисты живут хорошо. Где же равенство?»

И на вопросы судьи отвечал также прямо: «Я ни к кому не обращался за разъяснением, как я мыслю — правильно или нет. Я считал и считаю, что я прав».

Свою ошибку он признал лишь в том, что он «не писал об отдельных личностях, а писал вообще».

И участвовавший в суде прокурор и даже адвокат, осуществлявший защиту Рябова, были единодушны: виновен. Последнее слово вчерашнего школьника было коротким: «Надеюсь на советское правосудие...»

«Правосудие» быстро объявило свой приговор: десять лет лагерей...

Лишь через год с лишним уголовное дело школьника Юрия Рябова пересмотрели и его освободили, снизив наказание и применив амнистию — ту самую, по Указу от 27 марта 1953 года, изданному после смерти «вождя народов»...

Примерно в то же время и примерно за такое же письмо пострадал и ученик шестого класса Зеленопольской средней школы № 1, дважды второгодник и двоечник, шестнадцатилетний Анатолий Лазарев. Его дело вели только полковники и подполковники — шутка ли, ведь Лазарев «изготовил и направил анонимное письмо антисоветского похабного содержания с террористическими намерениями по отношению одного из руководителей ВКП(б) и Советского правительства».

В чем же заключались «террористические намерения» и кто подразумевался под словами: «один из руководителей?»

Письмо было небольшим. Действительно, на листке бумаги нарисован непристойный рисунок, а рядом написано: «Сталина убить надо».

Я заметил: во многих подобного рода делах всегда предпочитали писать именно так — «по отношению одного из руководителей» — подразумевая при этом Сталина. Почему так — мне до сих пор непонятно.

И все-таки почему же он написал и отправил это письмо, за которое, по моим представлениям, его просто следовало отругать или уж, в крайнем случае, выпороть ремнем?

Объяснение школьника было бесхитростным и удивительно простым. Второгодник и двоечник объяснил: «Письмо написал просто с целью узнать — найдут меня или нет; было интересно, как будут читать соответствующие лица это письмо...»

Понимаете — это была просто шутка. Ему было страшно интересно — найдут его или нет? И какие лица будут у серьезных дядек при чтении его

письма? Не важно, что он вскоре забыл о своей шутке, да и не думал претворять в жизнь свои «террористические намерения». Но в это время машина сыска уже заработала. Шли по тому же отработанному сценарию, как и в случае с Ю. Рябовым. Правда, в этом случае искали ни много ни мало целую «банду» — ведь для пущей важности Анатолий подписал письмо интригуяюще: «шайка «Черный ворон»».

Его нашли также быстро, арест последовал 9 июня 1952 года. Дневные допросы сменялись ночными, дотошно выяснялись все вопросы, начиная с такого: «Кто входит в твою банду», и кончая таким, как «Цвет чернил, которыми написал письмо».

«Шутка» обошлась дорого — двадцать пять лет лагерей, без права обжалования приговора. И это еще не все. В шестнадцатилетнем паренке увидели такого опасного врага, что для отбывания наказания его отправили в так называемый «кособый лагерь МВД СССР». Ясное дело, что это был лагерь не для несовершеннолетних и не с улучшенными условиями содержания, а, скорее, наоборот...

Примерно тогда же на железнодорожном вокзале задержали без документов семнадцатилетнего Николая Золотарева. При личном обыске у него нашли и изъняли пол-листа белой бумаги «с карикатурами вождей партии и правительства с подписями контрреволюционного характера». Имевший три класса образования, Золотарев на листке, который впоследствии по делу именовался не иначе как «листовкой», написал (сохраняю орфографию подлинника. — Ф. Б.) «Сталину пулю металлическую в лоп».

17 длительных допросов в течение одного месяца сделали свое дело — семнадцатилетний малограмотный подросток «признался» во многих преступлениях, рассказал о многих своих «замыслах», вплоть до намерений пробраться в Москву и на Красной площади во время демонстрации совершить террористический акт (ясное дело, против кого)?

Выяснилось вдобавок, что подросток везде, где встречал, портил портреты Сталина и плакаты с его изречениями. Ненависть объяснялась просто — в тридцать шестом году за организацию религиозных чтений забрали его отца. Осудили на пять лет. А затем в Севвостлаге в 1938 году за невыполнение нормы выработки, а следовательно, «за саботаж», отца расстреляли...

Сыну дали на «всю катушку» — двадцать пять лет лагерей.

Освобождение к ним также пришло лишь после смерти Сталина: Лазарева освободили в 1954 году, а Золотарева лишь спустя еще два года.

...Всего лишь три дела, три детские судьбы, три жертвы жестокого, бесчеловечного и малоизвестного постановления ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 года об уголовной ответственности детей, согласно которому разрешалось привлекать к уголовной ответственности за контрреволюционные преступления детей начиная с двенадцатилетнего возраста...

Ю. АЙХЕНВАЛЬД

Окончание.

Начало в № 10 за 1990 год

Рисунок
А. Распопова

АНГЕЛ, СТАЛИН И Я, ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

Однажды за обедом, когда мы хлебали щи из одной большой миски (на время приездов бабушки мне ставили отдельную тарелку, но «хлебать» из миски было куда интереснее, чем «есть» из тарелки по-городскому), я вдруг ни с того ни с сего сказал, поочередно указывая черенком своей деревянной ложки на кого-то бородатого на иконе и на Деву Марию с Ее Младенцем:

— Дурак. Дура. Дурачок.

Дядя Афанасий глянул на меня, соображая, что это я сказал, потом шваркнул ложкой об стол и вышел в сени. Тетя Катя ахнула и побледнела.

Я понял, что, желая поддеть стариков, сделал большое преступление, и тут же поправился:

— Тетя Катя, прости меня, пожалуйста, я больше не буду.

— Ах ты, Господи, ты глянь, что с Афанасием-то сделалось! — и, не обращая на

меня внимания, тетя Катя вышла следом.

Когда она дядю Афанасия вернула, он на меня не глядел, сел за стол, молча черпнул щей, а я сказал:

— Дядя Афанасий, прости меня, пожалуйста, я больше не буду.

Он ответил:

— Нехристь ты и есть нехристь. Чего тебя прощать. Бог тебя обидел, Бог тебя и простит.

— За такие слова ложкой тебя надо по лбу! — сказала тетя Катя, отходя.

Потом они два дня со мной не разговаривали (дядя Вагиняк за тот разговор сердился на меня целый месяц). А дальше все пошло, как раньше.

Но все равно, когда к нам на какой-то престольный праздник пришел священник с крестом, я креста целовать не стал, а, чувствуя, что совершаю настоящий проступок, дождался, когда очередь дойдет до меня, встал и сказал громко и гордо:

— Я в Бога не верю. Я пионер.

— Благослови тебя Господь, юноша! — ответил поп и пошел себе дальше.

Что я уже «юноша» — мне польстило. А бабушка, когда я ей похвастался, была недовольна.

— Не надо было обижать батюшку, — сказала она. — Папа Юля («папой» она называла моего дедушку) никогда так не поступал. Когда к нам приходил священник, папа Юля делал вид, что идет в уборную и ждал в ванной, пока священник уйдет.

— Зачем?

— Я тебе объясняю: папа Юля не хотел целовать крест, но не мог обидеть священника.

— Зачем же он крестился, раз он не верил в Бога?

— Он верил в Бога, — недовольно сказала бабушка. — Но он верил по-своему. Он был идеалистом.

— А что это такое?

— Идеалист — человек, который верит, что Бог — это все.

— И я тоже?

— Перестань, пожалуйста. Поди займись чем-нибудь. И точка.

Когда бабушка говорила «точка», это значило, что она сердилась и по-моему уже не будет.

«Точка, точка, чертова дочка!» — кричал я тогда со злости, если куда-нибудь убежал, а если оставался, то бормотал это себе под нос, чтобы бабушка не придиралась, что я «грублю».

У всех с Богом были сложные отношения.

Я, например, в следующее лето, в 1939 году, вдруг даже поверил в Бога.

Адик, московский мальчик, чья семья снимала дачу в одной деревне с нами, нашел в земле медную маленькую иконку. Она удивила меня тем, что глаза на лицах были большие и круглые, как колесики. Мне захотелось ее иметь, и после того как Адикова тетка, художница, сказала, что иконка не имеет особой ценности, я выменял иконку на двадцать штук оловянных солдатиков. Среди солдатиков, кроме зеленых и тусклых, не особенно ценных пехотинцев и трубачей, было пять редкостных балтийских матросов, черных и сверкающих.

Вот в это самое время я и решил, что Бог существует, а где именно — неважно. И об этом не надо спрашивать.

Бабушка отнеслась к моему открытию вполне приветливо, и, когда я попросил ее научить меня какой-нибудь молитве, она научила меня самой главной: «Отче наш».

Потом я попросил бабушку достать где-нибудь настоящую икону. Бабушка мне привезла из Москвы маленькую деревянную иконку, где на сияющем золотом фоне глянцеви́тыми, словно не высохшими еще красками была нарисована Богородица с Младенцем.

Мне очень понравилось вглядываться в лицо Богородицы, красивое, с прозрачным румянцем и неподвижными грустными глазами. Однажды я вглядывался так долго, что эти глаза вдруг стали очень большими, ожили и во всем лице проскользнуло движение. Икона оставалась такой, пока от напряжения слезы не застлали мне глаза.

После того случая я пытался снова добиться такого состояния, своего и иконы, но не всегда удавалось.

В сентябре, с началом учебного года, я потерял к этой иконке всякий интерес, и бабушка вернула ее нашей соседке по квартире. К тому, есть Бог или нет, я тоже потерял всякий интерес: к моему существованию это обстоятельство вдруг перестало что бы то ни было прибавлять.

Правда, от привидений и прочих напастей я каждый раз на ночь тайком от бабушки крестил знаменем стены, двери, окно и углы комнаты отдельно. Однако ведь крестный знак был сам по себе надежнейшим средством от всякой ночной нечисти, которая порой появлялась.

Зато перед самой войной я познакомился с одной причудливой московской семьей и после этого объявил себя тео-

софом, что раздражало дядю Вагинака.

Бабушка и к этому тоже отнеслась вполне терпеливо.

Потом началась война, и в октябре 1941 года бабушка споролась с моего буденовского шлема черную звезду.

Этот шлем принадлежал прежде тете Тане, которая до ареста преподавала высшую математику в военно-химической академии. На шлеме с шишечкой все равно остался темно-серый силуэт.

— Зачем ты это сделала? — с отчаянием спросил я.

— А если немцы придут? — ответила бабушка.

У нас во дворе на помойке стояли в те дни аккуратно связанные стопки томов ленинского собрания сочинений, малиновые с черным и красивым ленинским профилем на переплете. Я был очень удивлен глупостью людей, не понимающих, что эти книги все равно потом понадобятся. Мне было совершенно очевидно, что немцы Москву не возьмут.

— Немцы сюда не придут, — сказал я бабушке. — Но если ты боишься, давай уедем.

Бабушка на это возразила:

— Ты же видишь, что делается кругом? Куда я, слепая старуха, с тобой поеду?

— Но ведь дедушка Юля был еврей, — сказал я, потому что мне было интересно, как бабушка ответит.

— Папа Юля был очень известный человек, Юрочка. Немцы в конце концов интеллигентные люди, — ответила бабушка, зашивая дырку на моей старой шапке, потому что оскверненную буденовку я носить отказался.

— Кроме того, твоя мама русская, а папа Юля крестился. За то, что он крестился, Бог будет карать его род до третьего колена.

— А я какое колено?

— Третье, Юрочка.

— Тогда Бог — скотина, — сказал я.

О Сталине, разумеется, я так не отзывался, хотя Александр Македонский был более велик, чем Сталин.

— Не говори так о Боге, Юрочка, — попросила бабушка. — Судьба этого не любит.

Но что такое «судьба»?

Может быть, так называется Бог для неслухов?

А война все шла и шла, и я не становился смиреннее и послушнее.

В 1943 году мне было 14 лет, я окончил ремесленное училище связи и работал на военном заводе по двенадцать часов, как все. От отца писем не было. От мамы было одно или два. Бабушку отвезли в инвалидный дом. В нашей коммунальной квартире никто не жил, потому что из раковин, унитаза и кранов торчали сосульки и глыбы разноцветной замерзшей воды. На ступенях лестницы тоже застыл ледопад.

Я жил на заводе, наверху административного корпуса, в комнате добровольцев-пожарников, где спали безо всякого белья, но под одеялами и на кроватях.

Добровольные пожарные дружинники все были хмурые и плотные мужики из деревень, у каждого была тумбочка с висячим замком, и каждый в нее что-нибудь прятал.

О бабушке и матери я не думал, а думал о том, где достать поесть.

Люди делились на две категории: на красношеих людей, этим я завидовал, потому что они были сыты, и от этого у них над воротниками были удачливые, бодрые зарывки, и на бледношеих, голодных, как я.

Так я и развлекался в метро: бледная шея, бледная шея, а вон и красная! Красные, крепкие от сытости и силы шеи радовали, внушали уважение и надежду.

Книжек я читал по-прежнему много, но помню, как в трагических судьбах каких-то средневековых героев меня радовало, что они пировали. Офелии я бы так и сказал: «Наелась, ну и иди в монастырь: там тоже кормят».

Я начал поворовывать, сперва казенное, радиодетали, которые плохо шли на барахолке, а потом и еду у добрых людей, пытавшихся мне помочь. Добрые люди справедливо ожесточались. Их сердца разбивались о мою черствость.

Я мог бы быть другим, Господи, и хотел быть другим, но ничего не получалось. И деньги, которые оставшиеся знакомые передавали мне для бабушки в инвалидный дом, я не посылал ей, а проедал на рынке. Бабушка умирала в инвалидном доме от старости и от голода. Сталин любил власть, а я — еду: картофельные пирожки с капустой, сгущенное молоко и белый хлеб.

Вождь и Красная Армия были мне защитой.

Должно быть, из-за таких, как я, Ангел, и не мог сказать Сталину:

— Будьте наивны, как дети.

Следовало сказать в этом случае: будьте наивны, но только как хорошие, неиспорченные дети.

Однако ведь глобальные афоризмы нельзя уточнять оговорками, а так как я именно этим склонен заниматься, то и по этой причине оказываюсь «третьим лишним».

Люди продолжали мне помогать, если обращали внимание.

Например, однажды в ночной смене, когда весь огромный цех был черен и пуст и только наш уголок светился, ко мне подсел начальник цеха Вахрушев, у которого была бледная, недостойная везучего человека, шея. Он стал спрашивать меня, кто я и откуда. Сам он ничего не говорил, но спрашивал подробно и, как мне показалось, участливо.

А я все рассказывал живо, а не жалобно и надеялся, что он мне за это что-нибудь даст.

Но ничего не последовало.

— Это он тебя выпытывал, — сказала мне напарница, старая работница этого завода. — Ты еще не знаешь, какой он гад.

Потом в административном корпусе, где я жил наверху, директор завода, подполковник, устроил по какому-то случаю банкет для ИТР, инженерно-технических работников, у которых и без того был особый зал в столовой.

Я стоял лестничным маршем выше входа на этаж, где был банкет. Другие добровольные пожарники проходили, оставались послушать музыку, уходили, а я смотрел, как изнутри забеленных стеклянных дверей, словно в театре теней, мелькали силуэты, и упрямо ждал.

Выходили и входили женщины в праздничных шелковых платьях, с раскрасневшими лицами, офицеры — этих кормили всегда хорошо — и мужчины в незадачиво штатских довоенных костюмах.

Вдруг вышел Вахрушев, увидев меня, поднялся ко мне и спросил:

— Ты чего тут стоишь?

Лицо у него было красное от вина и удовольствия.

— Я есть хочу.

Вахрушев, ничего не сказав, ушел, куда шел, вернулся за стеклянную дверь, около которой был охранник, а я так же, как до него, стоял себе и ждал просто так: вдруг кто-нибудь что-нибудь даст?

Тут опять вышел Вахрушев и быстро поднялся ко мне с миской, до краев полной лиловым и красным вишнегретом.

— Уходи отсюда, — сказал он и дал мне всю эту миску. — Не стой больше.

Но что же мне было теперь стоять? Гордости у меня никакой не было, стыда или смирения тоже. Но и ложки у меня не было. Я попробовал есть ножом — не получилось. Просить у пожарных добровольцев — спали еще не все — было невыгодно: тогда надо человеку оставить вишнегрета.

Поэтому я с головой накрылся одеялом и в этой суконной берлоге съел все руками, а ладони потом оттер противопожарным песком (мыло, которое полагалось, я давно продал, а деньги проеел).

У многих людей все в войну упростилось до неузнаваемости.

Кроме них самих, никто во всем этом не был виноват.

— Таковы, Господи, люди Твоя! — сказал бы я Ангелу на месте Сталина. — Но вот как им было трудно и плохо.

А на месте Ангела я ответил бы:

— Все, что копили эти твои люди кровью кривдой, гибло.

— Поэтому другими средствами, чем было скоплено, ничего нельзя было бы сохранить, — сказал бы мне Сталин.

И в качестве Ангела я бы ответил:

— Ну и пропади тогда все пропадом! Но сказать так может только тот, кто очень далеко отсюда. Ангел был как раз из таких.

Поэтому на месте Ангела я не буду, а на месте Сталина не хочу быть. Однако утверждать, что Сталин был, а Ангела быть не может, я тоже не в силах.

Тем временем жить мне полегчало: няня Наташа вернулась из эвакуации и поступила дворником в соседний дом.

Но все равно полбуханки редкостного и пышного белого, которую няня Наташа послала дяде Афанасию и тете Кате, я, отщипывая кусочек за кусочком и все надеясь остановиться, съел по дороге в поезд. Я был горд и счастлив, что еду поесть досыта, а у многих бледношеих вокруг меня такой перспективы не было.

В деревне в 1941 году побывали немцы не двое суток, и все произошло, как передают по радио: у дяди Афанасия сожгли избу и увели корову, а немцы, когда вошли, сняли с него валенки прямо на улице.

Немец сказал ему что-то по-своему, и так как у них не возникло взаимопонимания, то немец ударил дядю Афанасия ногой в живот, чтобы дядя Афанасий сел в снег.

Потом немец снял с него валенки и пошел со своим автоматом дальше на восток.

Дяде Афанасию было уже под семьдесят, тете Кате — столько же, но они срубили себе новую избушку из двух окон, маленькую, однако с русской печкой. Дядя Афанасий знал все деревенские ремесла: был сапожником, печником, плотником, плел корзины и умел катать валенки. Бревна для новой избы старики таскали из лесу на себе. Поэтому новые бревна, из которых сложили избушку, были много тоньше обычных.

Старики мне обрадовались, когда я приехал, и жалели меня.

Про то, что я съел их белый хлеб, я ничего не сказал.

— Не кончили ее по радио играть, песню эту? — спросил дядя Афанасий за ужином из печеной картошки вдоволь и своего, клейкого, как глина, тоже почти картофельного, хлеба.

Оказалось, что он имел в виду «Интернационал».

— Другую надоть песню, — сказал дядя Афанасий. — Там вокруг этой песни евреи одни сидят. Они нас под войну подвели.

Я так удивился, что даже ничего про это не спросил. Я спросил только, кто победит.

— Иисус Христос в Ерусалим въехал на одном осле, а Гитлер на четырнадцати едет. Вот и считай.

— На каких четырнадцати?

— Сколько он держав покорил? Четырнадцать!

Я не знал, как считать: с одной стороны, осел — ругательство, значит, чем больше ослов, тем хуже. С другой — четырнадцать сильнее одного.

Дядя Афанасий говорил так жестко и окончательно, что ни спорить, ни спрашивать я не стал.

А накануне отъезда тетя Катя попросила меня лечь в гроб.

Дядя Афанасий сделал себе этот гроб заранее.

— Афанасию нельзя в гроб ложиться, — объяснила тетя Катя. — Примета плохая. А тебе все равно — жить да жить.

Роста мы были почти одинакового.

Гроб был некрашеный, сосновый, в нем приятно пахло смолой.

— Ты потянись, потянись, — говорила тетя Катя. — Голову-то совсем положи.

Мне было смешно, я закрыл глаза и сложил руки на груди крестом.

— Так не надо, не надо, — сурово сказал надо мной дядя Афанасий. — Глаза открой, руки вдоль вытяни.

В Москву старики дали мне полмешка картошки и свеклу. Больше я их не видел. Дядя Афанасий через год умер, а тетя Катя совсем ослепла и пошла по миру. В это же примерно время умерла и няня Наташа. Она темным ранним утром дворничиха, сгребала снег, и ее насмерть зашиб троллейбус.

Дядя Вагинак пошел добровольцем в ополчение и погиб.

Тетя Поля умерла очень быстро после тюрьмы, куда ее упрятали жулики из магазина, которых она, инспектор карточного бюро, хотела разоблачить в их же родном Азербайджане. Жулики и обвинили ее в превышении власти.

Бабушка умерла в инвалидном доме.

Перед тем она писала тете Тане в лагерь о моем отце: «Про Сашу ничего не знаю, боюсь, что гитлеровские бандиты увели его из Орла в Берлин на работы. Ну, такова судьба, а с судьбой спорить не будешь...»

Письмо это сейчас хранится у меня. А бабушка так и не узнала, что отца в ночь с 11 на 12 сентября 1941 года расстреляли в орловской тюрьме. Я сам только недавно узнал об этом от одного из уцелевших заключенных. В ту ночь из камер на расстрел забрали не всех, а кого надо: папу, например, Сталин еще до первого ареста несколько раз вызывал для личных бесед к себе в Кремль, а потом нехорошо помнил в «Кратком курсе» истории партии и в каком-то выступлении.

Словом, в этом деле судьба обошлась без гитлеровских стервятников, одними сталинскими соколами.

Мама и тетя Таня остались живы.

Война кончилась.

Мы победили.

Года через три после войны, когда я уже учился в институте, тетя Таня меня спросила, верю ли, что отец — враг народа.

В 1944 году я наводил справки, и на Лубянке мне ответили, что 8 сентября 1941 года он был приговорен еще к десяти годам «режимных» лагерей без права переписки, а «сведений о смерти пока не поступало». Свидетельство о смерти отца я получил только в конце пятидесятых годов, и там было сказано, что он умер в 1943 году, кажется, от воспаления легких, а место смерти не значилось.

Впрочем, и в 1944 году я смутно понимал, что на самом деле означает ответ сухощавой, подтянутой женщины-майора с сединой в волосах и ледяными голубыми глазами.

От отца остались фотографические карточки, а сам он словно растаял в воздухе, так и не став для памяти чем-то осязаемым.

Тете Тане я отвечал:

— Папа не был врагом народа. Все это чепуха. Но у государственной машины должен быть один рулевой. Папа виноват без вины, а Сталин прав силою будущего.

— И все было такой ценой! — сказал, наверное, Ангел Сталину.

Конечно, в своей вине был виноват я сам. Но ведь Ангел говорил со Сталиным, а не со мною.

— Нельзя с такими людьми дешевле, Господи! — ответил, вероятно, Сталин, как, впрочем, и миллионы других на его месте.

Но вряд ли Ангел стал с ним или с ними торговаться, как на базаре, можно было подешевле или нельзя. Ведь Ангел неизмеримо лучше Сталина знал цену живому и мертвому, потому что он умел создавать и все это, и не только это.

Так что на месте Сталина я бы просто сдался на милость Божию, открылся бы Ангелу всюю жизнью, чтобы он меня по-человечески понял, а может быть, простил.

Но едва ли Ангел захотел бы все это понимать по-человечески: на то он и Ангел, чтобы по-своему понимать человека.

А такой тонкости, как пропасть между помыслом и поступком, Ангел мог попросту не заметить: ведь сверху ему было видно, как эта пропасть неуклонно заполняется мертвыми телами, причем Авеля еще можно бывает узнать, поскольку он убит, а вот кто именно Каин, установить уже невозможно: одни нажимают кнопки, другие ставят резолюции, — только и дела!

Поэтому разговор Ангела и Сталина после всего, мною пережитого, должен был протекать так:

II

Сталин сказал: «Господи!»

И ему явился Ангел.

— Спаси меня, Господи, и помоги! — сказал Сталин.

— Покайся! — отвечал Ангел.

Сталин понимал: нужно покаяться в том, что он — вождь и приказывал убивать. Каяться Сталин отлично умел, кого угодно мог научить, как это делается. Но искренне покаяться в том, что он был и остается Вождем, Сталин не мог: он ведь не хотел сделаться с помощью Божией пастухом или кондитером. Он хотел остаться вождем.

При этом Сталин знал, что обмануть Ангела невозможно.

Чтобы выиграть время, Сталин стал мучительно искать, в чем же он смог бы покаяться от всей души.

Гитлер, другой вождь, обманул его однажды. Это глубоко оскорбило Сталина, а Советскому Союзу принесло большой ущерб.

— Я бывал слишком доверчив, Господи! — сказал Сталин.

Он знал, почему это случилось с ним: юношеские иллюзии медленнее, чем надо, уходили из его сердца. А в юности его идеалом был благородный абрик, кавказский рыцарь Коба из романа Казбеги «Отцеубийца». Сталин даже требовал, чтобы его и в жизни звали «Коба».

Но потом обстоятельства заставили Сталина полюбить все то, что Коба ненавидел.

Коба презирал русских: русские солдаты и казаки были трусливыми ворами, а офицеры — заносчивыми негодяями.

Впоследствии Сталину пришлось называть русских доблестным старшим братом в братстве советских народов. Пришлось даже на большом собрании особо поблагодарить русский народ от имени Советского правительства и своего: «Другой народ сказал бы нам: подите прочь! Русский народ не сказал нам этого».

Шамиля, который для Кобы был соколом Кавказа, Сталин объявил английским шпионом. А чеченцев — их свободолобием Коба был восхищен — Сталин выселил с Кавказских гор в казахские степи на вырождение и гибель.

И в конце концов Сталин стал уничтожать всех, кто звал его «Коба». Тем более что наступило время, когда ему не пристало больше зваться именем персонажа из чужого романа. Теперь его именем — «Сталин» — называли города и корабли.

Но одну фразу Кобы Сталин помнил всю жизнь.

Когда бесстрашный Коба, отведя нацеленный на него ружейный ствол могучей левой рукой (у самого-то Сталина левая рука с детства была большая), заколол подлого врага одним ударом кинжала в правую руку, то вот что он сказал поверженному врагу прямо в лицо, уже искаженное смертью:

— Зачем ты напал на меня? Зачем заставил пролить свою кровь, несчастный?

То же самое Сталин мог бы сказать в лицо и Троцкому, и Каменеву, и Зиновьеву, и Бухарину, и многим другим, кто нападал на него в честном бою или исподтишка, прикинувшись другом.

Ангел молчал.

«Зачем он ко мне пришел?» — подумал Сталин, хотя сам же его позвал.

Тут он вспомнил, зачем: все еще может решиться как надо. Только нельзя лгать. Впрочем, Сталин ослабел до того, что на ложь у него уже не было сил.

— Я хочу жить, Господи! Я хочу жить! — сказал Сталин. — Сейчас я не могу покаяться. Я, может быть, потом покаюсь. Спаси меня!

— Я не могу спасти тебя и не погубить других, — отвечал Ангел.

— Не допусти меня, Господи, до новых грехов! — хотел было сказать Сталин, но вспомнил, что ему непременно нужно будет кое с кем рассчитаться.

Ангел молчал. Сталин чувствовал, что время истекает.

— Зачем же, Господи, ты допускаешь меня до грехов моих? — воскликнул Сталин в отчаянии.

Но вопрошающему не было ответа.

Пока человек живет, он надеется. Вот и Сталину молчание Ангела показалось вдруг скорее сочувственным, чем угрожающим. Что, если Ангел, глядя на Сталина, скорбел о горькой участи людей? «Может быть, он мне не поможет, но хотя бы не помешает спастись самому», — подумал Сталин. — Да, Бог ни за что не отвечает перед человеком, а человек за все отвечает перед Богом. Тогда зачем человеку Бог? Надо будет скрыть от людей, что Бог существует».

Ангел грозно преобразился.

Сталин увидел, что это смерть.

— Ты не Бог! Ты не Бог! Ты убийца! Помилуй меня, Господи, и помоги! — закричал Сталин, ибо теперь твердо знал, что должно быть надо всем справедливое, всевышнее, могущее спасти.

Смерть шла к Сталину.

Сталин поднял руку, с гневом и ужасом защищаясь.

Окружающие приникли к нему.

Рука человека лишилась жизни и легла рядом с телом.

III

Разговор Ангела и Сталина длился одно мгновение.

Я за это время не успел даже перевернуться с боку на бок у себя в сумасшедшем доме.

После второго ареста по обвинению в антисоветской деятельности, которое снова было ложным, я стал больным-заключенным ленинградской тюремной психиатрической больницы, и меня лечили сном.

Я спал подряд целыми сутками.

Однажды я встал и вышел в коридор, потому что срок моего лечения кончился. Голова моя была набита клочьями сна, как ватой.

Вдруг из окна я увидел отрезанный наискось забором кусок улицы с траурным флагом.

Репродуктора на своем месте не было.

Что-то случилось в этой стране, пока я спал.

В отделении было пусто и тихо. Шло время мертвого часа. Вдруг появился Коля Супругин, вор. Он попал к нам за побег, и мы его политически перевоспитали (я тоже политически перевоспитался к этому времени). Колина рубашка была расстегнута, бросалась в глаза наколка на груди: танк и мертвенно синий орден Красной звезды.

— Что случилось, Коля? — спросил я.

— Вроде Кабысдох при смерти, — ответил, озираясь, Коля.

Словом «Кабысдох», двухсложным, звучавшим, как противно пахнущая хлопущка, мы между собой обозначали Сталина. Но до меня долго не доходило, что самое слово это исторически сложилось из двух: из слова «кабы» и слова «сдох», — а все в целом составляло пожелание долгой жизни этому человеку.

— По палатам, спать! — приказал возникший откуда-то дежурный сержант в черных начищенных сапогах и белом халате.

— Я из сонной палаты, — сказал я. — Снотворное кончилось.

— Ничего не знаю, — отвечал сержант. — Раз тебе велено, иди лечись, спи.

Потом в наше отделение сумасшедшего дома принесли газеты за несколько дней и вернули радио.

И я тоже узнал, что Кабысдох — сдох.

Добрее этой фразы я не был и боюсь, что уже не стану.

Сталин умер.

Ангел улетел.

Я, третий лишний, остаюсь жить.

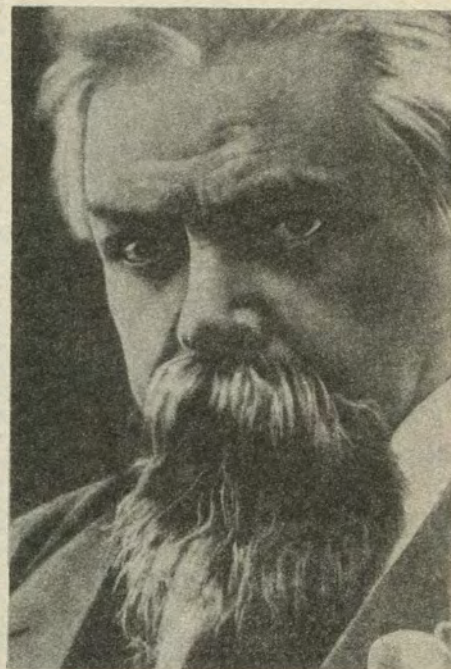
1964—1988 гг.

С. СИВОКОНЬ

ПИСЬМА ИЗ ЛОЗАННЫ

(Корней Чуковский и Николай Рубакин)

«Заговор молчания»!

Так же как и гениальные «Сказки» Корнея Чуковского, книга «От двух до пяти» — одно из самых оригинальных творений этого автора — не избалована глубокими, умными, а главное — конструктивными и отзывами критики. Рецензии и просто отклики, напечатанные о ней в периодической печати, можно буквально пересчитать по пальцам. Я уж не говорю об отзывах положительных — их и того меньше...

Не правда ли — странно для книги, которая писалась шестьдесят с лишним лет, а печаталась даже больше (если считать до сегодняшнего дня, за это время вышло около тридцати изданий)...

Почему так редко откликалась пресса на эту уникальную книгу?

Ответить на этот вопрос нелегко. В письме к одному из своих корреспондентов, журналисту Рафаилу Григорьеву, Корней Иванович жаловался даже на «заговор молчания» вокруг его книги. Ответное письмо Р. Григорьева (от 6 октября 1956 года) представляет большой интерес для решения поставленного вопроса. «...По себе сужу, — писал он, — что «От двух до пяти» работает не только на сознание, но и, пожалуй, еще сильнее — на чувство. Если б книга представляла собой только материал для научных суждений, — она не вызывала бы таких эмоций, как вызывает. Для меня — и, уверен, для многих — это прежде всего поэтическая книга, отсюда ее большая притягательная сила. Склонен думать, что отсюда же и молчание критики, о кото-

ром Вы говорите. Высокий и подлинно гуманистический строй внешне очень скромной работы вклинивается в сей жестокий век инородным телом. Что, мол, за тема? Позволительно ли в наше время, когда и прочее — вкладывать столько труда и душевных сил на такое дело? Да и увязывается ли это с такой-сякой резолюцией?.. Очень возможно, появившись эта работа впервые теперь, за последние год-два, она «имела бы прессу».

Но ведь время ее рождения хронологически совпадает примерно с эпохой расцвета педологии. Так что нечего Вам бога гневить — ликовать надо, что промолчали и дали живому ноги унести...

Р. Григорьев знал, что говорил. Советские педологи, при некоторых достоинствах их науки (они, например, первыми у нас стали применять тесты, анкеты и опросы), отличались тем, что любили наклеивать политические ярлыки к неугодым им лицам и книгам; а книга Чуковского «От двух до пяти» (в первых двух изданиях она называлась «Маленькие дети») очень для этого подходила. Да и памятные схватки Корнея Ивановича из-за «Мюнхаузена» или его собственной «Путаницы» происходили главным образом с педологами...

Заметим также, что самому Р. Григорьеву не вполне благополучно удалось «ноги унести» из журналистики как раз той эпохи, когда создавались «Маленькие дети»: многие годы после этого он провёл в лагерях и ссылках.

Думается, что и с отсутствием серьезных печатных откликов на «От двух до пяти» Григорьев был прав. На протяжении многих лет педагоги и критики, по сути дела, не знали, что им делать с этой

необычной книгой. И те, и другие заметно сторонились ее. Литераторы считали слишком научной, а педагоги и психологи, напротив, в научности ей отказывали.

«Еще недавно некоторые из рецензентов моей книги, — сообщал в 1955 году Корнею Ивановичу психолог В. Колбаковский, имея в виду свою книгу о воспитании детей в семье, — указывали мне на то, что я напрасно пользуюсь таким источником, как Ваша книга («От двух до пяти»). — С. С.). Это, мол, не научный труд.

Но никто из них, — добавляет он, — не мог ответить на мой встречный вопрос: «Не укажете ли Вы мне лучшую книгу?»

Этот тяжелый 1929-й...

Однако в этом печальном правиле официального неприятия замечательной книги Чуковского было одно исключение, и сейчас мы о нем расскажем.

Весной 1929 года, через год после выхода книги Чуковского «Маленькие дети», Корней Иванович получил неожиданное письмо из Лозанны (Швейцария) на бланке Международного института библиопсихологии, директором которого, судя по подписи, был доктор Н. А. Рубакин.

...1929-й был для Чуковского тяжким годом. ГУС (Государственный Ученый Совет) в очередной раз запретил его сказки; всего год назад в «Правде» появилась резко критическая статья Н. К. Крупской «О «Крокодиле» К. Чуковского», по сути, зачеркивавшая не только «Крокодила» (детьми встреченного просто восторженно), но и работу Чуковского над Некрасовым. Правда, дней через десять в той же газете появилось письмо

М. Горького в защиту некрасоведческих трудов Чуковского («Крокодила» Алексей Максимович защищать не стал), но удар Н. К. Крупской это только ослабило — не отменило.

Наконец, совсем незадолго до письма Н. А. Рубакина, в феврале 1929 года, в том же самом журнале «Книга детям», где одновременно с «Правдой» год назад была перепечатана упомянутая статья Крупской, появилась статья писателя Бориса Шатилова «О «Заповедях» Чуковского, о воскресении Лазаря и о прочем», острием своим направленная против книги Чуковского «Маленькие дети», ибо «Заповеди» (для детских поэтов) предназначались именно для нее.

Окрестив «Заповеди» — «мертвыми догмами», Шатилов категорически отвергал необходимость учиться у классиков и у детей, к чему призывал детских поэтов К. Чуковский. Шатилов был убежден, что «лучше писать плохо, но по-своему». «Мертвый Лазарь» для него — это старое содержание, облеченное в старые формы. И вот, по его убеждению, этот «мертвый Лазарь» все еще смердит в детской литературе, оттого так много в ней Смердяковых». В их число попали у Шатилова и Чуковский, и Маршак, и Хармс, и Вера Инбер.

Жизнь посмеялась над такими оценками, а заодно и над их автором. Большинство поэтов, зачисленных Шатиловым в Смердяковы, стали классиками нашей детской поэзии, а вот сам Шатилов, казалось бы, точно знающий, как писать для детей, не создал за свою жизнь ничего замечательного, кроме изрядно устаревшей ныне книги о Пушкине (учиться у которого он не советовал!) да «Повести о товарище Кирове», написанной сразу с тремя соавторами...

Своя своих не познаша...

Можно понять поэтому, с каким волнением, радостью, горячей благодарностью к автору читал Корней Иванович в апреле 1929 года зарубежное письмо незнакомца (как ему казалось) доктора Рубакина.

«Глубокоуважаемый Николай Иванович, — писал Рубакин, — давно хотел я послать Вам сердечный привет и выразить наше искреннее восхищение Вашими работами, во-первых, Вашими детскими книгами, в основу которых Вы положили принцип чисто библиопсихологический, принцип изучения психологии читателя; во-вторых, Вашими трудами по исследованию детского языка; в-третьих, Вашей критикой критиков, смешивающих свои собственные суждения о книгах с суждениями всех других читателей иных психических и социальных типов. Что писать — это вопрос общечеловеческий, но как писать — это вопрос психологии того, для которого книжка предназначается. Вот этот принцип Вы и стали проводить в детской литературе чуть ли не раньше всех других детских писателей, и он вдохнул в Ваши детские книги, как и в Ваш талант, непреодолимую силу. Без «Крокодила» теперь нельзя обойтись».

Рубакин, конечно, не читал статью

Крупской, где «Крокодил» был назван «буржуазной мутью» и давать его детям не рекомендовалось, — но фраза о «Крокодиле» будто нарочно была вставлена в его теплое, уважительное письмо и проливала целительный бальзам на еще не зажившие раны Корнея Ивановича.

«Пишу Вам вот по какому поводу, — продолжал между тем Рубакин, — хотя и не уверен, что это мое письмо дойдет до Вас (прошу скорее откликнуться). Вот уже пятый год наш Институт составляет, по поручению Международного Института Интеллектуальной Кооперации, списки наиболее значительных книг, появившихся в течение данного года на русском языке. В список вводятся только такие книги, которые выходят первым изданием, не переводные и имеющие интерес не только для русских читателей. Всего 40 книг, в том числе и детских. Мы имеем намерение поместить в список 1928 года труды, удовлетворяющие вышеуказанным требованиям. Список, нами составляемый, печатается на французском языке и распространяется в большом количестве в 52 государствах. Если не ошибаюсь, Ваша книга о детском языке вышла в 1928 году. (Имеются в виду «Маленькие дети». — С. С.) Хотелось бы поместить и ее.

Но нас интересуют не только те Ваши книги, которые появились в 1928 г., а и все другие. В настоящее время наш Институт принимает деятельное участие в организации двух выставок: 1. Международной выставки детских книг, устраиваемой Институтом Руссо в Женеве в июле этого года. 2. Выставки графических искусств СССР, ее устраивает, совместно с нами, здешний представитель ВОКС (Всесоюзного Общества культурной связи с границей. — С. С.). На этих двух выставках будут фигурировать русские книги, вышедшие после 1917 г.

Чтобы поместить Ваши книги в международный список или на выставку, необходимо, согласно правилам нашего Института, просмотреть их. Поэтому я, от имени Института, обращаюсь к Вам с просьбой прислать нам возм[ожно] более полную коллекцию Ваших трудов.

Кроме того, не найдете ли Вы возможным составить для нас список (примерный, предварительный) из 40—50 русских книг, вышедших в 1928 г., которые мы, по Вашей рекомендации, и постараемся добыть и рассмотреть в вышеуказанных целях. Ваша рекомендация для нас имеет весьма важное значение, как мнение тонкого критика, на которого можно положиться».

Любопытно, что и автор письма, и его адресат, видимо, слегка подзабыли, что давно и хорошо знакомы друг с другом. Заметьте, что Рубакин называет Корнея Ивановича Ник о л а е м Ивановичем, хотя еще в 1911 году называл его правильно и даже приглашал приехать к нему отдохнуть (в Швейцарии Рубакин поселился в 1907 году, вскоре после первой русской революции). Что же до Чуковского, то, получая письмо, он не подозревал, что этот самый Рубакин — один из кумиров молодежи, просветитель и популяризатор, энтузиаст народного самообразования, в пользу которого он написал без малого три сотни книг.

В письме к Рубакину, относящемся к тому же 1911 году, Корней Иванович вспоминает: «Еще мальчишкой — как я собирал копейку за копейкой, — складывал, чтобы купить Рубакина «Рассказы о делах в царстве животных», «Чудо на море», — а позже в «Новом Слове», в «Северном Вестнике» — я строчки Вашей не пропустил. Приходил в библиотеку, брал старые журналы — и сейчас даже шрифт помню, каким были напечатаны Ваши «Взыскующие града». Какой Вы счастливый человек: Вы поняли, что нужно людям, — и Вы делаете именно то, что нужно, несомненное дело. Каждая Ваша книга насущно нужна — это не суфле, не шоколадный крем, это — хлеб. И сколько Вы уже сделали, сколько написали, скольких научили. И нигде не свернули в сторону. Вы беллетрист, но ни разу не написали повести «просто так, ни для чего». Вы — ученый, но и здесь не ушли в отвлеченности. Я был удивлен, когда увидел Ваш портрет: мне до того казалось, что Вы старый старик. И вот как порадоваться всем Вашим книгам, когда в России заведут всеобщее обучение!»

Если еще в 1911 году Рубакин представлялся Чуковскому «старым стариком», то и неудивительно, что Корней Иванович не ожидал получить от него письмо 18 лет спустя! И все же это был он, «библиофил и популяризатор», «книсправимый фанатик книги и книжный червяк, еще работающий по 14—16 часов в сутки и крепко верящий в то, что из книги, путем научно организованных исследований, действительно можно и должно сделать самое могущественное орудие борьбы за человека, за истину и справедливость», — как он себя сам характеризовал.

И вот «своя своих не познаша», как говорили в старину...

«А Ваших книжек не забудут...»

Уже уладив это недоразумение и как бы заново познакомившись, Чуковский и Рубакин продолжали переписку.

Чуковскому идеи Рубакина были очень близки: он сам посвятил свою жизнь эстетическому просвещению народа, неся ему в максимально доступном, увлекательном виде все, что узнал и понял.

Когда-то, еще в 1907 году, Александр Блок, отметив талантливость молодого литературного критика Корнея Чуковского, появившегося на столичном горизонте, утверждал в то же время, что у его критики «нет почвы», что она не несет «длинной фанатической мысли».

75 лет спустя, в 1982 году, биограф Чуковского Мирон Петровский так возразил на это: «длинная фанатическая мысль» у Чуковского была уже тогда, когда о нем впервые написал Блок, просто на первых порах Корней Иванович не вполне сознавал это. Мыслью этой, говорит Петровский, был для него синтез демократии и культуры — демократическая культура, подлинная культура для всех.

Нет, это не пресловутая «массовая культура», или, как теперь говорят, «кич»: «массовая культура» — чисто развлекательская, убажывающая культура для обывателей и в мыслях не имеющая

воспитательных целей. «Сделайте мне красиво», — как говорила сатирическая героиня пьесы В. В. Маяковского «Баня» мадам Мезальянсова, — вот главный принцип «масскультуры».

Кстати говоря, Чуковский в свое время одним из первых исследовал явление кича, — на 20—30 лет раньше, чем этим занялись ученые Запада (а наши — и того позже). Еще в 1908 году он напечатал статью «Нат Пинкертон и современная литература», посвященную этой теме и привлечшую сочувственное внимание Льва Толстого. В связи с этим М. Петровский — может быть, несколько экстравагантно — предложил расшифровывать неизвестно от чего происходящее слово «кич» инициалами К. И. Чуковского...

В том же 1929 году Н. А. Рубакин сообщает Чуковскому: «...Специальная Комиссия нашего Института вынесла такое решение о Вашей, прямо-таки замечательной книге о «Маленьких детях»: признать эту книгу одной из самых выдающихся книг по детской психологии и по психологии детского языка в особенности и внести ее в Международный список самых замечательных книг. Кроме того, Комиссией было особенно отмечено, что помимо психологических достоинств Вашей книги, заслуживает особого внимания та любовь к детям, искренняя, тонкая и нежная, какою проникнута вся Ваша книжка».

Еще в одном письме, все того же 1929 года, поблагодарив своего корреспондента за присылку второго издания «Маленьких детей», Рубакин сожалеет, что эта книга «совершенно не может быть передана на иностранных языках. Но мы звоним о ней среди здешних психологов и педагогов во все наши колокола», — добавляет он. — Виданое ли дело, чтобы знание, и понимание детской души так красиво соединялись с искреннейшей любовью к ней, как это наблюдается в Вашей книге. Вы и аналитик, Вы и синтетик, и исследователь, и художник. В Ваших книгах и автор, и дети одинаково живые люди, и до какой степени жалки перед Вами разные там силлогизмы на двух ножках, постулаты казенные — издатели, умеющие танцевать только от своей, всем очертанной и всеми вымучиваемой печки и не способные оценивать такое проникновенное психологическое творчество, как Ваше. Верьте, что таких горе-издателей все забудут, а Ваших книжек не забудут, — свидетельствую о том, как фанатичный книжный червяк, для которого читатель — все, а издатель, как и цензор, — ничто».

И хотя Корней Иванович в одном из писем Рубакину признается: «...Вы и представить себе не можете всей меры моего невежества. (Я самоучка, человек очень темный.) Не забудьте, что Вы старый энциклопедист, Гумбольдт, человек, привыкший к терминологии всех наук, а я, в сущности, знаю науки лишь «по Рубакину», по Вашим популярным брошюрам», — Николай Александрович в ответном письме замечает: «Вы что там ни пишете мне о Вашей учености, а все же должен я констатировать, что это мы учимся у Вас, а не Вы у нас».

Очень теплое и восторженное письмо посылает Корнею Ивановичу Рубакин

и в конце 1935 года. «Чем больше мы внимаем во все Ваши работы, а как для детей, так и о детях, — пишет он, — тем больше приходим в настоящий восторг от них.

Их замечательные, тончайшие психологические качества, я думаю, гораздо виднее со стороны, чем самому автору.

Я только что беседовал о Ваших работах с моим другом профессором А. Феррьером, имя которого Вам, надо полагать, известно, как президента и основателя Международного Общества Новых Школ, и сделал ему нечто вроде краткого доклада о Вашей поразительной чуткости к детской душе. Это не только вдумчивость, и не только вчувствование, а настоящее перевоплощение в детскую душу... Когда мы читали вслух Ваши книжки (вплоть до сказок включительно), мы прямо-таки переживали переживания детства собственного. Это значит, что Вы умеете действовать на предельно глубокие слои человеческой памяти (памяти; подчеркнуто Н. Рубакиным. — С. С.).

...Многая лета писателю, психика которого до сего дня не менее чутка, чем детская».

С тех пор прошло около шестидесяти лет, но эта замечательная оценка книги Чуковского «От двух до пяти» (в ее первых, еще далеко не совершенных вариантах) и других книг писателя, прежде всего — сказок, и по сей день остается наиболее глубокой, да и наиболее восторженной — даже в масштабах всемирной литературы и журналистики.

Жаль, что не услышали этой оценки на родине Корнея Ивановича разные Шатиловы и иже с ними, один из которых, поэт Василий Князев, в 1936 году назвал все творчество Чуковского для детей «актом вредительским, совершенно недопустимым в наше время и в нашей стране» (здесь и далее подчеркнуто В. Князевым. — С. С.), а книгу «От двух до пяти» оценил как сборник «анекдотиков о сопливых ребятишках!». Родившийся в семье крупного торговца игрушками, он самоуверенно полагал, что знает детскую душу получше Чуковского. «Какое мне дело, — писал он Корнею Ивановичу, — что типы профессорские из «Дяди Вани», «Скучной истории» (так, кажется?) или наскоро перестроившиеся на марксистский лад и тон профессорские ничтожества превозносят Вас до облаков? Мне нет дела и до рукоплещущих Вам наркомов и Ц. О.! У меня — свой ум, свои знания, свое чутье!»

«Ц. О.» — это, по-видимому, газета «Правда», но что-то не припомнится случая, чтобы она хоть когда-нибудь «рукоплескала» Корнею Ивановичу. Да и наркомы тоже — за исключением разве что Луначарского, который однажды (где-то между 1919 и 1921 годами) в записке к тогдашнему руководителю Госиздата В. В. Воровскому дал такую характеристику Корнею Ивановичу: «...Товарищ Чуковский — ценнейший наш сотрудник (то есть, по-видимому, Наркомпроса. — С. С.) и превосходный человек».

«Типы профессорские» — еще туда-сюда, но и они начали «превозносить» Чуковского — по крайней мере, публично — лишь на закате его жизни.

Жаль, что Василий Князев — талантливый, но крайне озлобленный человек, в 30-е годы находившийся, по его собственным словам, «в последнем градусе неврастении», не мог прочитать восторженных отзывов Н. А. Рубакина! А может, и хорошо, что не мог. Тогда он скорее всего озлобился бы еще больше и о «вредительском» характере детского творчества Чуковского высказался бы, может быть, уже не в частном письме, а в письме «куда следует». 1936 год был для этого очень подходящим годом...

Впрочем, не будем слишком строги к Василию Князеву, который вскоре после этого сам стал жертвой тех кровавых лет.

Что же до Рубакина, то он, продолжая жить в Швейцарии, дожил до 1946 года. Его богатейший архив, в том числе и крупнейшая книжная коллекция (230 тысяч томов!), вернулся на родину и — под шифром «РБ» — влился в книжное хранилище Государственной библиотеки СССР имени Ленина. А прах этого удивительного человека захоронен в Москве, на Новодевичьем кладбище.

Письмо сына, или Эпилог

А еще через 16 лет, в 1962 году — юбилейном для К. И. Чуковского (ему тогда «стукнуло» 80 лет), Корней Иванович получил большое приветственное письмо от сына Н. А. Рубакина — профессора А. Н. Рубакина. Думается, оно вполне может послужить эпилогом для рассказанной нами истории.

«Я был еще гимназистом старших классов, — писал А. Н. Рубакин, — когда вместе с товарищами с восторгом читал Ваши острые сатирические выступления в незабываемых по остроте сатирических журналов эпохи Революции 1905 г.

Позже, став отцом, я зачитывался вместе с детьми Вашими чудесными произведениями для детей — Вы и здесь внесли новый дух, дух реализма, тонкой иронии, понятной детям, изгнали слащавость. Мало кто умеет писать для маленьких детей, а Вы стали одним из крупнейших мастеров «детского слова». И вполне логично, с Вашей любовью слова, его ощущением, Вы стали тончайшим критиком и литературоведом, создавшим замечательные, образцовые литературоведческие произведения, в частности о Некрасове. Больше того, Вы в свое время реабилитировали Некрасова. [...]

За какую бы область литературы Вы ни брались, Вы всюду вносили новое — а многие ли писатели могут этим похвастаться? Я поэтому не просто поздравляю Вас с новым — и далеко не последним десятилетием Вашей жизни, а благодарю Вас за все, что я почерпнул в Ваших произведениях и что меня самого научило во многом писать — в дополнение к тому, что мне говорил мой отец».

Компактная, но полная и точная оценка литературных заслуг Корнея Ивановича, словно бы продолжающая и развивающая те оценки и выводы, которые делал — за тридцать лет до того — Рубакин-старший.

для взрослых

Евгений Шварц. «ЖИВУ БЕСПОКОЙНО...» Из дневников. Л.: Советский писатель, 1990.

из них — запись, датированная 20—21 февраля 1947 года, о чтении новой пьесы (один из вариантов «Повести о молодых супругах»): «Я читал по выработанной привычке, не поднимая глаз, чтобы не думали, что я стараюсь разглядеть, какое произвожу впечатление». В этом, если хотите, — весь Шварц, с его деликатностью, с его искренним желанием не «давить» на слушающих (хотя на актеров ленинградского Театра комедии давать было довольно сложно — разве что они почувствовали бы отношение своего художественного руководителя Н. Акимов). Дальше написано о первых откликах на «Золушку» — откликах

их заслуг, которое свойственно многим, каким бы объективным это признание ни было.

Книга имеет название, взятое из дневника: «Живу беспокойно...». У Шварца, с его повышенной скромностью, это естественное состояние — ему всегда, с самого детства, не давало покоя сознание собственной бездарности: «У меня не было музыкального слуха... У меня был ужасный почерк. Я худо рисовал. Я не мог играть в лапту...» Но «...мой почерк не смущал меня... Я рисовал плохо, но с наслаждением...» Может быть, в этом и заключается главное — чтобы делать все, что тебе нравится, с наслаж-

зей и знакомых. «Книжка» эта занимает (с перерывами) всю последнюю часть дневника — это своего рода серия коротких заметок о близких людях, ведутся они по алфавиту, чтобы сохранилась форма телефонной книжки, и являют собой собрание портретов, историй, анекдотов, которым придают интерес и своеобразие обаяние те люди, которые изображены в них. Тут и Заболоцкий с трагической историей своего заключения, и Каверин, и неожиданный Хармс, и Образцов, и еще десятки людей, известных или неизвестных. И Ираклий Андроников — наша последняя (на день, когда пишутся эти строки) утрата — он открывает московскую «телефонную книжку», оставшуюся недоконченной, потому что не стало самого Шварца. Иногда он отказывается от описания близкого человека — например Козинцева («о нем писать решительно не могу»), и тут же начинает описывать, потом снова спохватывается и умолкает. Выделяет в людях способность заступиться за другого, как писатель Михаил Козаков (за Л. Пантелеева). Вообще тон этих дневниковых записей удивительно похож на пьесы Шварца: о людях он вспоминает почти исключительно хорошее; причем дело даже не в существе воспоминаний, но именно в тоне. Единственный человек, к которому он относится строго, — это он сам; так, рассказывая о премьере «Обыкновенного чуда», он заканчивает запись сообщением о том, что он (после премьеры и успеха) что-то в ней переделывал, переписывал.

Евгений Шварц прожил счастливую жизнь. С его беспощадным отношением к себе он сравнительно легко переживал свои неудачи, даже такие несправедливые, как запрещение «Дракона», одной из лучших его пьес. Как он переживал репрессии, обрушившиеся на него друзей, мы уже никогда, наверное, не узнаем; а его самого, как говорится, бог миловал, не случилось. И его дневник дошел до нас в неизменности, не пройдя через архив КГБ, — все 37 больших конторских книг, и Ленинградское отделение «Советского писателя» издало их — ей-богу, хороший подарок всем, кто любит Шварца. А его любят не меньше, но больше с годами. Это свойство хорошей литературы.

Ю. СМЕЛКОВ

СКРОМНЫЙ БЕСПОЩАДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Евгений Шварц — одна из талантливейших и самых драматических фигур русской литературы 20—50-х годов. Автор нескольких блестящих пьес — «Тени», «Дракона» и, может быть (лично для меня), лучшей — «Обыкновенного чуда», он знал и запреты, и «внутреннюю редактуру», и ругань, с которой встречались его произведения, — словом, все, что выпало на долю лучших писателей его поколения. Шварцу еще повезло: он не был отправлен в лагеря, как Николай Заболоцкий, его товарищ, можно сказать — друг; не был расстрелян, как Николай Олейников, как Даниил Хармс, — снаряды рвались совсем рядом. Их имена мы найдем в дневниках Шварца, которые он вел почти всю жизнь, — многие пришлось уничтожить, в этой книге напечатаны только те, что велись в последние 15 лет, с 1942-го до 1957-го, и они составили объемистый том, который, думаю, найдет своего читателя. Поэтому что в нем — рассказ одного из привлекательнейших людей своего времени (а Шварц предстает именно таким человеком) о себе, рассказ правдивый и безжалостный. Шварц многое повидал в жизни — и в дневнике есть все им виденное и пережитое, воспоминания о прошлом и события дня сегодняшнего, мысли о товарищах и людях, с которыми он встречался, — словом, все, что обычно пишут в дневниках. Цельность всему этому придает личность автора, видная едва ли не на каждой странице. Вот одна

восхищенных, а кончается запись словами: «Моментами кажется, что все будет хорошо». Нет у автора открытой радости, такой, казалось бы, естественной, — научен автор опытом только недавно запрещенного «Дракона», да и вообще недоверие к властям, предрасположенное у него уже вошло в кровь, и «кажется, что все будет хорошо», ему только «моментами». И следующая запись начинается со слов: «Чудеса с «Золушкой» продолжаются»; дальше рассказ о еще одном обсуждении фильма, на котором все выступавшие тоже хвалили его; не исключено, что кто-то «на самом верху» посмотрел картину и соответственно высказался. В следующей записи — рассказ о встрече со Сперанским, артистом театра Образцова, и о чтении им своей пьесы — кончается он так: «Смотрел я на этого скромного Сперанского с его седеющими висками и торжествовал. Ужасно мне нравилась живучесть искусства».

Вот об этом и речь — слова и о живучести искусства мы тут же относим и к самому Шварцу, к его «Дракону» и сценарию «Дон Кихота», к «Тени» и «Обыкновенному чуду», ко всей его личности, очень мягкой, повешенно скромной, но знающей себе цену, — где-то глубоко внутри. Впрочем, так тоже бывает: человек далеко не всегда способен оценивать себя объективно, по заслугам и делам своим. Так вот, шварцевская необъективность во много крат дороже того самодовольного признания сво-

дением, поражаться красотой вещи; когда Шварцу впервые прочитали тургеневский «Бежин луг», он впервые был покорен не занимательностью рассказа, а «его красотой». И запомнил на всю жизнь это чувство — как и чувство жалости к слабому, о котором он рассказывает чуть выше. Можно сказать, что эти два чувства прошли через всю жизнь Шварца — красоты и жалости к слабому. Его проявления можно найти очень во многом — и в рассказе о первой любви Шварца, очаровательной Л. Крачковской — «Милочке», как он нежно называет, и в повествованиях о друзьях: Маршаке, Хармсе, Олейникове, Заболоцком и многих других. И думаешь вот о чем: все эти люди — прозаики и поэты — были действительно друзьями Шварца. Что-то, значит, привлекало их в этом человеке, таком, по его собственным словам, обыкновенном. Не эти ли чувства, которые он впервые испытал еще в детстве и пронес через всю жизнь?

Дневник, дневник... Шварц писал его день за днем, постепенно и подробно, продолжая иногда прямо с того, на чем он остановился вчера; такая манера ведения дневника — редкость. Мне кажется, он писал его как дневник и одновременно — как своеобразную книгу воспоминаний. Иначе вряд ли появилась бы здесь «телефонная книжка» — придуманный автором способ перечисления всех (а может быть, и не всех, а только тех, кого хотелось) дру-

Н. РОМАНОВА

ДАЙТЕ КОШКЕ СЛОВО

ГЛАВА ВТОРАЯ

Инсайт

Котя был кошачьим подростком, и «кошечка» в прямом смысле этого слова, вероятно, была ему еще не нужна. Тем более что, согласно теории импринтинга, лицо, запечатленное на другой вид, старается и партнера выбирать из представителей этого вида.

По той или другой причине, только наш Котя не посягал на сближение с кошечкой. Они часами сидели, глядя друг другу в глаза, не уменьшая и не увеличивая расстояния между собой.

Влияние Котиной «дамы» было так благотворно и успокаивающе, что я никогда не препятствовала их встречам. Я чувствовала, что эти встречи полезны для Коти. Что он познает что-то очень важное для себя, чего был лишен до сих пор благодаря неестественной жизни среди людей. Котя успокоился, шок от встречи с собакой прошел, и он снова стал гулять. Однажды Котя исчез. Вернувшись после кино и не обнаружив кота, мы обыскали всё: Коти нигде не было. Котя убежал, но как? Неужели нашел лаз под печкой? Значит, сообразил. Видно, очень хотелось ему к кошечке. А когда котам или кошкам чего-нибудь очень хочется, они вдруг становятся сообразительнее и начинают понимать то, чего до той поры будто и не понимали.

Есть такой механизм в организме, благодаря которому некоторые свойства не всегда проявляются, а только в нужный момент, например, аппетит. Почувствовав животное голод и направилось на охоту. Наелось — спит. Чувство голода и сытости руководит им.

Подобные механизмы у животных срабатывают и в других случаях. Надо что-то очень животному — и весь его организм как бы переполняется желанием и начинает активно и направленно, как говорят ученые, стремиться к уменьшению «мотивации».

Утя (моя первая кошка), когда ей приходило время рожать, просила, чтобы я ее гладила, и делала все, что я говорила. «Утя, ляг сюда» — ложится и точно на то место. «Утя, подвинься» — покорно подвигается. Что ни прикажу — все делает. Все в этот момент понимает. Руку

ей на живот положу, глажу — и она лапкой мою руку передвигает, точное место указывает, где гладить.

Но родила Утя — и куда исчезло все понимание. Сидит, смотрит «невидящими» глазами, словно не ей говорят, не ее просят. И такое с Утей происходило совсем не оттого, что она пренебрегала мной, а просто механизм какой-то срабатывал в ней, что «понимать» она начинала лишь тогда, когда ей это было нужно.

Дикие животные не каждый день к людям за помощью приходят; наоборот, обычно страх в них срабатывает и убегают они от людей. Но сколько случаев известно, в экстремальных ситуациях, когда им никто не может помочь, кроме человека, они идут к этому человеку — преодолев страх и неся в душе одну любовь и благодарность.

В этот момент включается у них «механизм понимания» (так его назовем), механизм, который кричит: «SOS». Кричит в экстренных случаях или просто когда «надо понять» и правильно отреагировать. Для этого «механизм понимания» имеет «реле» важности: чем важнее правильно отреагировать, тем больше включается «понимания», тем значительнее озарение.

Инсайтом называли ученые такое явление: «Разум появляется вдруг, неизвестно откуда, и тут же исчезает». Инсайт — таинственное явление, проблеск «разума», озарение!

Однако, согласитесь, можно потерять рассудок, имея его. Но проявить «разум», не имея его, — нельзя. Значит, он есть?

Стресс как результат импринтинга

Существует мнение, будто домашнее животное способно заболеть теми же болезнями, что и хозяин. Иногда даже говорят, будто животное умирает, а хозяин выздоравливает. Мистика. Возможно. И тот случай, который с Котей произошел, я не хочу в этот ранг фактов ставить. Но все же не могу не отметить того, что кот заболел болезнью, которая в наш век более человеку подходит.

Вначале вроде бы ничего не было. Только Котя спать перестал по ночам. И на балкон выходил как-то странно: выбежит и сразу обратно — холодно ему. Шерсть у Коти начала вылезать. Она клубками каталась по полу, висела на шторах. Из большого, красивого кота Котя превратился в заморыша.

Все понимали, Котю надо показать врачу. Но я, вспоминая, как Котя приезжал с дачи в Москву и как, глядя сквозь окно на мчащиеся по улице машины, вдруг начал орать диким гортанным голосом, понимала: у Коти «срыв» и вести его сейчас больше никуда нельзя. Решили ждать из отпуска знакомого ветеринара.

Котя тем временем перестал есть. Сначала мама искала рыбу, которую бы Котя ел. Мне казалось это занятие бессмысленным. Котя ел хека. А теперь не ест хека. Котя был здоров, а теперь болен. Выздоровеет Котя — и опять будет есть хека.

Однако мама оказалась права. Так странно, что она, отнюдь не биолог, совсем не сведущий по части «теории питания» человек, чувствовала, знала, что Котю можно накормить, если найти то самое,

что Котя хочет есть. Так были открыты почки. И с того дня Котя признавал одни лишь почки.

Коты вообще очень разборчивы в еде и, если им это удастся (а удается им это всегда, когда хозяева у них соответствующие), предпочитают есть не все подряд, а избранную пищу. Что это — баловство или естественная потребность, которая просто в некоторых случаях, когда есть такая возможность, удовлетворяется, а в некоторых — нет?

Думается, что не баловство это. И «на воле» животные отнюдь не все подряд едят. А кто их там балует? Никто. Так уж все устроено: и если животное не найдет той пищи, которая ему нужна, то оно погибнет, но не будет есть что попало. Однако природа обычно «балует» всех: всем дает то, что им нужно.

Котя стал поправляться. Ребра уже не так прощупывались и шерсть не так лезла, и кричать он стал меньше. И вот тут наконец приехал знакомый врач. И мои предположения подтвердились.

Стрессовая ситуация, в которую попал кот при переезде в Москву, была «последней каплей» в той неестественной для Коти новой жизни, которую он вел на даче, обретая «свободу».

Учеными установлено, что животные, запечатленные на кошку вид, ослаблены физически, и поэтому многие ситуации, переносимые другими животными, для них становятся — стрессовыми, приводя к болезням и «истощению» нервной системы.

Чувства страха, любви, верности, будучи обнаженными, первозданными, ничем не прикрытыми и не замаскированными, даже в большей степени иногда развиты у некоторых животных, нежели у человека.

А «стресс», он как раз оттого и происходит, что чувства берут верх. Испуг, страх, горе. И отвечает на них организм особой реакцией. Эта реакция (выброс в кровь гормонов и адреналина), обычно обеспечивающая энергетический баланс организма, при длительном эмоциональном или физическом перенапряжении оборачивается своей противоположной стороной: она «истощает» организм и разрушает его. Вот тут-то и начинаются все болезни, ибо поврежден один из главных регуляторов жизни — механизм подачи резерва сил.

Как же лечить такие болезни? Как привести в равновесие организм, который расшатался и кидает его во все стороны?

Такие болезни лечатся настолько трудно и настолько по-разному, что, можно сказать, почти вообще не лечатся. Надо было любить Котю, любить по-настоящему. Только покой, только доброжелательное отношение (положительные эмоции, как говорят) могли помочь. Именно — помочь. Не вылечить, а помочь — это вроде гипса при переломе, чтобы кости были в покое и смогли срастись, и срастись правильно.

Шантаж

К тому времени, как Котя заболел, он покорила всех. Любили именно этого кота за те достоинства, которые просто нельзя было не увидеть. Любовь же в том и заключается, что тебя многое перестает

раздражать и ты начинаешь терпеть то, что в противном случае просто бы выводило из себя.

Котя будил нас каждую ночь. Сами понимаете — как мы ни любили Котю, но каждый день вставать в пять утра и ублажать кота было нам не очень приятно.

И мы, естественно, старались подольше не проснуться. Слышали жалобное мяуканье, царапанье, понимали, что Котя обдирает обивку на кресле, и все равно спали — встать было трудно. Однако Котя наконец нашел нашу ахиллесову пятую. Стоило ему дотронуться до обоев и, зацепив коготком за край, тихо, но ехидно, как нам казалось, потянуть за него, и от этого незначительного, но противного звука рвущейся бумаги мы вскакивали мгновенно.

Котя это понял с первого раза. Он поймал нас. Нет, он не сразу начинал рвать обои, он давал нам возможность проснуться без особых потерь. Но если мы не реагировали на первые незначительные царапанья, когда он скорее делал вид, что рвет, как бы предупреждая: вставайте, а то будет хуже. А если его предупреждение не помогало — начинал рвать обои по-настоящему.

Кот-шантажист, говорила я. И действительно, наш кот умел шантажировать. Шантажировал же он нас, стоя на окне, угрожая упасть с девятого этажа.

Началось все с мух. За мухами Котя гонялся по всей квартире. И стоило мухе, вылетев из окна, сесть на стекло с другой стороны, Котя тут же прыгал на подоконник и вставал на задние лапы с наружной стороны окна. Затаив дыхание, боясь сделать лишнее движение, мы жалобно умоляли: «Котенька, иди сюда». Давали Коте самые вкусные кусочки, только чтобы он ушел с окна.

И что же? Котя не такой дурак, чтобы не понять нашего состояния, нашей всей любви к нему и той ситуации, в которую он нас повергал. И если коту вдруг надо было есть, а ему не давали или давали не то, Котя прямоком шел к открытому окну, вставал на задние лапы и смотрел приблизительно таким взглядом: «Не дадите почки — сейчас сброшусь».

Ну, конечно же, мы принимали ультиматум — и чем бы ни были заняты, все бросали и бежали давать Коте почки. А Котя, увидев, что холодильник открыт, почки режутся, снисходительно, с ощущением полной своей правоты спрыгивал с подоконника.

Шантаж! Тот же самый, что и с обоями, которые Котя рвал по ночам. Шантаж, угроза, целенаправленная хитрость, умение оценить обстановку, умение воспользоваться обстоятельствами — и все это не изначально, а как результат жизни в доме, в нашем доме. Что это, как не проявление тех же качеств, какие есть у человека! И при этом Котя был так обаятелен, так прелестен и трогателен, что сердиться на него было невозможно...

Думают ли животные?

Некоторые популяризаторы любят поставить вопрос: «Думают ли животные?» Мне кажется, что сама постановка такого вопроса уже предполагает ответ отрицательный, вне зависимости от того, что хочет доказать автор. Ибо всем понятно:

то, что мы вкладываем в понятие «думает», намного шире того, что может происходить с животными, если даже и предположить, что животные «думают».

Когда мы говорим о человеке — человек думает, мы прежде всего предполагаем, что человек имеет возможность думать на любую тему. Животные, по-видимому, имеют возможность «думать» только над некоторыми задачами, связанными с их конкретным поведением. Философией животные не занимаются, искусством — тоже, науками — тем более. И не стоит так широко ставить вопрос, не стоит для такой серьезной темы брать броские заголовки — тема эта и сама обратит на себя внимание без привлечения к ней рекламы. Но тогда не надо будет расценивать слово «думать» на множество смыслов и компонентов.

Ставится вопрос: «Думает ли животное?» и приводится такой пример. Лиса сидит в клетке, грызет кость и остаток старается зарыть. Она скребет пол, явно не поддающийся такому действию; и вдруг как бы считает, «что зарыла». После этого служитель может безболезненно для себя подойти и взять кость. Лиса, до сих пор охранявшая ее, теперь отдает кость спокойно. Отсюда делается вывод — лиса зарывает кость бездумно, в этом процессе участвует лишь некий врожденный инстинкт зарывания лишней пищи, дабы спасти эту пищу от других животных и припрятать ее на черный день (целесообразное поведение, выработанное в процессе эволюции).

Прежде чем разбирать случай с лисой, расскажу о Коте.

Как всем известно, коты тоже умеют зарывать. В домашних условиях песок заменяют часто мелкими бумажками или вообще ставят подносы без песка. Коты принимают любое из вышесказанных условий. И, несмотря на то, что засыпать им нечем, они каждый раз имитируют зарывание. Происходит то же самое, что и с лисой: кот бессмысленно скребет пол под подносом. Однако наш Котя не всегда скребет одинаково. Ночью (до болезни) он старался не будить нас и вовсе не скреб. Когда же мы просыпались, бежал к подносу и начинал скрести — но явно для вида, чтобы привлечь внимание именно к тому подносу, который надо вымыть.

Днем Котя обычно копает песок до тех пор, пока кто-нибудь не подходит. И тоже не всегда. Он удивительно чувствует, когда есть надежда на то, что обратят на него внимание и поменяют песок, а когда этой надежды нет, копнув раз другой, отходит. Возможно, удовлетворив при этом свою потребность в движении закапывания.

Вероятно, и у лисы не так просто обстоит дело в ее взаимоотношениях с пищей, которую она привыкла прятать — и вдруг некуда.

Некуда спрятать! Лиса зарывает некоторое время, отдавая дань привычке, желанию, надежде, наконец, на чудо. Но чудо не свершилось. Мясо осталось лежать на полу.

Почему надо обязательно полагать, что если лиса безболезненно отдает кость служителю зоопарка, то, значит, она считает ее зарытой? Ведь можно рассудить и по-другому. Лиса хорошо поняла свои

взаимоотношения со служителем и знает, что он принесет кость обратно. Так что лиса только для вида играет в эту игру и, выполнив ритуал, предоставляет кость в распоряжение служителя. Возможно, она для того и скребла пол, чтобы дать понять служителю: есть она больше не хочет и кость надо спрятать.

Когда открыли рефлексы, всем показалось, что с их помощью можно объяснить «все». Однако рефлексом не только нельзя объяснить все, но рефлекс, оказавшись на какое-то время единственно доступным и видимым механизмом общения живого существа с окружающей средой, скрыл от нас все остальные его механизмы.

Действие рефлекса очень сильно. Действие выработанного рефлекса так сильно, что часто закрывает собой, затушевывает действие «разума». А потом иди и доказывай. Но чаще всего никто ничего больше и не доказывает: все списывается на счет рефлекса.

В науке существует термин — парадигма. Парадигма — это та основополагающая теория, которая в данный момент признана всеобщей, всеобъемлющей. Ей подчинено все. Ей верят, ей поклоняются, с ней сверяются. И не дай Бог, чтобы наши результаты оказались в противоречии с ней! В лучшем случае их назовут аномалиями, в худшем — артефактами.

Однако давно уже пора следовать не только принципу: «докажите, что понимает», но и принципу: «докажите, что не понимает».

Попробуйте, поговорите с теми, у кого живут коты или собаки, птицы или даже рыбы! И каждый будет вам рассказывать, что его собака или кошка, птичка, а то и рыбка «все понимают».

Все так говорят и вроде бы верят в это. А в то же самое время — не до конца эта вера. Так, в игру какую-то превращается, в условность. Я, мол, тебе рассказываю, потому что сама наблюдала и видела; но это ровным счетом ничего не значит. И ты, слушая меня, удивляешься и восхищаешься, но точно так же понимаешь, что все, возможно, вовсе и не так; а просто нам так кажется — от одного желания видеть чудеса там, где их нет, оттого, что простые совпадения мы принимаем за правила. Вот и еще один аспект: совпадения!

А животное, оно в доме вашем живет, в общение с вами вступает... И хотите вы этого или не хотите, но насковз вас видит. И как приучить — знает. И как «суметь себя поставить» — тоже знает.

Человек часто не умеет этого сделать. Люди друг с другом не умеют общего языка найти, не умеют общаться, чтобы в мире и по любви. А животное ваше домашнее, особенно кот ваш, найдет к вам лазейку — и так подластится, так проникнет к вам в душу, незаметно, тихо, не торопясь, что вы и опомнитесь не успеете. И уже в плену у этого, как некоторые полагают, не очень-то мыслящего животного, которого вы взяли, может быть, просто так, случайно, думая поразвлечься. И влипли в глубокие, сложнее отношения!

Опыты Л. В. Крушинского

Еще в 1955 году профессор Московского государственного университета Леонид Викторович Крушинский провел серию опытов. Дело было не в серии, дело было в методике. Нужны были не просто доказательства разумности животных. Необходимо было придумать такую же простую схему, как «пища — слюна», «лампочка — слюна», использованную в свое время академиком Иваном Петровичем Павловым при создании им условнорефлекторной теории и покорившую тогда всех своей чрезвычайной, прямо-таки «математической» простотой.

И такую схему Крушинский нашел: пища — тоннель, куда скрывается кормушка, и снова — пища. Вся схема. Животное видит, куда ушла кормушка с пищей, и дальше идет снаружи тоннеля (непрозрачного коридора) и ждет — сейчас кормушка появится.

Разумно? Да. Но проявляют такую «разумность» не все. А лишь самые «умные». А остальные тоже могут догадаться (экстраполировать), куда исчезла кормушка и где ее ждать. Но догадаться не сразу, не с первой попытки, а после обучения, или вообще не догадаться.

Животные, обладающие «способностью

экстраполировать ситуацию»: направление движения уходящей «в небытие» кормушки с кормом, встречают ее на другом конце коридора; не обладающие этим свойством — топчутся на месте или уходят прочь.

По новой методике испытанию подверглись сотни животных. Все было брошено на борьбу с парадигмой. Именно с ней, не с рефлексами, не с условнорефлекторной деятельностью, а именно с «ней», всеисильной парадигмой. Ибо опыты Крушинского вовсе не опровергали ни рефлексов, ни их огромного значения для всего живого и для формирования поведения — они были направлены лишь на то, чтобы пробить брешь в этом огульном, всепоглощающем разгуле рефлекторной парадигмы. Их целью было дать в руки ученых метод, разграничивающий рефлекторную деятельность от рассудочной.

Однако только после второго издания книги «Биологические основы рассудочной деятельности» в 1986 году работа теперь уже члена-корреспондента Леонида Викторовича Крушинского получает достойное признание (и уже после его смерти — Государственную премию). До этого она как бы была и не была. Она была, но мало что изменила. Изменило

время. Парадигма, как живое существо, вероятно, имеет свой возраст. Еще бы: идут поколения, меняются взгляды. Накопились факты, их такое количество, этих фактов «разумности животных», этих инсайтов, что от них уже никуда не уйдешь!

Как теперь известно, каждому действию живого организма соответствует «специфическое состояние его мозга». Оно, это «состояние мозга», как бы обладает автономными свойствами живого существа: все знает, и что внутри организма делается, вплоть до каждой клеточки, и что вне. Способно рассчитать, что этому организму нужно, и, учитывая прошлое, прогнозировать будущее! Вот оно-то и определяет каким путем идти: инстинктивным, рефлекторным, разумным или — всеми вместе, а, может быть, сделать финт — выброс — инсайт! Решить что-то небывалое — и снова спрятаться в свое следующее «состояние мозга».

Фото
В. Витченко,
г. Минск

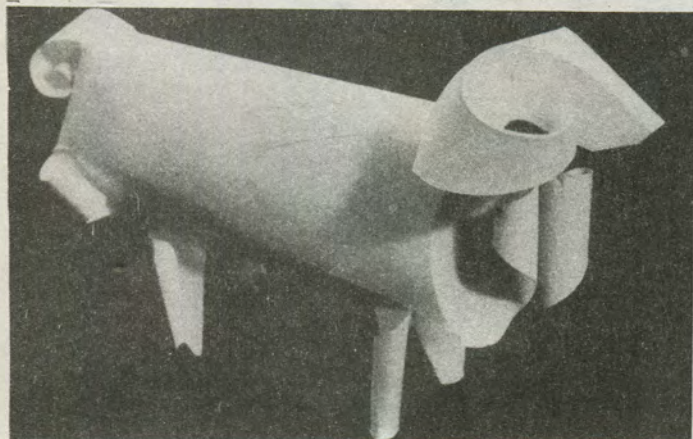

Окончание следует

новогодний
сувенир

Год кроткой овечки

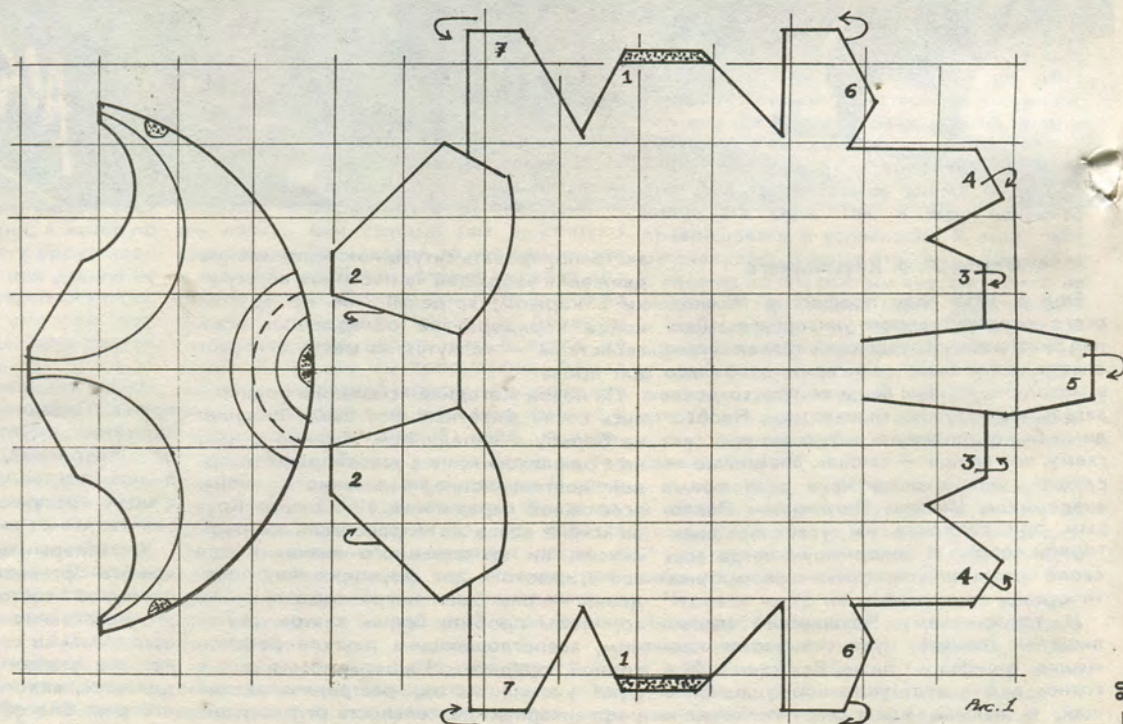
Наступающий 1991 год, согласно восточному календарю, будет годом Овцы. В связи с этим предлагаем сделать своими руками сувенир в виде фигурки овцы или барана из бумаги. Посмотрите на фотоснимок, где изображена наша овечка. Сделана она из двух кусочков ватмана, а благодаря продуманной системе надрезов и подгибов фигурка достаточно прочна, способна выдержать даже некоторые силы деформации.

Для работы потребуется следующее: бумага, резак, ножницы, клей ПВА или «Момент» и вязальная спица. Выкройка будущего сувенира показана на рисунке с нанесенной сеткой для удобства при переводе ее на чистый лист. По большой стороне выкройка не должна превышать тридцати сантиметров, в таком случае изделие будет соразмерным и легко выполнимым.

Ножницами по контуру вырежьте голову и туловище животного, не оставляя при этом карандашных следов. Выкройку спинки вдоль туловища прогните через край стола, а заштрихованные участки соедините клеем. При помощи вязальной спицы подкрутите участки под номерами 2 и 4 наружу, а 3 и 5 —

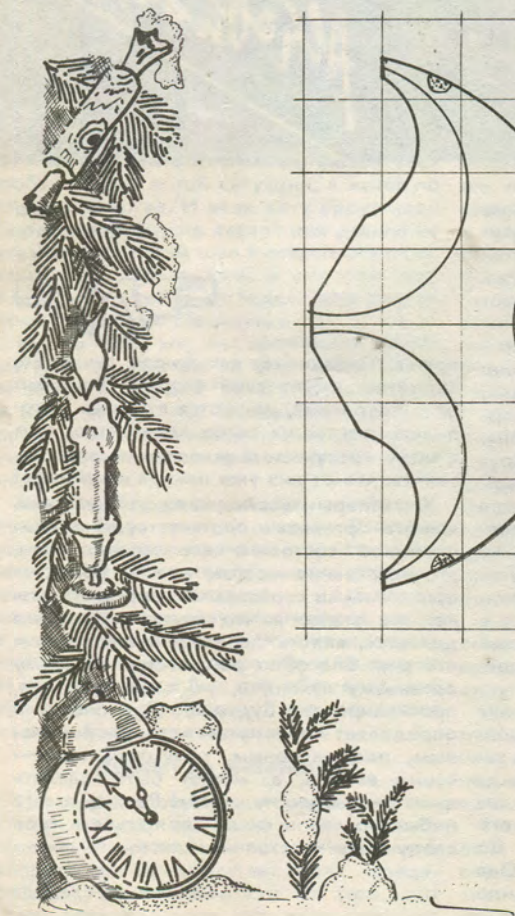
вовнутрь. Задние ноги скрутите в трубочку по вертикали, ориентируясь на фотоснимок. Вторая пара ног формируется аналогичным образом, но здесь вовнутрь скручиваются передние части ног. Завитки под номерами 4, 5, 6, 7 не требуют склеивания, они в основном декоративные, имитируют фактуру шерсти. Завитки 2 и 3, в отличие от вышеупомянутых, требуют большей конструктивной жесткости и потому их необходимо соединить клеем. Для выполнения головы овцы в затылочной части выкройки сделайте три надреза: два с лицевой и один, обозначенный штриховой линией, — с обратной стороны. Эти надрезы при сгибе превратятся в своеобразные ребра жесткости, что придаст голове конструктивную жесткость и позволит без особого труда приклеить ее к туловищу.

При склеивании туловища возможна некоторая деформация ног овцы. Их можно слегка поправить, а если нужно, то и подрезать для того, чтобы фигурка стояла на четырех точках. Не исключено, что первое изделие не даст вам полного удовлетворения, однако последующие попытки несомненно приведут к желаемому результату, тем более что сувениров

в любом случае потребуется не один-два, а гораздо больше, по количеству друзей и родных.

Фигурку овцы можно выполнить из цветной бумаги, хотя достаточно выразителен и белый вариант. Для такого сувенира потребуется два-три цвета чернил или туши, старая зуб-

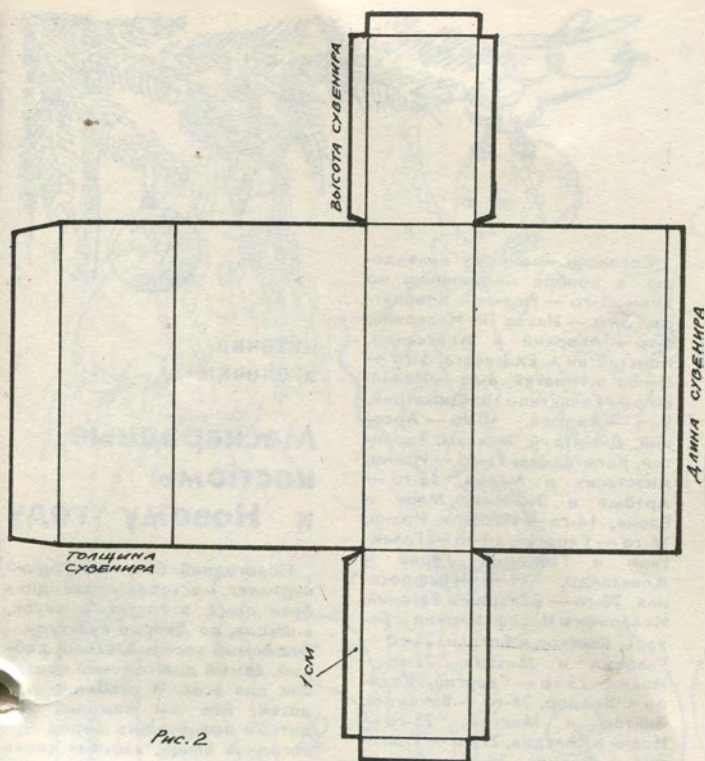

Рис. 2

ная щетка или щетинная кисть и бумага. Краска наносится методом набрызга. Щетку следует обмакнуть в краску, а затем черенком кисти, карандашом или старой расческой осуществлять набрызг. Меняя краску и регулируя плотность покрытия листа каплями, можно достигнуть выразительной фактуры цвета.

В природе многодневная пыль, как правило, скрывает истинный цвет шерсти животного. В сувенирном варианте цвет может быть откровенно декоративным: черным или белым, шоколадным или серым. Выбор цвета зависит от вашего вкуса. Помните, что не следует производить окраску готового изделия, так как от влажных красителей бумага деформируется. Цветную бумагу заготавливайте заранее, а потом конструируйте из нее фигурки.

Готовое изделие из бумаги, окрашенной с одной стороны, при образовании завитков обнажит свою белизну. Этот момент пусть не смущает вас, так как и данное отклонение можно отнести на некоторую условность в изделии прикладного характера.

В готовой фигурке овцы совсем не обязательно делать такие детали, как глаз и уши, хотя это и не возбраняется. Но в конструкции сувенира узнаваемость образа овцы заложена изначально, несмотря на стилизацию и обобщенность форм. Не должен вас волновать и вопрос недолговечности изделия, ибо вы делаете вещь не монументального, а сувенирного характера. Сувенир из бумаги недолговечен, но жизнь

его можно сохранить, сделав для него соответствующую упаковку. Для этого мы предлагаем схему выкройки (рисунок 2). Габариты упаковки определяются после выполнения сувенира, вычертить, вырезать и склеить коробочку большого труда не составит. Линиигиба упаковки слегка надрезайте резакон, это облегчит процесс конструирования. При склеивании верхнюю крышку оставьте открывающейся. Поверхность упаковки можно украсить тематическими вырезками из старых новогодних открыток, что придаст сувениру товарный вид, некоторую оригинальность и праздничность.

Б. ГАГАРИН
г. Магнитогорск

календари

Ноябрь. На пороге зимы

В календаре древних римлян ноябрь назывался *Новембер* — от латинского *новем* (девять). После реформы 46 года до нашей эры, когда к первым десяти были добавлены еще два месяца, ноябрь отодвинулся на одиннадцатое место, однако имени своего не изменил.

В Древней Руси ноябрь первоначально также был девятым месяцем. Затем с XV века до 1700 года он занимал третье место в году и лишь потом переместился на нынешнюю позицию. Древнее название ноября — *грудень* или *грудень*, *грудень*. Это имя образовано от слова «грудь», которое в русском языке XVI—XVII вв. значило «разъезженный, плохой и замерзший путь». В русских говорах *груда* — это «мерзлые колеи на дороге, мерзлая кочковатая грязь погосту, кочки, колоты».

Диалектное название ноября — *снеговей*. Есть у него и другие прозвища: *листопад* и *листогон*, *мочарец* и *бездорожник*, *ползуимник* и *лета обидник*.

Чем ближе к концу года, тем больше сокращается светлое время суток. Именно на ноябрь приходится дата, когда ночь становится вдвое больше дня. До 22 ноября Солнце движется в зодиакальном созвездии Весов, а после этого находится в большом созвездии Скорпиона с очень красивой группировкой звезд различной величины.

Сердце Скорпиона — одна из красивейших звезд первой величины красновато-оранжевая Антарес, навигационная звезда. Изогнутый хвост Скорпиона с жалом отмечен двумя звездами второй величины. Иероглифически Скорпион изображает ту чувственность, которую Стрелец должен победить, чтобы подняться выше по пути своего внутреннего роста и совершенствования.

Перед первыми морозами и снегопадом цветоводы пересаживают еще зеленые растения астр с бутонами в горшки. И еще долго потом голубые, красные, розовые головки их соцветий любуются через окно на пришедшую бледнолицую красавицу-зиму.

Предзимье — время противостояния осеннего тепла и зим-

ней стужи. Оно длится от первого выпавшего снега до сального пути, то есть до начала настоящей зимы. В Подмосковье его протяженность около 35 дней. В средних широтах европейской части страны предзимье начинается выпадением первого недолговечного снега обычно в октябре — начале ноября и очень часто может тянуться, особенно в западных районах, до середины декабря.

Основными приметами предзимья являются переход средней температуры воздуха за ноль градусов, полное завершение листопада у деревьев и кустарников, появление зимующих видов перелетных птиц и установление прочного покрова снега. В основном этот подсеzon падает на ноябрь — месяц-полузимник, пору холодных ветров, перволедья.

Температурный порог предзимья — падение минимальных температур воздуха к отметкам ниже ноля (суточные температуры держатся ниже двух градусов тепла, а максимальные — до плюс пяти). В начале подсеzona обычно отмечается особенно резкое понижение температуры. Так, в средней полосе России средняя суточная температура воздуха устойчиво переходит ниже ноля градусов четвертого ноября. После этой даты, как правило, бывают возвраты тепла, однако безморозных ночей почти не наблюдается. 10 ноября оканчивается лёт осенней паутины в средней полосе России.

Водоёмы начинают затягиваться звонким молодым льдом. Самый поздний срок появления льда на лужах в Подмосковье — второго ноября, а в средней полосе России он появляется десятью днями позже. Ноябрь не без основания считают последним месяцем живой воды. Самый ранний срок ледостава на Москве-реке в районе города Звенигорода отмечен в седьмой день месяца. Средний же многолетний срок образования льда на проточной воде в Московской области — 25 ноября. На крупных реках русской равнины средний срок ледостава — 18 ноября.

Всё глубже и глубже проникает холод в почву. Её температура у поверхности па-

дает ниже пяти градусов тепла. Устойчивое промерзание почвы в средней полосе России приходится на 15—20 ноября. Ложится временный, но довольно устойчивый снежный покров. На седьмое ноября приходится самый ранний срок окончательного установления в Подмоскovie сплошного снежного покрова. На этот же день приходится самый поздний срок выпадения первого снега по всей средней полосе России.

Ландшафт всё зримее приобретает осенне-зимние черты. К середине месяца образование устойчивого снежного покрова, знаменующее начало фенологической зимы, ледостав на реках и озёрах можно уже ожидать повсюду в лесостепных и степных районах. К этому времени останавливается Иртыш.

К средним числам ноября вполне зимний облик принимают ландшафты юга Карелии, Северо-Западного, Волго-Вятского районов, а в двадцатых числах — Центрального района, Поволжья. В Брянской области первый снег ложится 20—25 ноября. 27 ноября является средним многолетним сроком окончательного установления сплошного снежного покрова во всей средней полосе России.

В ноябре завершается листопад у многих лесных пород деревьев и кустарников. Средние сроки полного опадения листьев с черешчатого дуба и сибирской лиственницы приходятся на один и тот же день — первое ноября. Самый поздний срок этого явления у них также совпадает и наступает двадцать дней спустя.

Признаки окончания опадания хвои у сосен — освобождение от неё внутренней части кроны. От этого она снова выглядит зелёной, хотя и не столь густой. А у елей в ноябре опадание хвои только начинается.

Наступает пора замирания активной жизни растений. Прекращается вегетация посевов на севере Украины в период с 5 по 15 ноября, а в её южных областях (не считая Крыма) — в двадцатых числах. С завершением вегетации трав на пастбищах прекращается выпас скота, который переводится на стойловое содержание.

Дикие животные вынуждены активно искать себе пропитание, так как корм начинает заматывать снегом. В поведении диких копытных в эту пору наиболее характерными становятся перекочёвки в поисках доступных кормов. На малоснежные участки перебираются косули, лоси и другие обитатели равнинной тайги. На менее заснеженные склоны горных долин переселяются снежный барс и кабарга Восточной Сибири.

К концу ноября завершаются осенние миграции птиц. Шестого ноября улетают последние засидевшиеся в Подмоскovie вальдшнепы. Спустя девять дней из этих мест в тёплые края улетают гостившиеся грачи. Через два дня как бы им на смену с северных просторов прилетают хохлачи-свиристели с желтыми оторочками на хвостах. Всего в средней полосе страны зимуют 15 видов северных птиц.

По так называемому календарю счастливых цветов, ноябрю посвящается хризантема. Кроме нее, в этом месяце можно дарить ещё физалис, кедр, лимон и синеголовник.

Согласно календарю счастливых камней, ноябрю соответствуют топаз и цитрин.

Золотистый топаз в старину считался талисманом, освобождающим от буйных и опасных страстей, рождающим в человеке безмятежное наслаждение жизнью, отгоняющим гнев и неверность. В средневековой символике топаз означал благоразумие и добрые дела.

Согласно именному календарю, в ноябре именинники по дням: 1-го — Иоанн и Клеопатра, 3-го — Иаков и Илларион, 4-го — Аверкий и Александр, Константин и Елисавета, 5-го — Иаков и Игнатий, 6-го — Иоанн, 8-го — Галактион и Димитрий, 9-го — Андрей, 10-го — Арсений, Димитрий, Максим, Терентий, Капиталина, 11-го — Иоанн, Анастасия и Мария, 12-го — Артёма и Зиновий, Марк и Елена, 14-го — Иаков и Иоанн, 16-го — Георгий, 18-го — Галактион и Григорий, Гурий и Александр, 19-го — Евфросинья, 20-го — Валерий и Евгений, Илларион и Иосиф, Кирилл и Лазарь, Феодор и Богдан, 21-го — Гавриил и Михаил, 22-го — Иоанн, 23-го — Георгий, Родион и Феодор, 24-го — Викентий, Виктор и Максим, 25-го — Иоанн и Клавдия, 27-го — Григорий и Филипп, 28-го — Димитрий и Иоанн, 30-го — Григорий, Лазарь и Михаил.

ниточка-иглолочка

Маскарадные костюмы к Новому году

Новогодний бал, новогодний карнавал, маскарад, новогодняя ёлка дома, в гостях, в клубе, в школе, во Дворце культуры... Это самый веселый, самый добрый, самый долговечный праздник для всех. И особенно для детей. Все мы помним, как детьми волновались перед новогодней ёлкой, забывая слова из стихотворений и песен, как путали роли в новогодних представлениях — а все наши ошибки доброжелательно встречались смехом и шутками.

Чтобы сделать праздник еще радостнее для детей, еще красивее, попробуйте сами или вместе с детьми сшить необыкновенные костюмы и головные уборы.

Для этого вам понадобятся: ножницы, клей, цветная бумага, цветная фольга, картон, проволока, разноцветные бусины, блёстки, «дождик» из фольги, лоскуты тканей (хорошо, если найдется кусочек парчи или другой блестящей ткани), разноцветные ленты, бахромы, краски (гуашь или акварель) и, конечно, очень много фантазии.

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ

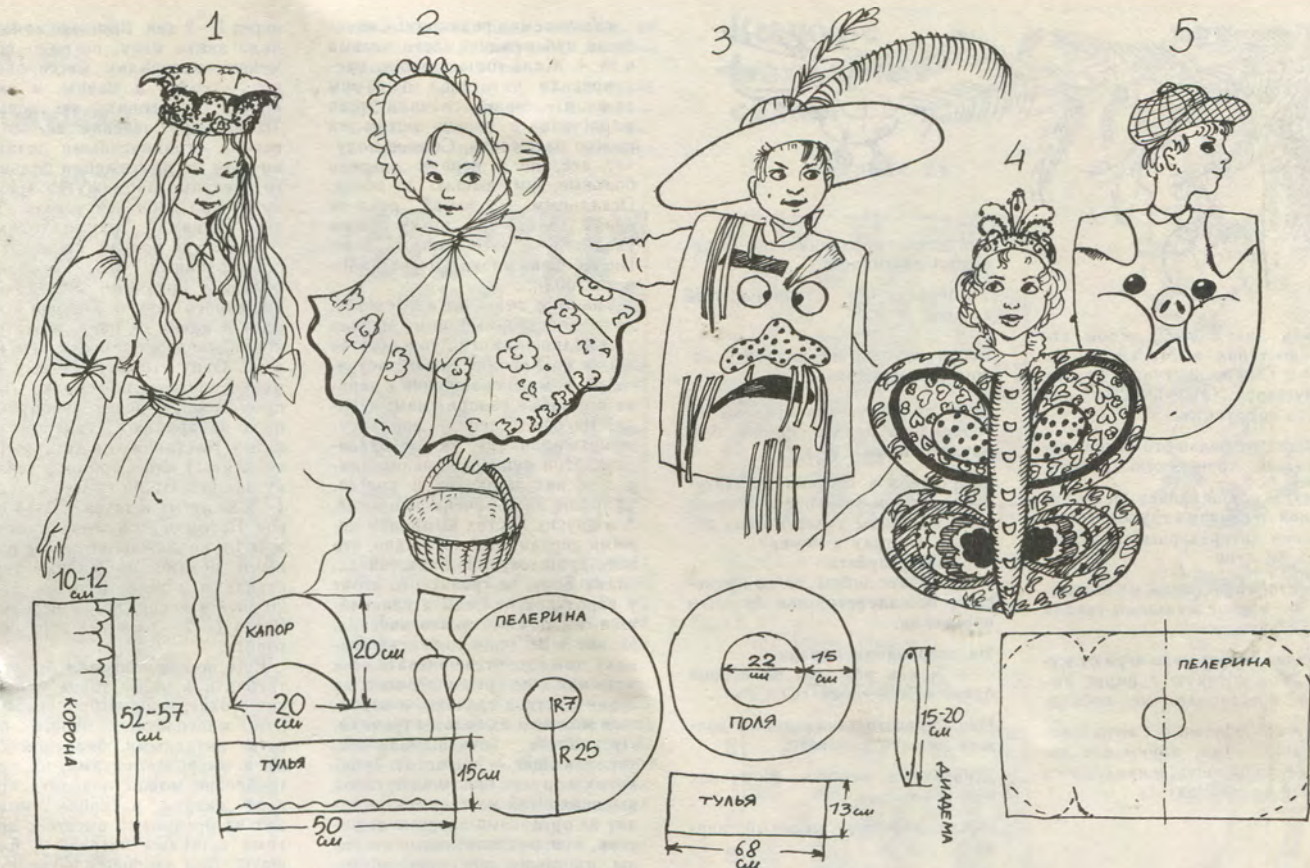
1. Обычное платьице, в котором ваша дочка всегда ходит в гости, можно превратить в наряд Златовласки с помощью нескольких бантов и необыкновенной короны с золотыми волосами — надо только «дождик» закрепить на короне с обратной стороны и подстричь как волосы. Корона складывается в цилиндром, закрепляется, оклеивается фольгой и украшается бусинами, блёстками и пр.

2. Такую шляпку могли носить Красная Шапочка или Белоснежка. Картонный козырёк промажьте клеем и натяните белую или красную ткань с обеих сторон. Оборки и тулью пришейте вручную.

Пелерину можно подкрахмалить, а потом раскрасить красками, пришить блёстки, бусинки — как подсказывает ваша фантазия.

3. Пираты, разбойники, Кот в сапогах, странствующий ска-

зочник носили только такие шляпы! Изготавливается эта шляпа, как шляпка для Белоснежки.

Если у вас нет подходящей бахромы для перьев, возьмите любую ткань и нарежьте полосками. Приклейте проволоку и закрепите на шляпе.

4. Такое украшение может стать сюрпризом для вашего ребенка. Эта маленькая диадема может украсить любой костюм: картон оклеивается фольгой или тканью, на проволоку нанизываются бусины, колючки цветной фольги, блески. На концах закрепите резинку.

КОСТЮМЫ

3—5. Все эти костюмы шьются одинаково. Из бортовки или другой плотной ткани вырежьте пелерину такой формы, какая вам необходима. Изображение можно выполнить аппликацией или пришить вручную (из бумаги или ткани) на передней и задней частях пелерины. Бороды, волосы, брови можно сделать из бахромы или нарезанной полосками ткани. Контуры глаз, зрачки и пр. нарисуйте красками.

Размеры на рисунках проставлены приблизительно, их необходимо уточнять по меркам, снятым с ребенка.

Дав волю своему воображению, вы можете осуществить любую задумку, и этот Новый год останется самым необыкновенным праздником в памяти ваших детей.

Л. БАГМЕТ
Рисунки автора

говорят
взрослые дети

Из записных книжек Юрия Визбора

Заслуженной популярностью уже много лет пользуется наша постоянная рубрика «Говорят дети». Сегодня мы решили несколько раздвинуть возрастные рамки «разговорного жанра» на страницах журнала и открываем как бы филиал полюбившейся всем рубрики: «Говорят взрослые дети». Мы будем печатать в ней все те речевые неловкости и неожиданности, что, будучи незапланированными и неотренированными, несколько скрашивают жизнь нашу улыбкой и смехом. Присылайте нам свои нечаянные перлы остроумия, и устные, и письменные, мы постараемся предать их гласности.

Известно, что многие люди собирают юмор. У Юрия Никулина, например, библиотека из много более десяти тысяч анекдотов — «Огоньку» хватит печатать их до XXI века. Наверняка и у наших читателей есть в запасе коллекции выражений типа «Нарочно не придумаешь», с которыми мы также будем рады познакомиться всех...

Ну а пока предоставим слово профессионалу. Недавно вышло

уже третье издание книги Юрия Визбора «Я сердце оставил в синих горах». Первое вышло в 1986 году, вскоре после смерти основоположника бардовской песни. Книга сразу стала библиографической редкостью, поэтому мы смело перепечатаем сегодня странички из записных книжек Ю. Визбора

— У вас тут в городе плохо: всё осень да зима. А у дедушки в деревне всё время лето.

В аэропорту было, как в опере, — очень громко и ничего не понятно.

Ксюша пишет пьесу. Действующие лица: принц, принцесса, пожилой человек 18 лет...

Я достиг такого возраста, в котором мужчина может себя украсить лишь деньгами.

— Ты не представляешь, что чувствует женатый мужчина, когда он сам пришивает пуговицу к пиджаку.

Как самому собрать телевизор? При помощи совка и веника.

Чем уже коллектив, тем сильнее склока.

Вам нужен рекорд, а мне нужен муж и отец детей.

Эмблема медицины — теща есть мороженое.

Секретарь райкома два часа говорила, не давала никому вставить слово, рассказывала о делах в районе. В конце речи сказала:

— Беседа с такими умными людьми мне очень много дала и многому научила.

В связи с тем, что я сделал открытие в области физики, прошу установить на моей родине в г. Нижний Ломов бронзовый бюст. Лучше всего возить его по реке, потому что дорога у нас ямистая и бюст может побиться. Петр Пылеев, ученик 2 ГПТУ.

При встрече с ним сразу хотелось закурить махорку и сказать что-нибудь значительное о видах на урожай.

Хмелеуборочная машина — вытрезвитель.

Грузин дал 5 тыс., чтобы его сын поступил в Москве в институт. Сын не поступил. Грузин возмущался: «Слушай, у них просто коррупция!»

Он ушел из большого секса, перейдя на тренерскую работу.

Навстречу попадались жены писателей со следами глубокого понимания литературных произведений на лице.

В санатории было так мало мужчин, что многие женщины уехали не отдохнувши.

По радио непрерывно играют музыку, под которую в цирке выходят дрессированные собаки.

Секретарь обкома о Салтыкове-Щедрине: «Так, понимаете ли, оклеветал область, а приходится юбилей праздновать!»

Наступают праздники, время птицевых кошмаров.

Телогрейка — стопроцентный коттон.

Весна похожа на развод — открывает всю грязь.

Судя по тому, что артисты не торопились играть, фильм был двухсерийным.

Осветитель в гостинице «Интурист». Утром звонит в ресторан:

— Скажите, у вас можно заказать завтрак на номер?

— Пожалуйста.

— Будьте добры, тогда принесите, пожалуйста, две бутылки портвейна.

На спортивном параде:

— Я как раз шел во второй букве «С» в слове «СССР».

Прежде всего начальник не должен мешать работать.

Живу хуже, чем все, но лучше, чем некоторые.

После свадьбы — медовый квартал.

Посуда вся мытая, чистая, а муха не считается.

Свободно владеет тремя иностранными акцентами.

читатель —
читателю

Лечение по Заровецкому

Говорим о милосердии мы сейчас много, а вот реальных проявлений его значительно меньше. И всё же подвижники и просто люди душевные у нас не перевелись, их много, только не все знают, как и кому практически они могут помочь... Андрей Николаевич Заровецкий, о котором мы уже рассказывали, решил для себя эту задачу просто: народный целитель-самоучка, он просто делится с людьми своим опытом, знаниями, наблюдениями. Итак, его письмо, которое мы обещали напечатать:

«Уважаемая редакция! Спасибо за публикацию моего письма в № 4. Жаль только, что не предупредили читателей о самом важном: семена сначала надо высушить, а только потом их можно рассылать. Семена получают все, но в первую очередь больные, им вышло к осени. Остальным — зимой, руки-то одни. Только на читку писем уходит 3—4 часа каждый день. Писем очень много и очень много в них боли...»

Травы я знаю по наследству, да и собственный опыт сейчас уже большой. Когда-то в детстве жил я на Украине. Была засуха, голод, помню, священник в церкви все время говорил нам: «Люди! Не ешьте лебеду, ешьте сушеную крапиву». И вот благодаря этой сушеной крапиве народ у нас в округе и спасся, умирали лишь очень немногие. А в других местах вымирали целыми деревнями... Ну ладно, это дело прошлое, голод нам сейчас, слава Богу, не грозит. Но стоят у ворот другие беды и главная из них — экологическая. И вот мне, как тому священнику, тоже хочется призвать всех пить чай... из гречки. Точнее, из сухих цветков гречихи, а взрослых можно и из соломы гречихи. Прекрасное откашливающее, укрепляющее — при астме, бронхитах и других болезнях органов дыхания. Чай из гречихи выводит из организма вредные вещества, яды, радиоактивные металлы, им лечат лейкомию, опухоли, белокровие, атеросклероз, гипертонию, головные боли. Очень редко такой чай «не идет», заметно это бывает по тому, что человека постоянно слабит.

Чай из гречихи желателен пить и здоровым людям — в целях профилактики хотя бы 1—2 недели в каждые 2—3 месяца. Готовят его так: 1 чайную ложку сухих цветков или соломы заливают стаканом кипятка, настаивают до остывания. Пьют по 1—2—3 столовых ложки (в зависимости от возраста и комплекции) до еды 17—20 дней в месяц. Перерыв после каждого курса 2—3 недели.

Еще хорошее средство народной медицины — для детей и взрослых, больных эпилепсией, неврозами, страхами, судорогами — на ночь в спальне больного человека ставят сухие корни валерианы, если валериана не противопоказана и не вызывает дурноты из-за специфического запаха. Можно делать и ванны с настоем валерианы. 30—50 граммов сухих корней валерианы, предварительно намыв, заваривают в марлевый мешочек и подвешивают в спальне. Лечение проводится длительное время. На день не забывают мешочек закрывать в герметическую посуду. Каждые 12—14 дней валериану меняют на свежую, а старую можно использовать для ванн. Курс — 8 ванн

через 1—2 дня. Конечно, во всем надо знать меру, не надо применять валериану массированно — сразу и ванны, и пить настоев, и дышать ею ночью. Только при лечении весьма и весьма ограниченными дозами, но зато на протяжении большого (месяцы) промежутка времени можно добиться успеха. Тихими стопами-с, тихими стопами!

Большую пользу приносит и обыкновенный овес, особенно больным органами желудочно-кишечного тракта. Хороши и кисели и каши из овса, я же рекомендую периодически пить настои. Одну столовую ложку измельченного в кофемолке (или пропущенную через мясорубку) овса заваривают стаканом кипятка. Настаивают в духовке (не кипятить!) или в термосе (пробку закрывают не сразу, а через 1—2 минуты) в течение 3—4 часов. Потом настои сливают, остужают и процеживают, пьют равными дозами по одному-двум стаканам в день. Курс — 17—20 дней в месяц, потом перерыв. Через 1—2—3 месяца курс повторить.

Еще порекомендовал бы употреблять в пищу такие овощи как стахис, топинамбур, спаржу. Эти многолетние овощи богаты активными биовеществами и микроэлементами, их употребление может понизить процент сахара в крови, выводит из организма вместе с другими шлаками нитраты и фосфаты. Для здоровых — деликатес, для больных — лекарство.

Вот такие общие приемы народной медицины способны делать чудеса. Желаю вам здоровья и успехов.

ЗАРОВЕЦКИЙ

Андрей Николаевич
624093

Свердловская область,
Полёвский район,
поселок Зюльевский,
ул. Азовская, 11.»

Предвидим скептические усмешки иных специалистов и ученых: «И это всё?» А что ещё? Старый опытный человек между ответами на сотни писем наших читателей написал письмо и нам в редакцию, а, значит, и всем трем миллионам подписчиков журнала. Безусловно, его познания народной медицины не ограничиваются этими краткими советами, но разве обо всем сразу расскажешь? Вот передо мной на полке стоят десятки книг о лекарственных растениях и о фитотерапии, я их много лет упорно собираю, подобно иному завязому филателисту, собирающему марки, скажем, о живописи. Ну и что, лечился ли хоть раз по этим книгам? Нет. Но зато размышляю о том, где закупить неочищенный овес, собираясь пить этот волшебный настой. Эффект живого слова! Умные книги понаписаны, отличные клиники работают, но пенсионер с Урала убеждает сильнее. Так что, будем лечиться и «по Заровецкому»?

С. Парсаданян,
редактор отдела семейного
досуга

шахматный лекторий

Ловушки

Представьте себе такое положение: противник сделал ход, и вы можете, как вам кажется, безнаказанно взять пешку или фигуру. Но поступив так, вы через несколько ходов проигрываете — попались в ловушку. Если бы вы с самого начала разгадали замысел противника, то можно было избрать другое продолжение.

Бывает так, что ловушечный ход объективно является слабым, и весь расчет на то, что противник не разгадает ловушки. Это плохая ловушка, так как она может привести к поражению ее изобретателя. Хорошая ловушка — это по существу косвенная защита: фигура не защищена, но брать ее нельзя — последует быстрое наказание.

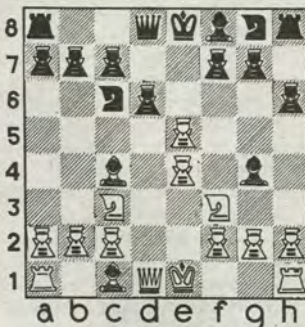
Неопытные шахматисты попадают в ловушки часто в самом начале игры, увлекаясь «пешковством» и забывая о необходимости развития фигур. Рассмотрим несколько примеров ловушек.

1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cc4 Kd4. Могут ли белые брать пешку? Попробуем: 4. K:e5 Fg5 5. K:f7 F:g2 6. Лf1 F:e4+ 7. Ce2 Kf3 мат. Легко убедиться, что и другие предложения, связанные со взятием пешки e5, невыгодны для белых. А между тем ход 3...Kd4 ошибочный. После правильного ответа белых 4. c3 K:f3 черные сильно отстают от развития.

После ходов 1. d4 d5 2. c4 e6 3. Kc3 Kf6 4. Cg5 Kbd7 очень часто в практике возникает позиция, в которой заключена ловушка. Если белые попытаются выиграть пешку, они проиграют фигуру: 5. cd ed 6. K:d5 K:d5! 7. C:d8 Cb4+ 8. Фd2 C:d2+ 9. Kp:d2 Kp:d8. В отличие от предыдущего примера, здесь ловушка ставится попутно. Ход Kd7 является нормальным раз-

вивающимся ходом, и белые, не попадаясь в ловушку, должны продолжать: 5. e3.

После ходов: 1. e4 e5 2. f4 Cc5 3. fe? последует 3...Фh4+ 4. g3 Ф:e4+ 5. Фe2 Ф:h1, выигрывая ладью. Белые должны играть: 3. Kf3.

Позиция белых: Kpe1, Фd1, Ла1, Лh1, Cc1, Cc4, Kc3, Kf3, a2, b2, c2, e4, e5, f2, g2, h2.

Позиция черных: Kpe8, Фd8, Ла8, Лh8, Cg4, Cf8, Kc6, Kg8, a7, b7, c7, d6, f7, g7, h6.

Ход черных. Очень заманчиво здесь сыграть: 1...K:e5, но такой ход привел бы к немедленному проигрышу: 2. K:e5! C:d1 3. C:f7+ Kpe7 4. Kd5 мат. Этот мат носит имя его изобретателя Легалля и известен около двухсот лет.

Для самостоятельного решения предлагаем позицию:

Позиция белых: Kpe1, Фd4, Лd1, Лh1, Cd2, Ke2, Kf3, a2, b2, c2, e5, f2, g2, h2.

Позиция черных: Kpe8, Фb6, Ла6, Лh8, Cc8, Ce7, Ke4, a7, b7, c7, c6, f5, g7, h7.

Могут ли черные играть 1...Cc5, чтобы выиграть пешку f2?

Ответ будет в следующем номере.

Конкурс шахматных семей

Задание 21

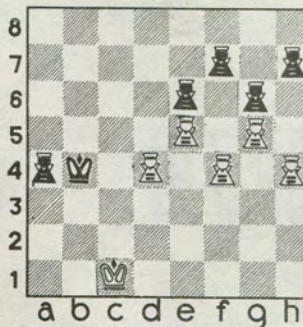

Позиция белых: Kpd5, Лh4, e5, e6.

Позиция черных: Kpg8, Лc1, c2, c7, g7.

Ход белых. Ничья

Задание 22

Позиция белых: Kpe1, d4, e5, f4, g5, h4.

Позиция черных: Kpb4, a4, e6, f7, g6, h7.

Ход белых. Выигрыш.

Н. ЮНЕВА

ВАСИЛИЙ МАКСИМОВ

«ПРИХОД КОЛДУНА НА КРЕСТЬЯНСКУЮ СВАДЬБУ»

Среди художников-передвижников Василий Максимович Максимов (1844—1911 гг.) выделялся той спокойной основательностью, с которой нес во жизни верность принципам национального демократического искусства, провозглашенным в 60-е годы. Существовал даже некий пиекет, некое преклонение перед ним среди единомышленников. Об этом рассказал Илья Ефимович Репин в своих воспоминаниях. «Покойный Крамской, человек громадного ума, непоколебимой убежденности в значении национального в нашем искусстве, всегда, как только приносили на выставку картины Максимова, надевал пенсне, приседал на корточки перед картиной, еще не повешенной на стену, и долго не мог прервать своего наслаждения этим подлинным свидетельством о жизни народа.

— Да, да, сам народ писал свою картину...— говорил Иван Николаевич, глубоко растроганный.— Удивительно, удивительно! Вот, жанристы, у кого учиться...»

Нам не совсем понятен этот пиекет и это «приседание на корточки». Возможно, это был некий самообман, связанный с преувеличенной жадой подлинности. А, может быть, это связано с обаянием личности Василия Максимова, его крестьянским происхождением и верностью «крестьянской записке».

Родом он был с русского Севера, с берегов Волхова. В своей «Автобиографии», опубликованной в нескольких номерах журнала «Голос минувшего» за 1913 год, он пишет: «Родился я в 1844 году 17 января. Отец мой, государственный крестьянин СПб (Санктпетербургской.— Ред.) губернии, Новоладожского уезда, Усажинской волости, деревни Лапина, Максим Терентьевич Ляшин; мать, дочка дьячка, той же

губернии и уезда, прихода Шижнемы на реке Паше, Анастасия Васильевна Колумбова...» С обстоятельностью, достойной серьезного бытописателя, Максимов рассказывает о жизни и нравах своей семьи, своей деревни. Нравы эти были не совсем обычные, крестьянская жизнь на Волхове и Ладоге во многом отличалась от жизни крестьян средней полосы, которую мы знаем по произведениям Успенского, Решетникова, Засодимского, Чехова, Бунина.

В родном доме Максимова были не только церковные книги, но и светские, отец сам учил детей чтению по «Азбуке». От братьев-семинаристов, приезжавших на каникулы, мать выучилась по-гречески и латыни, знала историю Греции и Средних веков и, конечно, прекрасно знала все богослужение. При всем этом она не просто исправно вела хозяйство, лучше всех в деревне она умела ткать и прясть, белить холсты, за рецептами ее солений и варений приезжали из города мещанки, когда Вася приносил в школу пирог из черного теста, богатые ученики нарасхват меняли его на ситники с патокой; умела матушка всех в деревне помирить, все ходили к ней исповедаться. А ведь она рано овдовела, на руках у нее осталась куча детей. Запомнил Василий Максимович, как старший брат его высек, когда разрисовал он беленую печку углем (страсть к рисованию развилась у него очень рано), матушка его никогда не наказывала. В учении видела она спасение от всякого зла. По желанию сына она отдала его в монастырь, не в послушники, а в услужение, надеясь, что там мальчик постигнет всю самую высокую ученость. Уже после ее смерти Василий Максимович ушел из монастыря, поехал в Петербург и устроился в иконописную мастерскую. Не без помощи добрых покровителей сумел поступить в Академию художеств. Окончание Академии, получение золотой медали (он вошел в число первых учеников) открывали перед ним возможность новой жизни. Он становился человеком другого сословия, мог поехать в Европу на шесть лет для совершенствования своего искусства, чтобы возвратиться достойным звания и деятельности профессора. Он отринул такую возможность. Шел 1866 год, тремя годами раньше Крамской и 13 других «протестантов» отказались участвовать в конкурсе на золотую медаль и покинули Академию. Так же поступил и Максимов. «Мой убеждения,— сказал он,— заставляют меня не идти на конкурс, я против заграничной поездки, потому что хочу изучить сначала Россию и бедную русскую деревню, которую у нас никто не знает, не знает деревенской нужды и горя».

В этом бунте было много юношеского максимализма и свойственного для революционных эпох искаженного представления об искусстве, когда понятия ремесла, постижение законов творчества противопоставлялись высоким моральным принципам. Основной задачей художника провозглашалось служение народу, как позднее — служение партии, идеологии марксизма-ленинизма. Но в прошлом веке, распространившись в обществе с помощью революционно-демократической критики, это представление об искусстве имело таких могучих оппонентов, как Тургенев, Толстой, Достоевский, Чехов, как Мусоргский и Чайковский. Именно это противостояние определяло поступательное движение русской культуры, как нечно невиданное представшей всему миру. Велика ли была лепта в этой культуре художников-передвижников? Думается, ее не стоит переоценивать...

Василий Максимович надеялся, что, поселившись в своей родной деревне, сделав своими собеседниками, натурщиками и первыми критиками односельчан, он совершил добрый поступок. Что ж, в его полотнах мы видим и его доброту, и его тщательное стремление постигнуть народный быт. Для нас он прежде всего исторический живописец, свидетель и летописец исчезнувшей атлантиды народного быта. Интересно, что во многих картинах он обращался к впечатлениям детства. Очень подробно описанные в «Автобиографии» женьтища старшего брата и поездка в дом невесты становятся сюжетом «Прихода колдуна на крестьянскую свадьбу» (1875 год). В этом описании важен эпический тон и подробности: «Нас встретил на дворе родной брат Варвары Семеновны (невесты.— Ред.) Григорий, два его брата и мать, со свечами проводили в избу; изба оказалась черная, как баня, и запах такой же банный, она низенькая, тесная, неудобная, мне сразу стало скучно. Дядя и мама были разговорчивы и не показывали своего удивления; вот когда начался стол, стали неволить пить водку, пиво, тут дядя решительно сказал, что

он не «пьянствовать приехал, а сделать честь новой родне». И в самом деле, из всех наших гостей водку и пиво пили только двое, да и то самую малость... Еще немного прошло время, что мы сидели за столом, Варварина родня, напившись, начала между собой вздорить, как раз в это время вошел какой-то человек с собакой и, не снимая шапки, стоял у порога. Все гости переглянулись и шептали друг другу: «Колдун, колдун пришел», — тогда дядя о. Трефилий встал и громко сказал: «Колдун, подойди сюда, выпей за здоровье молодых красулю и уходи, не мешай пировать». Поднесли колдуну водки, дядя сунул ему в руки какую-то монету и колдун исчез со своей собачкой...

В этом же эпическом ключе выдержана и картина. Приход колдуна не является чем-то исключительным. Ведь в каждой деревне был свой юродивый, свой дурачок и свой колдун. Максимов один из первых создал произведение, в котором «хоровое» начало сочетается с передачей особенностей каждого персонажа.

Несомненный исторический и этнографический интерес вызывают такие его полотна, как «Семейный раздел», «Бедный ужин», «Аукцион за недоимки». Однако прославился художник полотном, которое не имело никакого отношения к крестьянской жизни — «Всё в прошлом» (1889). Он сделал сорок два повторения этого полотна, очень его любил и с

удовольствием писал повторения. Что-то здесь есть от тургеневских стихотворений в прозе, та же элегическая нота.

Для незнакомых с жизнью художника эти тургеневские мотивы кажутся неожиданными. Но ведь вскоре после приезда в родную деревню художник женится на дочери соседних помещиков и становится владельцем прекрасного поместья «Любша», живописно расположенного на берегу Волхова. Красавица Лидушка, верная спутница на всю жизнь. Здесь, в «Любше», он строит свою мастерскую, дом наводняет молодежь, а рядом доживают свой век старики. Вот и сюжет для картины...

Сам он встретил старость в сырой, неуютной петербургской квартире. Заказов не было. Чтобы свести концы с концами, брался за работу, которую глубоко презирал, — писал портреты с фотографий. Сильно болел, от истощения началась цинга. Может быть, если б нашлись силы, справился бы он с немощью и болезнями, если не сознание, что всем ходом русского искусства он отодвинут и забыт. Но, в отличие от спокойного достоинства героини своего самого известного полотна, он, не понимая нового, временами впадал в отчаяние...

Л. ОСИПОВА

ЧУК И ГЕК

Аркадий ГАЙДАР

Весь следующий день дорога шла лесом и горами. На подъёмах ямщик соскакивал с саней и шёл по снегу рядом. Но зато на крутых спусках сани мчались с такой быстротой, что Чуку с Геком казалось, будто бы они вместе с лошадьми и санями проваливаются на землю прямо с неба.

Наконец под вечер, когда и люди и кони уже порядком устали, ямщик сказал:

— Ну, вот и приехали! За этим мыском поворот. Тут, на поляне, и стоит ихняя база... Эй, но-о!.. Наваливай!

Весело взвизгнув, Чук и Гек вскочили, но сани дернули, и они дружно плюхнулись в сено.

Улыбающаяся мать скинула шерстяной платок и осталась только в пушистой шапке.

Сани лихо развернулись и подкатили к трём домишкам, которые торчали на небольшой, укрытой от ветров опушке.

Очень странно! Не лаяли собаки, не было видно людей. Не валил дым из печных труб. Все дорожки были занесены глубоким снегом, а кругом стояла тишина, как зимой на кладбище. И только белобокие сороки бестолково скакали с дерева на дерево.

— Ты куда же нас привёз? — в страхе спросила у ямщика мать. — Разве нам сюда надо?

— Куда рядились, туда и привёз, — ответил ямщик. — Вот эти дома называются «Разведывательно-геологическая база номер три». Да вот и вывеска на столбе. Читайте. Может быть, вам нужна база под названием номер четыре? Так то километров двести совсем в иную сторону.

— Нет, нет! — взглянув на вывеску, ответила мать. — Нам нужна эта самая. Но ты посмотри: двери на замках, крыльцо в снегу, а куда же девались люди?

— Я не знаю, куда б им деваться, — удивился и сам ямщик. — На прошлой неделе мы сюда продукт возили: муку, лук, картошку. Все люди тут были: восемь человек, начальник девятый, со сторожем десять... Вот ещё работа! Да вы постоите, я пойду посмотрю в сторожку.

И, сбросив тулуп, ямщик зашагал через сугробы к крайней избушке.

Вскоре он вернулся.

— Изба пуста, а печка тёплая. Значит, здесь сторож, да, видеть, ушел на охоту. Ну, к ночи вернётся и всё вам расскажет.

— Да что он мне расскажет! — ахнула мать. Я и сама вижу, что людей здесь уже давно нету.

— Это я уж не знаю, что он расскажет, — ответил ямщик. — А что-нибудь рассказать должен, на то он и сторож.

С трудом подъехали они к крыльцу сторожки, от которого к лесу вела узенькая тропка.

Они вошли в сени и мимо лопат, мётел, топоров, палок, мимо промёрзлой медвежьей шкуры, что висела на железном крюку, прошли в избушку. Вслед за ними ямщик тащил вещи.

В избушке было тепло. Ямщик пошёл давать лошадям корм, а мать раздевала перепуганных ребятшек.

— Ехали к отцу, ехали — вот тебе и приехали!

Мать села на лавку и задумалась. Что случилось, почему на базе пусто и что теперь делать? Ехать назад? Но у неё денег оставалось только-только заплатить ямщику за дорогу. Значит, надо было ожидать, когда вернётся сторож. Но ямщик через три часа уедет обратно, а вдруг сторож возьмёт да не скоро вернётся? Тогда как? А ведь отсюда до ближайшей станции и телеграфа почти сто километров!

Вошёл ямщик. Оглядев избу, он потянул носом воздух, подошёл к печке и открыл заслонку.

— Сторож к ночи вернётся, — успокоил он. — Вот в печи горшок со щами. Кабы он ушёл надолго, он бы щи на холод вынес... А то как хотите, — предложил ямщик. — Раз уж такое дело, то я не чурбак. Я вас назад до станции бесплатно доставлю.

— Нет, — отказалась мать. — На станции нам делать нечего.

Опять поставили чайник, подогрели колбасу, поели, попили, и, пока мать разбирала вещи, Чук с Геком забрались на тёплую печку. Здесь пахло берёзовыми вениками, горячей овчиной и сосновыми щепками. А так как расстроенная мать была молчалива, то Чук с Геком молчали тоже. Но долго молчать не намолились, и поэтому, не найдя себе никакого дела, Чук и Гек быстро и крепко уснули.

Они не слышали, как уехал ямщик и как мать, забравшись на печку, улеглась с ними рядом. Они проснулись уже тогда, когда в избе было совсем темно. Проснулись все разом, потому что на крыльце послышался топот, потом что-то в сенях загрохотало — должно быть, упала лопата. Распахнулась дверь, и с фонарём в руках в избу вошёл сторож, а с ним большая лохматая собака. Он скинул с плеча ружьё, бросил на лавку убитого зайца и, поднимая фонарь к печке, спросил:

— Это что же за гости сюда приехали?

— Я жена начальника геологической партии Серёгина, — сказала мать, соскакивая с печки, — а это его дети. Если нужно, то вот документы.

— Вон они, документы: сидят на печке, — буркнул сторож и посветил фонарём на встревоженные лица Чука и Гека. — Как есть в отца — копия! Особо вот этот

толстый. — И он ткнул на Чука пальцем.

Чук и Гек обиделись: Чук — потому, что его называли толстым, а Гек — потому, что он всегда считал себя похожим на отца больше, чем Чук.

— Вы зачем, скажите, приехали? — глянув на мать, спросил сторож. — Вам же приезжать было не велено.

— Как не велено? Кем это не велено?

— А так и не велено. Я сам на станцию возил от Серёгина телеграмму, а в телеграмме ясно написано: «Задержись выезжать на две недели. Наша партия срочно выходит в тайгу». Раз Серёгин пишет «задержись» — значит, и надо было держаться, а вы самовольничаете.

— Какую телеграмму? — переспросила мать. — Мы никакой телеграммы не получали. — И, как бы ища поддержки, она растерянно глянула на Чука и Гека.

Но под её взглядом Чук и Гек, испуганно тараща друг на друга глаза, поспешно попятнулись глубже на печку.

— Дети, — подозрительно глянув на сыновей, спросила мать, — вы без меня никакой телеграммы не получали?

На печке захрустели сухие щепки, веники, но ответа на вопрос не последовало.

— Ответайте, мучители! — сказала тогда мать. — Вы, наверное, без меня получили телеграмму и мне её не отдали?

Прошло ещё несколько секунд, потом с печки раздался ровный и дружный рёв. Чук затащил басовито и однотонно, а Гек выводил потоньше и с переливами.

— Вот где моя погибель! — воскликнула мать. — Вот кто, конечно, сведёт меня в могилу! Да перестаньте вы гудеть и расскажите толком, как было дело.

Однако, услышав, что мать собирается идти в могилу, Чук с Геком взвыли ещё громче, и прошло немало времени, пока, перебивая и бесстыдно сваливая вину друг на друга, они затащили свой печальный рассказ.

Ну что с таким народом будешь делать? Поколотить их палкой? Посадить в тюрьму? Заковать в кандалы и отправить на каторгу? Нет, ничего этого мать не сделала. Она вздохнула, приказала сыновьям слезть с печки, вытереть носы и умыться, а сама стала спрашивать сторожа, как же ей теперь быть и что делать.

Сторож сказал, что разведывательная партия по срочному приказу ушла к ущелью Алкараш и вернётся никак не раньше, чем дней через десять.

— Но как же мы эти десять дней жить будем? — спросила мать. — Ведь у нас с собой нет никакого запаса.

— А так вот и живите, — ответил сторож. — Хлеба я вам дам, вон подарю зайца — обдерёте и сварите. А я завтра на двое суток в тайгу уйду, мне капканы проверять надо.

— Нехорошо, — сказала мать. — Как же мы останемся одни? Мы тут ничего не знаем. А здесь лес, звери...

— Я второе ружьё оставляю, — сказал сторож. — Дрова под навесом, вода в роднике за пригорком. Вот крупа в мешке, соль в банке. А мне — я вам прямо скажу — нянчиться с вами тоже некогда...

— Эдакий злой дядька! — прошептал Гек. — Давай, Чук, мы с тобой ему что-нибудь скажем.

— Вот ещё! — отказался Чук. — Он тогда возьмёт и вовсе нас из дому выгонит. Ты погоди, придет папа, мы ему всё и расскажем.

— Что ж папа! Папа ещё долго...

Гек подошёл к матери, сел к ней на колени, сдвинув брови, строго посмотрел в лицо грубому сторожу.

Сторож снял меховой кожан и подвинулся к столу, к свету. И только тут Гек разглядел, что от плеча к спине кожан вырван огромный, почти до пояса, меховой клочок.

— Достань из печки щи, — сказал матери сторож. — Вон на полке ложки, миски, садитесь и ешьте. А я шубу чинить буду.

— Ты хозяин, — сказала мать. — Ты достань, ты и угощай. А полшубок дай: я лучше твоего заплаताю.

Сторож поднял на неё глаза и встретил суровый взгляд Гека.

— Эге! Да вы, я вижу, упрямые, — пробурчал он, протянул матери полшубок и полез за посудой на полку.

— Это где так разорвалось? — спросил Чук, указывая на дыру кожан.

— С медведем не поладили. Вот он меня и цапнул, — нехотя ответил сторож и бухнул на стол тяжёлый горшок со щами.

— Слышишь, Гек? — сказал Чук, когда сторож вышел в сени. — Он подрался с медведем и, наверное, от этого сегодня такой сердитый.

Гек слышал всё сам. Но он не любил, чтобы кто-либо обижал его мать, хотя бы это и был человек, который мог поспорить и подраться с самим медведем.

Утром, ещё на заре, сторож захватил с собой мешок, ружьё, собаку, стал на лыжи и ушёл в лес. Теперь хозяйничать надо было самим. Втроем ходили они за водой.

За пригорком из отвесной скалы среди снега бил ключ. От воды, как из чайника, шёл густой пар, но когда Чук подставил под струю палец, то оказалось, что вода холодной самого мороза.

Потом они таскали дрова. Русскую печь мать топить не умела, и поэтому дрова долго не разгорались. Но зато когда разгорелись, то пламя запылало так жарко, что толстый лёд на окне у противоположной стенки быстро растаял. И теперь через стекло видна была и вся опушка с деревьями, по которым скакали сороки, и скалистые вершины Синих гор.

Кур мать потрошить умела, но обдирать зайца ей ещё не приходилось, и она с ним провозилась столько, что за это время можно было ободрать и разделать быка или корову.

Геку это обдирание ничуть не понравилось, но Чук помогал охотно, и за это ему достался зайчиный хвост, такой лёгкий и пушистый, что если его бросать с пачки, то он падал на пол плавно, как парашют.

После обеда они втроем вышли гулять.

Чук уговаривал мать, чтобы она взяла с собой ружьё или хотя бы ружейные патроны. Но мать ружья не взяла.

Наоборот, она нарочно повесила ружьё на высокий крюк, потом встала на табуретку, заснула патроны на верхнюю полку и предупредила Чука, что если он попробует стянуть хоть один патрон с полки, то на хорошую жизнь пусть больше не надеется.

Чук покраснел и поспешно удалился, потому что один патрон уже лежал у него в кармане.

Удивительная это была прогулка! Они шли гуськом к роднику по узенькой тропке. Над ними сияло холодное голубое небо; как сказочные замки и башни, поднимались к небу остроконечные утёсы Синих гор. В морозной тишине резко стрекотали любопытные сороки. Меж густых кедровых ветвей бойко прыгали серые юркие белки. Под деревьями, на мягком белом снегу отпечатались причудливые следы незнакомых зверей и птиц.

Вот в тайге что-то застало, загудело, треснуло. Должно быть, ломая сучья, обвалилась с вершины дерева гора обледенелого снега.

Раньше, когда Гек жил в Москве, ему представлялось, что вся земля состоит из Москвы, то есть из улиц, домов, трамваев и автобусов.

Теперь же ему казалось, что вся земля состоит из высокого дремучего леса. Да и вообще, если над Гekom светило солнце, то он был уверен, что и над всей землёй ни дождя, ни туч нету.

И если ему было весело, то он думал, что и всем на свете людям хорошо и весело тоже.

Прошло два дня, наступил третий, а сторож из леса не возвращался, и тревога нависла над маленьким, занесённым снегом домиком.

Особенно страшно было по вечерам и ночами. Они крепко запирали сени, двери и, чтобы не привлечь зверей светом, наглухо занавешивали половиком окна, хотя надо было делать совсем наоборот, потому что зверь — не человек и он огня боится. Над печной трубой, как и полагается, гудел ветер, а когда выюга хлестала острыми снежными льдинками по стене и окнам, то всем казалось, что снаружи кто-то толкается и царапается.

Они забрались спать на печку, и там мать долго рассказывала им разные истории и сказки. Наконец она задремала.

— Чук, — спросил Гек, — почему волшебники бывают в разных историях и сказках? А что, если бы они были и на самом деле?

— И ведьмы и черти чтобы были тоже? — спросил Чук.

— Да нет! — с досадой отмахнулся Гек. — Чертей не надо. Что с них толку? А мы бы попросили волшебника, он слетал бы к папе и сказал бы ему, что мы уже давно приехали.

— А на чём бы он полетел, Гек?

— Ну, на чём... Замахал бы руками или там ещё как. Он уж сам знает.

— Сейчас руками махать холодно, — сказал Чук. — У меня вон какие перчатки да варежки, да и то, когда я таскал полено, у меня пальцы совсем замёрзли.

— Нет, ты скажи, Чук, а всё-таки хорошо бы?

— Я не знаю, — заколебался Чук. — Помнишь, во дворе, в подвале, где живёт Мишка Крюков, жил какой-то хромой. То он торговал баранками, то к нему приходили всякие бабы, старухи, и он им гадал, кому будет жизнь счастливая и кому несчастная.

— И хорошо он гадал?

— Я не знаю. Я знаю только, что потом пришла милиция, его забрали, а из квартиры много чужого добра вытащили.

— Так он, наверное, был не волшебник, а жулик. Ты как думаешь?

— Конечно, жулик, — согласился Чук. — Да, я так думаю, и все волшебники должны быть жуликами. Ну, скажи, зачем ему работать, раз он и так во всякую дыру пролезть может? Знай только хватай, что надо... Ты бы лучше спал, Гек, всё равно я с тобой больше разговаривать не буду.

— Почему?

— Потому, что ты городишь всякую ерунду, а ночью она тебе приснится, ты и начнёшь локтями да коленями дрыгать. Думаешь хорошо, как ты мне вчера кулаком в живот бухнул? Дай-ка я тебе бухну тоже...

Окончание следует

30 коп.

Индекс 70909

ЧТО ТАКОЕ ВАЛЬДОРФСКАЯ ПЕДАГОГИКА

Статью датского педагога Ингер Брокман читайте на стр. 4, 9—11.

ISSN 0131-7377 «Семья и школа», 1990, № 11, 1—64